

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

3-4

1942

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК
СССР

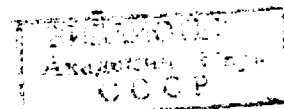
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ответственный редактор
Ем. Ярославский

К Н И Г А

3-4

103-104

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

1942

ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНЯЯ ГОДОВЩИНА СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ

А. Панкратова

Двадцать пять лет тому назад, 12 марта 1917 г., восставшие рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, руководимые большевистской партией Ленина—Сталина, свергли самодержавную монархию Романовых, более трехсот лет угнетавшую миллионы трудящихся нашей страны.

Вожди мирового пролетариата, основоположники научного социализма Маркс и Энгельс еще с 1848 г. непрерывно призывали европейских рабочих к борьбе с русским царизмом как оплотом европейской реакции. Энгельс в начале 90-х годов даже переоценил значение царизма как реакционной силы Европы, считая его последним могучим оплотом европейской реакции.

Царская монархия—«международный жандарм», насаждавший реакционные порядки не только в России, но и в других странах,—после Крымской войны 1853—1856 гг. стала терять свое руководящее положение в международной политике. С конца XIX в. царизм становится сторожевым псом империализма на Востоке и вернейшим союзником западного империализма по разделу Китая, Персии, Турции и т. д. Иностранные капиталы, вложенные в России, и займы царизму включали царскую Россию в общую систему мирового империализма. Интересы русского царизма и западноевропейского империализма все более и более сливались «в единый клубок интересов империализма» (Сталин).

Изучая условия и тенденции развития новой, империалистической эпохи, основоположники большевизма и советского строя Ленин и Сталин настойчиво подчеркивали исторически прогрессивную задачу русского пролетариата, который свержением царизма подготовлял свержение империализма, ибо «кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм»¹. Без свержения царизма нельзя было двигаться вперед, к социализму. Важнейшая задача самого революционного класса царской России—пролетариата—состояла в том, чтобы ликвидацией самодержавия расчистить путь для борьбы за социализм. «История поставила теперь перед нами,—писал Ленин об этой задаче рабочего класса в работе «Что делать»,—ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой стороны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»².

Для характеристики царизма как самого реакционного режима в Европе XIX и начала XX в. показательны то, что в России дольше всего сохранялись крепостнические отношения. До 1861 г. существовало официально крепостное право, а после так называемого освобождения

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 5. 11-е изд.

² Ленин. Соч. Т. IV, стр. 382.

крестьян по манифесту 19 февраля 1861 г. остатки крепостничества были так велики и устойчивы, как ни в одной европейской стране. Россия позже других стран Европы вступила на путь капиталистического развития. В Англии буржуазная революция разрушила феодально-крепостнический строй в XVII в., во Франции — в конце XVIII века. Германия вступила на путь быстрого развития капитализма после революции 1848 г. и особенно — после 1871 года. В России же даже «освобождение» крестьян от крепостной зависимости было проведено таким образом, что сохранялась самая основа крепостничества — крупное феодально-помещичье землевладение. Вплоть до самого свержения самодержавия 30 тыс. крупнейших помещиков владели 70 млн. десятин земли. В то же время 10 млн. крестьянских дворов имели почти такое же количество земли. В этом наиболее ярко выражалась экономическая отсталость царской России по сравнению с другими европейскими странами.

Помещики, писал Ленин, «своим средневековым землевладением (миллионов в 70 десятин лучшей земли) и своим гнетом осуждают 5/8 населения на нищету, а всю страну на застой и гниение»¹.

Малоземелье миллионов крестьян вынуждало их арендовать на самых кабальных условиях помещичью землю, которая обрабатывалась ручным способом или самым примитивным крестьянским инвентарем. Это приводило к крайней отсталости сельского хозяйства. Одним из результатов этой отсталости были неурожаи и систематические голодовки миллионов крестьян. Так, в результате неурожая 1891 г. голод охватил огромную территорию с населением в 40 млн. человек.

Царизм обирал народ многообразными способами, созданными всей системой дворянско-помещичьего государства с самодержавным хищником во главе. Не только весь специально приспособленный для этой цели налоговый пресс, вся система государственных повинностей, весь продажный бюрократический аппарат управления, но даже такие организации, как кооперация, сберегательные кассы и т. п., были приспособлены для ограбления народных масс.

Ленин еще в 1902 г. показал, на что обращались капиталы сберегательных касс в России. Они прежде всего усиливали могущество военного и полицейско-буржуазного государства. Царское правительство распоряжалось этими капиталами так же бесконтрольно, как и всем остальным, попадавшим в его руки имуществом народа. Из народных сбережений царская казна «занимала» миллионы рублей для покрытия путем этих займов дефицита от военных расходов и щедрых субсидий помещикам, фабрикантам и придворной челяди. Это систематическое ограбление крестьянства, полукрепостническая кабала, в которой оно находилось, голодовки, превратившиеся в «нормальное состояние», военно-полицейский гнет, душивший крестьянство, — постепенно пробуждали к политической жизни миллионы крестьян, на покорности которых держался царизм. Но это означало приближение неминуемой катастрофы для царизма.

«Государственный строй, искони державшийся на пассивной поддержке миллионов крестьянства, — писал Ленин, — привел последнее к такому состоянию, при котором оно из года в год оказывается не в состоянии прокормиться. Это социальное банкротство монархии гг. Обмановых не менее поучительно, чем ее политическое банкротство»².

Царизм стремился избежать своего политического банкротства новыми волнами репрессий против рабочих и крестьян. Почти треть страны

¹ Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 544.

² Ленин. Соч. Т. V, стр. 56.

находилась на положении «усиленной охраны». Исключительные правила отменяли действие общих законов. Тысячи лучших людей были брошены в тюрьмы или сосланы в ссылку и на каторгу. Рабочие организации не разрешались. Рабочая печать преследовалась.

Эта система управления страной посредством террористических методов подавления и угнетения масс не изменила положения царизма, безвозвратно осужденного историей. Чтобы отсрочить свою гибель, царизм пошел на военную авантюру. Русско-японская война 1904—1905 гг. принесла, однако, царизму полный военный крах, в то же время приблизив революционный взрыв в стране.

Падение Порт-Артура явилось для царизма не только непоправимым военным ударом, но и грозным признаком неотвратимого крушения всей политической системы царизма. «Падение Порт-Артура,— писал об этом Ленин,— подводит один из величайших исторических итогов тем преступлениям царизма, которые начали обнаруживаться с самого начала войны и которые будут обнаруживаться теперь еще шире, еще более неудержимо»¹.

Ленин указывал, что царизм оказался помехой современной организации военного дела, которым он особенно гордился. Несовместимость самодержавия с интересами всего общественного развития, с интересами народа стала особенно очевидной. Война вскрыла все язвы царизма, обнаружила всю его гнилость и показала его полную разъединенность с народом.

В то же время дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм, как подчеркивал тогда Ленин, сильно выиграло от военных поражений самодержавия. Даже русская либеральная буржуазия, добивавшаяся политического компромисса с царским правительством, остро осознала необходимость политических преобразований страны, которые только и могли спасти Россию, ее честь и независимость. Свержение царизма давно уже представлялось лучшим русским людям высоким патриотическим подвигом. Начиная с патриота-революционера Радищева, с героической борьбы восставших против царизма декабристов, кончая пламенным проповедником свободы и демократии Герценом, целое поколение дворянских революционеров подняло знамя борьбы против самодержавно-царистского строя и добивалось политической свободы для России. Новый, гораздо более активный и решительный вал революции бил по царизму со стороны лучших представителей второго революционного поколения—демократов-разночинцев во главе с «неистовым» Виссарионом Белинским и неустрашимым борцом против самодержавия Чернышевским. Но лишь третье революционное поколение—пролетариат, возглавляемый своей передовой революционно-марксистской партией большевиков, руководимый своими до конца последовательными пролетарскими революционерами-вождями Лениным и Сталиным,—могло мобилизовать и организовать против царизма миллионную политическую армию. Русский рабочий класс был передовой силой этой армии, руководителем и авангардом общедемократического фронта борьбы с царизмом. Пролетариат России мог сознательно отнестись к своей исторической задаче, так как он был вооружен передовой марксистской теорией, учившей его, что самодержавие неизбежно обречено на гибель всем развитием капитализма, необходимо требовавшим гражданской и политической свободы для защиты своих интересов.

«Рабочие поняли,— писал Ленин в листовке «Первое Мая» от имени ЦК и ЦО РСДРП,—какой злой и темной силой является царское самодержавие. Рабочим нужен простор для борьбы, а царское правительство

¹ Ленин. Соч. Т. VII, стр. 47.

связывает их по рукам и ногам. Рабочим нужны свободные собрания, свободные союзы, свободные книжки и газеты, а царское правительство давит тюрьмой, нагайкой и штыком всякое стремление к свободе. Клич: «Долой самодержавие!» пронесся по всей России»¹.

Выступая в авангарде общедемократической борьбы с царизмом в качестве класса-гегемона, осуществляя свою историческую миссию решительного и последовательного борца против самодержавия, рабочий класс имел в этой борьбе прочных союзников — крестьянские массы всей страны и угнетенные народы царской России.

Союз рабочего класса и крестьянства, вполне оформившийся и показавший себя в действии к началу революции 1917 г., вырос из особых условий борьбы крестьян за землю в России. Ни в одной стране мира крестьянство после падения крепостного права не переживало такого разорения, нищеты, кабалы и бесправия, как в России.

Анализируя условия и возможности доведения буржуазной революции в России до конца, Ленин указывал, что «у нас деспотизм азиатски девственен», что «у нас крестьянство особенно разорено, обнащало невероятно и ему уже абсолютно терять нечего»².

Рабочие и крестьяне, над которыми стояла целая армия исправников, урядников, жандармов, стражников, не имевшие никаких политических прав, отданные под власть чиновно-дворянского бюрократического аппарата, могли надеяться только на свои силы, ибо своекорыстная русская буржуазия подкармливалась царскими субсидиями и другими подачками и больше боялась революции, чем царизма.

Отмечая политическую дряблость русской буржуазии, стремившейся к трусливой сделке с царизмом, товарищ Сталин писал, что русская буржуазия не в состоянии возглавить революционную борьбу за свержение самодержавия, потому что «либеральная буржуазия империи азиатской страны не может не быть контрреволюционной»³.

Естественным союзником пролетариата в его героической и самоотверженной борьбе против царизма являлись и многочисленные нерусские народности царской России, бывшей, по словам Ленина, «тюрьмой народов».

Характеризуя национальную политику русского царизма, товарищ Сталин писал: «Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве. Царизм намеренно заселил лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами для того, чтобы оттеснить туземцев в худшие районы и усилить национальную рознь. Царизм стеснял, а иногда просто упразднял местную школу, театр, просветительные учреждения для того, чтобы держать массы в темноте»⁴.

Ленин также подчеркивал, что в России угнетение «инородцев» (как царизм презрительно называл нерусские народности) было гораздо сильнее, чем в соседних государствах (и даже не только европейских). Вот почему, писал Ленин, «у нас целый ряд угнетенных царизмом народностей, поляки, финляндцы и т. д., делают натиск на самодержавие особенно энергичным»⁵.

Однако первый натиск рабочих, крестьян, нерусских национальностей на самодержавие с целью его свержения и осуществления революционно-демократического преобразования России не принес им победы. Первая русская революция потерпела поражение. Но она имела всемирноисторическое значение, с небывалой в истории силой

¹ Ленин. Соч. Т. VI, стр. 338.

² Ленин. Соч. Т. VII, стр. 181 и 182.

³ И. Сталин: «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 225. ОГИЗ.

⁴ Там же, стр. 81—82.

⁵ Ленин. Соч. Т. VII, стр. 182.

подняв против гнета самодержавия рабочий класс, многомиллионное крестьянство, армию, весь многонациональный народ нашей страны. Разновременность и неорганизованность этих великих социальных потоков, не слившихся в общий смертельный для царизма революционный вал, были причиной того, что исторически обреченный царизм получил отсрочку своего конца на двенадцать лет. Но без этих трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата в 1905—1907 гг. была бы невозможна столь быстрая и успешная вторая революция.

Первая русская революция 1905—1907 гг. и последовавшая за нею контрреволюция 1907—1914 гг. показали друг другу и всему миру все классы и все главные партии России, определили отношение этих классов и партий друг к другу и к царской монархии.

«Первая революция, — писал Ленин, — и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907—1914) обнажила всю суть царской монархии, довела ее до «последней черты», раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверства семьи Романовых, этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, этих «первых среди равных» помещиков, владеющих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа правд ради сохранения этой своей и своего класса «священной собственности»¹.

Таким образом, весь ход исторического развития России перед 1917 г. показывал, что только свержением царизма можно было спасти нашу родину от дальнейшей экономической и политической деградации, ее производительные классы — от вымирания и гибели, а всю Россию — от потери ее независимости и от превращения ее в колонию западноевропейского империализма. Свержение царизма поэтому являлось прогрессивной задачей и глубоко патриотическим делом рабочего класса, объединившего для разгрома злейшего врага народа миллионы крестьян и угнетенные национальности России.

Если революция 1905—1907 гг. была как бы репетицией революции 1917 г., то всемирная империалистическая война 1914—1917 гг. явилась, по выражению Ленина, всемогущим «режиссером» и могучим ускорителем второй революции. Война вскрыла все противоречия царской России и обнажила все язвы самодержавия с такой силой, как никогда раньше. Хищническая растрата производительных сил необозримо богатой страны привела к тому, что война застала Россию неподготовленной. Ее технико-экономическая отсталость еще более усилилась. Увеличилась в годы войны и зависимость России от иностранного капитала.

Стойкость и храбрость русских солдат, известные всему миру, обнаружили себя и в этой войне. Героические русские армии в годы первой мировой войны не раз спасали своих союзников, принимая на себя главный удар хорошо организованных и вооруженных германских сил. Так было в самом начале войны, когда ценой гибели двух русских армий был спасен Париж. Так было весной 1916 г., когда решительное наступление Германии против Вердена было ослаблено активностью русских армий на восточном фронте. Брусиловское наступление в мае—июне 1916 г. на югозападном фронте, в результате которого русские войска заняли большую часть Галиции, не только явилось спасением для Италии, вторжением в которую угрожали тогда австро-

¹ Ленин. Соч. Т. XX, стр. 14.

германские войска, но и заставило немцев ослабить атаку на Верден. Франция и Италия были спасены.

Однако военные успехи русских армий срывались самим самодержавием и его тупыми или продажными слугами. Запасов снарядов хватало лишь на четыре месяца. Недостаток боеприпасов, вооружения, продовольствия, обмундирования с каждым днем войны становился все более угрожающим. На имя военного министра и начальника штаба верховного главнокомандующего Янушкевича в первые же месяцы войны из всех армий стали поступать сведения о критическом положении со снарядами. Военное министерство не только не обеспечило армию снарядами, но даже посылало пополнения без винтовок. Под давлением общего недовольства в стране и в армии царское правительство было вынуждено учредить в августе 1915 г. верховную комиссию для расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии. Комиссия установила, что военная промышленность России и снабжение фронта боеприпасами пришли в такое катастрофическое состояние в результате преступной деятельности военного министра Сухомлинова, его ближайшего сподвижника полковника Мясоедова, бывшего начальника главного артиллерийского управления генерала Кузьмина-Караваева и ряда других военных чиновников.

В результате шпионско-вредительской деятельности германских агентов, засевавших в военном министерстве и других ответственных ведомствах, имевших непосредственное отношение к фронту, производительность казенных оружейных заводов была сокращена в четыре раза, артиллерийских — в два раза. На заказах военного министерства всевозможные жулики и аферисты получали миллионы, а заказы не выполняли или снабжали фронт сапогами с пилыми подметками, шинелями, расползавшимися от первых дождей, винтовками, которые не стреляли, и т. п.

В следственных материалах, опубликованных в нескольких томах под названием «Падение царского режима», приводится много таких фактов. Так, А. Н. Хвостов, бывший царский министр внутренних дел, откровенно и цинично рассказал, что когда какую-то часть приводили царю представляться, перед царем проводили один полк в новых сапогах, другой полк — тоже в новых сапогах и т. п. А потом оказалось, что солдаты первого полка переобувались за пригорком и отдавали сапоги солдатам следующего полка. Сухомлинов превратил военное министерство в центр шпионажа, действующего почти открыто по срыву военных планов и заданий русского командования.

Объединенная еще в 1909 г. австро-германская шпионская организация, на службе которой находились Мясоедов, Сухомлинов и много других ответственных представителей старой власти, фактически взяла в свои руки руководство подготовкой войны. Перед началом войны Сухомлинов составил для царя доклад под названием «Перечень важнейших мероприятий военного ведомства с 1909 г. по 20 февраля 1914 г.», в котором были изложены секретнейшие сведения. Этот «Перечень» очутился в руках австро-германской разведки вместе с картами обороны России. Нити шпионской деятельности тянулись даже ко двору, где вокруг царицы-немки концентрировались германофильски настроенные сановники. Тот же А. Н. Хвостов в своих показаниях на допросах чрезвычайной комиссии Временного правительства привел много фактов немецкого влияния на царский двор и его клику в годы войны. Особенным влиянием пользовалась группа остзейского дворянства, из среды которого выделялись придворная челядь Николая II и высшие бюрократы государственного аппарата. До самого начала войны царское правительство на выгоднейших условиях давало воен-

ные заказы немецким фирмам. Царица-немка не прерывала связей со своими германскими родственниками во все время войны. Фрейлина Васильчикова привозила письма от пессенских и голштинских родственников царицы. Сама царица была постоянным ходатаем перед царем то за каких-нибудь выслаемых шпионов, то за германских военнопленных.

Так, в письме к царю от 5 января 1916 г. царица не только взяла под свое покровительство шпионку Васильчикову, но и «во имя чело-веколюбия» потребовала от царя изменения режима для немецких военнопленных. «Хочется распорядиться построже и наказывать тех, кто не слушается, — писала царица Николаю II, — а я не имею права вмешиваться в качестве «немки». Есть скоты, упорно называющие меня так для того, вероятно, чтобы воспрепятствовать моему вмешательству. Холод у нас чересчур силен, усилением питания можно спасти их жизни»¹.

Но дело этим не ограничивалось. Царица-немка оказывала решающее влияние на все государственные дела, прямо диктуя, как поступить в том или ином случае, какого министра сместить или назначить, какие и против кого репрессии пустить в ход. По ее настоянию, например, был выдвинут в премьер-министры Штюрмер, известный своими германофильскими взглядами и симпатиями и бывший перед самой войной в большой дружбе с германским послом.

В письме от 12 марта 1916 г. царица просит царя «отделаться от Поливанова и назначить честного, преданного Беляева». Царица требует поторопиться и упрекает царя в медлительности и нерешительности: «Ты всегда медлишь, тебе нужна женушка, которая подталкивала бы тебя»².

Ей же принадлежит план передачи крупнейшего оборонного Путиловского завода военному министерству, этому гнезду шпионов, а также план милитаризации рабочих. «Штюрмер просидел у меня час, — писала Александра царю 6 марта 1916 г. — Мы говорили о забастовках, он находит, что на время войны фабрики должны быть милитаризованы, а между тем, проект об этом очень задерживается в Думе»³.

Письма царицы проникнуты неприкрытым презрением к русскому народу и пренебрежением ко всему русскому. Не получив вовремя письма, она пишет: «Когда же наконец водворится порядок, которого нашей бедной стране нехватает во всех отношениях и который чужд славянской натуре»⁴.

Вот этой враждебно настроенной ко всему русскому немке царь выдавал все военные секреты, посвящал ее в стратегические планы военного командования, сопровождая их лишь изредка оговоркой: «Прошу тебя, никому об этом не говори». Секреты неизменно становились известны врагу, и стратегические планы командования терпели крах.

Наиболее ярким показателем распада русского царизма в годы войны было то огромное влияние, которое приобрел на царское правительство и особенно на фанатично-религиозную изуверку-царицу хитрый сибирский мужичонка, проходимец и авантюрист Григорий Распутин, сумевший ловко использовать религиозное мракобесие двора. От его слова или безграмотно написанной записки к царице часто зависела судьба того или иного министра. Распутина окружали аферисты, жулики, спекулянты, казнокрады, добивавшиеся его магической записки к нужному министру или влиятельному сановнику. У секретаря

¹ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. IV, стр. 21. 1926.

² Там же, стр. 141.

³ Там же, стр. 122.

⁴ Там же, стр. 22.

Распутину хранились запечатанные конверты с записочками одного содержания: «Милай, сделай!» Что именно, — в них не было сказано. Письма были даже без адреса, но выдавались они за большие взятки и попадали в цель.

Но Распутин был не одинок. Колоритным представителем гниющего царского режима были такие типы, как спекулянт и жулик князь Андронников, аферист и взяточник Манасевич-Мануйлов — один из секретарей Распутина — и другие. «Не Распутин, а распутинщина — мракобесие, изуверство, умственное убожество и моральное гниение, нашедшие в Распутине только наиболее яркое выражение, — вот что характеризовало режим Романовых»¹.

Боясь неудержимо нараставшей народной революции, которую приближали военные неудачи, царская клика готовила заговор против народа, намереваясь заключить сепаратный мир с Германией и обратить все силы для разгрома революции. Уже в первые дни войны царизм обрушил на рабочий класс самые жестокие удары. «Небывалые репрессии, разгром организаций и печати под предлогом защиты отечества — вот первое, что сделало правительство, объявив войну, — писал в своей прокламации в апреле 1916 г. Петербургский комитет большевиков. — Расстрелы рабочих в Костроме и Иваново-Вознесенске, введение военно-полевых судов для стачечников и отправка на фронт, милитаризация заводов — вот способы «защиты отечества», применяемые с тех пор озверевшими наемниками царизма»².

Репрессии не помогали. Министры сменяли друг друга. За два года войны сменилось четыре председателя совета министров, шесть министров внутренних дел, три — военных, три — иностранных дел. Разруха углублялась. Страна и армия революционизировались. На заводах и в полках активизировались большевистские кружки. Несмотря на аресты Петербургский комитет большевиков восстановил к осени 1916 г. свои организации. Поражения на фронте, рост революционного движения в армии и в стране, усиление национально-освободительного движения, разруха в стране, распад и гниение царского режима — все предвещало близкую революцию.

Надежду предотвратить революцию могло дать лишь окончание войны, и царская клика стала вести подготовку сепаратного мира. Подстрекая на это царя, Александра писала ему: «Это должна быть твоя война, твой мир»³.

Еще в 1915 г. через фрейлину Васильчикову были переданы Николаю три письма с предложением мира от имени германского императора Вильгельма. В том же году царица получила такое же письмо от брата, принца Гессенского, предлагавшего послать в Стокгольм доверенное лицо для переговоров. В июле 1916 г. в Стокгольме действительно состоялось свидание Протопопова с германским представителем Варбургом, который изложил мирные условия Германии. Попытки подобных переговоров продолжались и позднее, вплоть до самого свержения царизма. Но эти попытки заключения сепаратного мира с Германией вызвали бурные протесты и негодование русской буржуазии, строившей все свои перспективы на возможной победе союзников. Поддерживаемая буржуазией Англии и Франции, русская буржуазия стала в решительную оппозицию царизму и требовала создания ответственного министерства. Чтобы помешать заключению царизмом сепаратного мира, русская буржуазия, поддержанная союзниками, также организовала заговор. Путем дворцового переворота она стремилась довести войну до победного конца и усилить борьбу с нараставшей рево-

¹ «История гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 72. ОГИЗ. 1936.

² «Большевики в годы империалистической войны 1914—февраль 1917 гг.», стр. 113. Госполитиздат. 1939.

³ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. IV, стр. 160.

люцией. К заговору буржуазии примкнули и представители высшего офицерства, не желавшие прекращения войны. Первым шагом на пути к дворцовому перевороту было убийство Распутина в ночь на 18 декабря 1916 года. Как показал позже Гучков на допросе следственной комиссии Временного правительства, заговорщики предполагали арестовать при содействии офицерства правительство и вынудить у царя отречение. Но оба заговора — царской клики и буржуазии — с целью предупредить революцию были сорваны могучим революционным натиском рабочих и крестьян, победивших в февральско-мартовской революции 1917 года.

Заключительный акт трехсотлетней драмы русского народа, закончившейся свержением протгнившей царской монархии, продолжался всего 8 дней. Предвестником февральской революции были январские стачки. Начиная с 9 января 1917 г. стачки и демонстрации происходили непрерывно: в январе бастовали свыше 200 тыс. рабочих. Такого размаха движения не было за все время войны. Впереди, как всегда, шел революционный пролетариат Петрограда. Пролетарская борьба против самодержавия возглавлялась и направлялась большевистской партией. Несмотря на то что многие организации были разгромлены, что руководящие работники партии находились в ссылке, на каторге и в эмиграции, а вожди большевиков Ленин и Сталин были далеко от Петрограда (Ленин был в эмиграции, в Швейцарии, Сталин — в туруханской ссылке, в Сибири), все же партии удалось сохранить в дни подготовки революции руководящий центр — Бюро Центрального Комитета во главе с В. М. Молотовым.

10 февраля, в годовщину суда над рабочими депутатами Государственной думы, сосланными в Сибирь, на большей части заводов состоялись стачки. 14 февраля на улицу вышли путиловцы с красными флагами и с лозунгами «Долой самодержавие!», «Долой войну!»

20 февраля Путиловский завод был закрыт, и 20 тыс. путиловцев вышли на улицу. 23 февраля, в Международный день работниц, в стачке участвовало уже 90 тыс. человек. К демонстрантам-рабочим присоединялись женщины, бросая очереди и демонстрируя под лозунгами «Хлеба!», «Мира!» 24 февраля в Петрограде бастовало уже 200 тыс. рабочих. На окраинах сооружались баррикады. Происходили столкновения с полицией. Демонстранты пели революционные песни и кричали: «Долой царя!»

25 февраля стачка стала всеобщей. Рабочие избивали и разоружали отдельных полицейских. Но оружия у рабочих еще не было. Полиция из пулеметов на крышах обстреливала безоружных демонстрантов. Царь прислал из Ставки телеграмму: «Завтра же прекратить в столице беспорядки». В эти дни войска еще действовали вместе с полицией. Часть членов Петроградского комитета была арестована. Руководство борьбой перешло к Выборгскому районному комитету большевиков. 26 февраля, утром, командующий войсками Петроградского военного округа ген. Хабалов послал царю телеграмму: «Сегодня, 26 февраля, с утра в городе спокойно». Но уже к середине дня улицы столицы были вновь залиты демонстрантами. К вечеру же город представлял собою вооруженный лагерь. Еще утром 26 февраля некоторые войсковые части стреляли в народ, вечером того же дня восставшая рота Павловского полка уже открыла огонь по полиции.

27 февраля вслед за павловцами восстали солдаты Волынского полка, за ними — Литовский и Преображенский полки, а затем — семейновцы, измайловцы, егеря. Это означало восстание всего петроградского гарнизона. Царизм потерял свою вооруженную опору. Зато рево-

люция приобрела ее. Положи рабочего и солдатского восстаний слились, обеспечивая окончательную победу народа над царизмом.

К вечеру весь город был в руках восставших. Рабочие занимали участки, выпускали из тюрем политических заключенных. В захваченный рабочими Таврический дворец привозили арестованных министров. Так, 27 февраля (12 марта по н. ст.) было свергнуто самодержавие. Государственная дума, получившая приказ царя о роспуске, постановила не расходиться и объявила себя неофициальным совещанием. Из членов Думы был избран тогда же временный комитет «для водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами».

Буржуазия все еще не верила в успех революции и боялась его. Председатель Думы Родзянко слал царю телеграмму за телеграммой, умоляя его создать ответственное министерство: буржуазия пыталась сменой министров спасти царизм.

Но восставший народ продолжал борьбу. На фабриках, заводах, в казармах уже шли выборы в совет рабочих и солдатских депутатов. 27 февраля вечером состоялось первое заседание совета. Так реализовалась идея советов, жившая в сознании масс с 1905 года. Это был орган победившей революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

В ночь на 28 февраля временный комитет Государственной думы, стоя перед фактически родившейся новой властью — советами, — решил объявить себя властью. Родзянко телеграфировал в Ставку: «Чернь начинает завладевать положением. Комитет Государственной думы, дабы предотвратить истребление офицеров и администрации и успокоить разгоревшиеся страсти, решил принять правительственные функции на себя».

Царизм в это время делал судорожные попытки продлить свое существование. 28 февраля утром царь, сняв с фронта часть полков, казавшихся наиболее надежными, покинул Ставку и двинулся к Петрограду. Рабочие-железнодорожники на станции Дно задержали царский поезд. Солдаты братались с рабочими. Царь повернул в Псков, где находился штаб северного фронта. Но и здесь не было ни одной надежной части, которая согласилась бы драться за сохранение царизма. Царь и буржуазия поняли, что удержать власть в руках Николая II невозможно. Поэтому 1 марта было оформлено буржуазное Временное правительство с князем Львовым во главе.

Но и теперь буржуазия не теряла надежды спасти монархию. Гучков и Шульгин по поручению Временного правительства поехали в Псков, к царю. Они хотели уговорить его подписать отречение в пользу сына Алексея с назначением регентом брата царя — Михаила. Но Николай предпочитал выждать время. Под предлогом нежелания расставаться с сыном он отрекся от престола за себя и за сына в пользу брата Михаила. Это известие, однако, вызвало бурю негодования в народных массах. О сохранении монархии не могло быть и речи. 3 марта подписал отречение и Михаил. На смену царскому правительству пришло к власти при поддержке советов буржуазное Временное правительство.

Характеризуя его, Ленин писал: «Это правительство не случайное собрание лиц. Это — представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещиков и буржуазии, который давно правит нашей страной экономически и который, как за время революции 1905—1907 годов, так и за время контрреволюции 1907—1914 годов, как наконец — и притом с особенной быстротой — за время войны 1914—1917 годов, чрезвычайно быстро организовывался политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и думу, и военно-промышленные комитеты, и т. д. Этот новый класс «почти совсем»

был уже у власти к 1917 году; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии»¹.

Победившие рабочие и крестьяне добровольно отдали власть буржуазии в результате бессознательно доверчивого отношения масс к меньшевикам и эсерам, захватившим в свои руки советы. Эти же мелкобуржуазные партии сознательно укрепляли позицию буржуазии, отстаивая старый предрассудок о том, что если февральско-мартовская революция 1917 г. по своему характеру буржуазная, то и возглавлять ее должна буржуазия.

Так в стране создалось положение двоевластия. Рядом и одновременно существовали две власти, переплетались две диктатуры: одна — буржуазная (Временное правительство), другая — революционно-демократическая — диктатура пролетариата и крестьянства (советы).

Рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством под руководством партии Ленина—Сталина вступал в новый этап борьбы — за перерастание революции буржуазной в революцию социалистическую. Этот этап закончился через 8 месяцев победоносной Октябрьской социалистической революцией, прочно установившей диктатуру пролетариата, завершившей самые широкие демократические и социалистические преобразования в нашей стране и сделавшей ее авангардом всего передового и прогрессивного человечества.

Двадцать пять лет свержения злейшего врага народа — русского царизма, бывшего самым реакционным режимом в Европе, — не только важнейшая историческая дата: это глубоко знаменательный, полный актуального политического содержания и смысла исторический юбилей. Советский народ встречает его в условиях новой освободительной борьбы всемирноисторического значения, борьбы с гитлеризмом — самым реакционным, зверским, кровавым режимом в Европе.

Как и двадцать пять лет тому назад, свергая царизм, так и теперь, борясь с гитлеризмом, наш героический народ снова стоит в авангарде освободительной войны с силами самой мрачной реакции в Европе.

Характеризуя режим «третьей империи» Гитлера, товарищ Сталин говорил: «По сути дела гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме. Известно, что гитлеровцы так же охотно попирают права рабочих, права интеллигенции и права народов, как попирали их царский режим, что они так же охотно устраивают средневековые еврейские погромы, как устраивал их царский режим»².

По реакционности своего режима гитлеровская «третья империя» даже превосходит царскую империю. Осуществляя господство наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира, гитлеровский фашизм создал особо варварскую систему эксплуатации, основанную на подневольном труде германских рабочих и крестьян. «Без создания определенной формы современной крепостной зависимости, или даже рабства, развитие человеческой культуры невозможно», — так объясняют фашистские людоеды свои планы повернуть историю вспять и вернуть некогда культурную Германию к временам варварства и рабства.

Фашистский «новый порядок» означает также превращение в гитлеровских рабов покоренных фашизмом народов. Сам Гитлер откровенно заявлял об этом своим единомышленникам: «Мы будем иметь класс

¹ Ленин. Соч. Т. XX, стр. 17.

² И. Сталин «24-ая годовщина Великой октябрьской социалистической революции», стр. 9. ОГИЗ. 1941.

побежденных чужестранцев, тех, кого мы хладнокровно называем современными рабами»¹.

Представляя интересы самого хищнического империализма, Гитлер поставил на службу финансовых и промышленных магнатов, старой землевладельческой знати и новой, фашистской бюрократии весь государственный аппарат еще в большей мере, чем это делал царизм. Подлинными хозяевами Германии являются крупнейшие тресты и концерны. Гитлер — не более, как их наемник и приказчик. В течение двух последних лет в Германии 300 тыс. мелких и средних промышленников разорены, а их предприятия поглощены несколькими крупнейшими концернами.

Как и в царской России, в гитлеровской Германии господствуют крупнейшие землевладельцы — помещики, сочетающие самую современную капиталистическую технику и организацию с самой средневековой системой крепостнического труда.

По данным фашистской сельскохозяйственной статистики 1939 г., в Германии 39 тыс. помещиков владеют 20,9 млн. га, а 3 млн. крестьянских хозяйств — только 4,4 млн. га. Только 16 крупнейших помещиков-аристократов являются собственниками 550 684 га лучшей земли; среди них одна семья бывшего кайзера Вильгельма владеет 97 043 га. Почти все фашистские «фюреры», большие и маленькие, превратились в крупных помещиков. Поместья Гитлера, Геринга, Геббельса, Розенберга насчитывают многие тысячи га. Они захватили большие поместья, огромные лесные площади, роскошные дворцы в Польше, Чехословакии, Югославии и других оккупированных странах. Гитлер щедро раздает земли немецким князьям и баронам в Познани, в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии, открыто возрождая крепостничество. Гитлер запретил даже германским крестьянам распоряжаться продуктами их труда. Потребление крестьянской семьи строго регламентировано: ни одно лишнее яйцо, ни одно яблоко или огурец не могут быть съедены сверх указанных в подворной карточке, в которой ведется полный учет всего производства и потребления немецкого крестьянина. Фашисты особенно свирепо расправляются с германским рабочим классом, физически истребляя всех, кто не сочувствует гитлеровскому режиму. Рабочие в «третьей империи» лишены всяких прав, они не имеют своих свободно избранных организаций, политических партий, рабочих газет. Они отданы в полную власть фабриканту, который переименован в «водителя предприятия», устанавливающего бесконтрольно фабричные порядки, самостоятельно разрешающего все вопросы заработной платы, продолжительности рабочего дня, различных условий и правил труда и производства.

Гитлеровцы уничтожили в Германии всякие остатки демократии. Они загнали интеллигенцию в концентрационные лагеря. Они наводнили своими провокаторами-гестаповцами все предприятия, учреждения, даже семьи и частные дома.

Под прикрытием реакционнейшей расовой теории гитлеровцы превратили Германию в еще более страшную тюрьму народов, чем была царская Россия. Антисемитизм, который насаждали царизм и его черносотенные организации — «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела», — превратился в гитлеровской Германии в такую человеконенавистническую систему, какой не знали самые мрачные времена средневековья. Гитлеровцы воскресили в отношении евреев средневековое законодательство. Они восстановили для евреев особые кварталы — гетто, — огороженные колючей проволокой; они организовали массовые еврейские погромы во всех занятых ими районах; они лишили еврейскую интеллигенцию права заниматься научной, врачебной и тому подобной полезной деятельностью; они ввели массовую стерилизацию евреев,

¹ Раушнинг Герман «Гитлер мне говорит».

поляков, чехов и др. Нет числа и меры гитлеровским злодеяниям, особенно в оккупированных странах.

С исключительным остервенением гитлеровцы насаждают свой «новый порядок» во временно занятых советских районах. Подготавливая свое злодейское нападение на СССР, фашистские захватчики рассчитывали, что в нашей стране еще живы традиции, обычаи и нравы, прививавшиеся царизмом. Не понимая законов общественного развития и пренебрегая ими, гитлеровцы ставили своей целью восстановить в нашей стране царизм, передать землю помещикам, а фабрики и заводы — капиталистам, превратить свободные народы СССР в рабов или крепостных немецких князей и баронов. В первые дни войны немецкие фашисты даже наметили кандидатуры «русских царей». Одним из кандидатов выдвигался сын бывшего германского кронпринца Луи-Фердинанд Прусский, женатый на Кире — второй дочери бывшего русского великого князя Кирилла Романова. Не случайно также во всех временно занятых районах Советской страны гитлеровцы восстанавливают все формы и даже старые названия царских органов управления: в городе — городского голову и городскую управу, в деревне — волостных старшин и сельских старост, вместо милиции — полицейских и стражников и т. п. Не случайно также фашистские изверги восстанавливают в этих районах самые реакционные статьи царского законодательства и судопроизводства, телесные наказания, порку, виселицы. Они, как вандалы, разрушают все, что в течение двадцати четырех лет с такими жертвами и с таким энтузиазмом строили народы нашей страны. Они разрушают города, сжигают села, оскверняют и уничтожают памятники национальной культуры и искусства. Но одного не могут гитлеровцы уничтожить и заглушить — опромной любви советских людей к своей социалистической родине, к своей свободе, завоеванной ценою длительной борьбы и многих жертв. Гитлеровцы бессильны изменить законы общественного развития, они бессильны возродить режим, безвозвратно осужденный историей. Грандиозные изменения, происшедшие в нашей стране за двадцать пять лет, прошедших со времени свержения царизма, стали источником величайшей силы советского народа, источником того беззаветного героизма, с которым он борется против гитлеризма, пытающегося вернуть его к старому проклятому царистскому прошлому.

Великая освободительная борьба советского народа закончится таким же полным разгромом врага человечества — гитлеризма, — каким завершилась двадцать пять лет тому назад долгая и трудная историческая борьба русского народа с царизмом.

СТАТЬИ

БОЕВОЙ ПУТЬ ДИВИЗИИ *

М. Колосов

НА РЕКЕ ПРУТ

В 4 часа дня 22 июня 1941 г. немецко-румынские войска начали военные действия против пограничных советских войск, организовав переправу через реку Прут в районах населенных пунктов Щербак и Жукунешти-Бекь. Контратакой наших погранотряда и передовых подразделений 1-го стрелкового полка немецко-румынские войска были отброшены на правый берег реки.

В 7 часов 45 минут основные силы энской стрелковой дивизии, сосредоточенные в районе порога Белыцы, выступили на поддержку передовых частей. Самый длинный путь — 50 км — предстояло проделать 3-му стрелковому полку, получившему задание сосредоточиться под Скулянами и отбросить противника, который уже успел переправиться через Прут и теснил подразделения пограничного отряда. Под палящими лучами июньского солнца форсированным маршем полки двигались к границе, чтобы помочь небольшой горстке героев-пограничников, истекавших кровью в неравном бою с врагом. Уничтожить фашистов, выбросить их из пределов советской земли — эта мысль воодушевляла бойцов, помогая им преодолевать трудности похода.

Впереди шел 1-й батальон капитана Рыбкина. В 22 часа батальон подошел к местечку Скуляны, куда уже ворвались немцы. Батальон немедленно вступил в бой, продолжавшийся всю ночь. Все яростные атаки противника были отбиты, и наступление его приостановлено. Тогда немцы попытались зайти с фланга и с тыла батальона. Им удалось окружить 3-ю стрелковую роту лейтенанта Железняка. На рассвете рота Железняка ударила в штыки, и фашисты были снова отброшены, оставив на поле боя много убитых и раненых. Железняк лично заколол штыком 8 фашистов. Почти весь день 23 июня, до подхода главных сил полка, батальон героически удерживал занятые позиции, воодушевляемый мужеством и храбростью своего командира — капитана Рыбкина. Видя перед собой знакомую фигуру комбата, скачущего впереди цепей, слыша его команду: «Держитесь, орлы! Ни шагу назад!», —

* От автора. У работников одной из дивизий IX армии Южного фронта возникла мысль написать книгу о боевом пути этой дивизии. Эта книга, по мнению ее инициаторов, должна явиться продолжением уже написанной коллективом дивизионных авторов работы, освещающей боевой путь дивизии начиная с похода за освобождение Бессарабии. Политотдел дивизии обратился за помощью к армейской газете «Защитник Родины». Редакция направила в дивизию украинского поэта Ивана Неподу и меня.

Предлагаемая вниманию читателей работа является кратким описанием боевого пути дивизии с первых дней Отечественной войны до ростовской операции, ознаменовавшей новый наступательный период в жизни нашей армии. Этому новому периоду боевого пути славной дивизии будет посвящен следующий очерк. Этим очерком Комасия по составлению истории Отечественной войны начнет публикацию своих материалов.

каждый боец проникался презрением к смерти, не думал об отступлении.

Пулеметчики 1-й пулеметной роты непрерывно косили врага. Лейтенант Дзахов, боевой командир роты, сам вел огонь из пулемета, и под его меткими очередями бегущие в атаку фашисты падали один за другим, а уцелевшие поворачивали назад. Но враг бросал в бой все новые и новые силы и предпринимал обходные маневры. Заметив, что немцы обходят батальон из-за высоты слева, пулеметчики своим огнем полностью уничтожили взвод автоматчиков. Маневр врага не удался.

Пытаясь подбросить резервы из-за Прута, немцы стали спешно наводить мост через реку; тогда минометчики 1-й минометной роты во главе с младшим политруком Аметовым и лейтенантом Самодашвили открыли ожесточенный огонь по реке и не дали фашистам возможности закончить постройку моста. Батарея полковой артиллерии старшего лейтенанта Каплина в упор расстреливала фашистов. Прямым попаданием вражеского снаряда весь расчет одного из орудий был ранен, а наводчик убит. Старший лейтенант Каплин сам наводил орудие и вел огонь по фашистским автоматчикам.

Когда подошли остальные два батальона, полк перешел в наступление на Скуляны. Фашисты открыли ураганный огонь из орудий и минометов. От дыма разрывавшихся снарядов не видно было, что делается впереди; бойцы залегли, их засыпало землей, они вскакивали и снова устремлялись вперед.

Враг пустил в ход пулеметы. Пулеметные очереди вычерчивали след прямо перед щепями бойцов. Казалось, эту роковую черту нельзя перейти, но бесстрашные герои короткими перебежками все же неудержимо неслись вперед.

Немцы ввели в действие штурмовую авиацию. До 20 фашистских самолетов закружилось над щепями красных бойцов, обстреливая их на бреющем полете. Рота ПВО открыла по ним огонь из зенитных пулеметов. В ответ фашистские бомбардировщики стали сбрасывать бомбы на пулеметные автомашинны. Прямым попаданием одна машина была разбита и загорелась, но зенитная установка уцелела. Герой-старшина Михайлов, не покидая горящей машины, продолжал вести огонь по врагу. Один за другим вспыхнули и рухнули 2 «юнкерса», подбитые очередями Михайлова.

К 18 часам немцы и румыны были выбиты со своих позиций. Через поле, усеянное трупами собственных солдат, они бежали без оглядки к реке. Им удалось переправиться на правый берег Прута, и, воспользовавшись пограничными укреплениями, они снова открыли ожесточенный огонь из всех дотов и дзотов. Красные бойцы, залегавшие на расстоянии 500 м от реки, не выдержали губительного огня, частично заколебались, дрогнули и попятнулись назад... Казалось, наступление сорвалось. Кругом визжали осколки мин и снарядов, тягуче свистели пули, нельзя было поднять головы. Но вот перед бойцами появился комиссар полка, батальонный комиссар Кайда. «За мной! За Родину! За Сталина!» — раздался его мощный призыв, бойцы ринулись за своим комиссаром и одним броском достигли берега реки.

В первых рядах сражался старший инструктор политотдела дивизии старший политрук Першин. Во всех последующих боях он неизменно вел за собой бойцов, пока не погиб смертью храбрых.

Осколком мины в разгар боя был ранен и командир 1-го батальона капитан Рыбкин. Но он продолжал командовать, и бойцы силою увели его на перевязочный пункт.

Пользуясь своим преимуществом, заранее подготовленной системой огня и укрепленных позиций, немцы подбросили свежие резервы, и при поддержке артиллерии и минометов им удалось потеснить наши 1-й и

2-й батальоны, которые с боем начали отход к селу Чоропканы-Ноу. Командир 1-й пулеметной роты лейтенант Дзахов остался со своей ротой на прежних позициях, чтобы прикрыть отход батальонов. В роте оставалось всего 20 бойцов и 3 пулемета. Из-за балки цепями показались немцы: они шли во весь рост прямо к тому месту, где залегли пулеметчики вместе с командиром. «Без команды не стрелять», — предупредил тов. Дзахов.

Немцев было свыше 200 человек. Лейтенант Дзахов подпустил их на 50 м, а потом внезапно открыл по ним огонь. Несколько секунд фашисты продолжали еще бежать вперед, шагая через трупы убитых солдат, но потом не выдержали и побежали назад. Убежать удалось немногим. Почти вся немецкая рота была скошена огнем пулеметчиков тов. Дзахова.

В тяжелом положении оказался 3-й батальон капитана Кнуренко, с трех сторон окруженный противником. Выйдя на западные скаты высоты недалеко от Прута и потеряв связь с остальными батальонами и со штабом дивизии, батальон попал под перекрестный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь врага. Перед батальоном стояла задача выйти из окружения и восстановить прерванную связь со штабом дивизии и другими батальонами. За выполнение этой задачи взялись находившиеся в батальоне начальник штаба дивизии майор Цаликов, начальник политотдела батальонный комиссар Малахеев, комиссар полка батальонный комиссар Кайда и помощник начальника оперативного отдела старший лейтенант Торкайло.

Комиссар полка Кайда был все время вместе с бойцами. Когда он увидел, что под сильным огнем отдельные группы бойцов дрогнули и попятились назад, он остановил малодушных призывом: «Вперед! Не было такого в истории, чтобы Красная Армия отступала!» И бойцы пошли за своим любимым комиссаром.

Вместе с комиссаром впереди бойцов шел политрук 9-й роты тов. Левашев. Не угибаясь под разрывами снарядов и мин, храбрецы шли вперед. Вражеская пуля оборвала жизнь героя-комиссара Кайды. Почти одновременно с ним погиб от разрыва снаряда и бесстрашный политрук тов. Левашев.

Героическая смерть тт. Кайды и Левашева вдохновила на новые подвиги бойцов и командиров полка.

Думая, что наши силы ослабли, немцы и румыны повели наступление по всему скулянскому участку, но все их попытки продвинуться вперед разбивались о стойкость и мужество бойцов и командиров 3-го стрелкового полка. Две недели при поддержке подошедшего гаубичного артиллерийского полка 3-й стрелковый полк держал оборону в западном районе села Чоропканы-Ноу, отражая яростные атаки фашистов. Действиями полка руководил старший лейтенант Торкайло, взявший на себя командование после ранения командира полка. Впоследствии этот отважный молодой командир героически погиб в одном из боев, ведя в атаку свой полк.

Никогда бессарабская степь не видала столько вражеских трупов. Чтобы распродать ряды наших бойцов, фашисты пускали в ход бронемашину, но всякий раз батарея Черкащенко встречала их метким огнем и взорванные вражеские машины оставались на месте.

Десятки героев ежедневно творили чудеса храбрости, создавая славу полку и дивизии. Один из таких героев, младший сержант Лентюгов, командовавший пулеметным взводом 3-й пулеметной роты, не растерялся в самых тяжелых условиях. 26 июня взвод Лентюгова был окружен ротой фашистских солдат; 2 пулемета были выведены из строя артиллерийским огнем противника. Бойцы залегли и приготовились встретить врага. Никто не стрелял, чтобы подпустить врага побли-

же. Фашисты уже собирались забрать в плен горстку храбрецов, но когда осталось всего несколько метров, Лентюгов внезапно поднял свой взвод в штыковую атаку и обратил фашистские роты в бегство. Он продолжал преследовать их, перейдя за ними вброд реку Прут.

Несколько раз потом с группой смельчаков ходил Лентюгов на правый берег Прута, в расположение противника. Враги их окружали, пытаясь захватить в плен, но всякий раз они штыком и гранатой пробивали себе путь к своим.

29 июня мужественные артиллеристы гаубичного артполка — командир взвода младший лейтенант Черкесов и разведчик-красноармеец Жулай — вплотную подобрался к расположению противника. Они установили местонахождение фашистских минометных батарей, противотанковой батареи, пулеметных точек и наблюдательного пункта, а затем, связавшись телефонным кабелем со своей батареей, стали корректировать ее огонь.

Первыми же залпами батарей гаубичного полка пулеметы, батареи и наблюдательный пункт немцев были уничтожены. Черкесов и Жулай продолжали оставаться на своих местах. Когда стемнело, их окружили немцы. Не растерявшись, Черкесов и Жулай пустили в ход гранаты и штыки и, разогнав немцев, вернулись к своим.

В тот же день разведчик гаубичного полка Герасимов вместе с командиром взвода отправились на передовой наблюдательный пункт. Когда они достигли цели, Герасимов заметил в расположении противника 2 подбитых танка; он решил осмотреть их. Подобравшись к танкам и обнаружив в первом из них трупы механика-водителя и башенного стрелка, он стал подсчитывать снаряды: в одном танке оказалось 120 снарядов, в другом — 60. Не задумываясь, Герасимов открыл огонь по фашистам из подбитых танков и только тогда возвратился назад, когда потратил на врага все его 180 снарядов.

Так действовали герои на скулянском участке фронта. Надолго запомнятся фашистам скулянские дни!

А в это время на других участках фронта дивизии кипели ожесточенные бои. Растянувшись огромным фронтом на 140 км вдоль Прута, дивизия принимала на себя первые ожесточенные удары противника, удерживая государственную границу. По всему фронту от местечка Лопатник до Скулян дивизия в течение 2 недель отражала натиск врага, причем ни одна часть не оставила своего участка обороны без приказа.

1-й стрелковый полк, действовавший в 35 км от Лопатника до Кужунешти-Бекь, и 2-й стрелковый полк, оборонявший участок Костешть — Балатина совместно с дивизионами артполка, героически вели бои, отбивая все попытки врага форсировать реку Прут.

Сотни героев прославили своими подвигами боевые знамена дивизии в эти первые дни войны. 9-я рота 1-го стрелкового полка под командой капитана Аносова уничтожила роту фашистов, которая переправилась на левый берег Прута и захватила нашу пограничную заставу, вывесив на ней румынский флаг. Под огнем фашистов капитан Аносов влез на вышку пограничной заставы, сорвал вражеский флаг и вывесил красное знамя.

Героическая минометная батарея 2-го стрелкового полка под командованием младшего лейтенанта Петренко огнем своих минометов уничтожила мост и не дала возможности фашистам переправиться на левый берег Прута. Когда фашисты стали переправляться на лодках, минометчики топили их в реке. За один только день, 24 июня, 5-я батарея артиллерийского полка уничтожила минометную и артиллерийскую батареи, минометный взвод фашистов, а 4-я батарея частью уничтожила,

а частью обратила в бегство до роты фашистов, пытавшихся перейти на левый берег Прута.

Младший сержант героической 9-й стрелковой роты 1-го стрелкового полка Курбан-Дурды личным примером воодушевлял бойцов, увлекая их в атаку с возгласом «За Сталина!» Не один раз он добровольно ходил в ночную разведку на правый берег Прута, захватывал и приводил пленных.

28 июня на участке 2-го стрелкового полка немцы начали строить мост для переправы через реку Прут. Командир взвода того же полка лейтенант Куксов со своим взводом 11 раз отбивал врага, пытавшегося форсировать Прут. Под обстрелом полевой артиллерийской батареи лейтенанта Токарева немцы не выдержали и обратились в бегство, оставив на берегу убитых и раненых. Когда в ответ фашистская артиллерия открыла по батарее Токарева бешеный огонь и от разрывов снарядов засыпало землей пушки и красноармейцев, никто из бойцов не дрогнул. Они спокойно посылали снаряд за снарядом в сторону противника, пока через несколько минут вражеская батарея не была полностью уничтожена.

Наводчик отдельного артиллерийского дивизиона красноармеец Фиц 28 июня метким огнем своего орудия подбил 12 пулеметов и 2 миномета противника. Командир батареи того же дивизиона Матусевич, заметив брошенный под огнем противника трактор, сел за руль и вывел его.

Командир бронемашины отдельного разведывательного батальона младший лейтенант Отрыжко на протяжении всех боев уничтожал врагов огнем своей грозной машины, пока не погиб от вражеского снаряда, попавшего в его машину.

В этих грозных боях немеркнувшей славой покрыли себя коммунисты и комсомольцы, и неслучайно с первых дней войны лучшие из лучших бойцов и командиров десятками подавали заявления о вступлении в партию и комсомол. Герои хотели идти в бой коммунистами и комсомольцами. За один только день, 23 июня, 135 бойцов и командиров подали заявления в партию и 92 — в комсомол, а за первые десять дней войны в партию было подано 435 заявлений и в комсомол — 268.

Противник подбросил свежие резервы и при поддержке артиллерии и авиации переправил на восточный берег Прута крупные силы на участке 2-го стрелкового полка — в районах населенных пунктов Шербак, Костешть и Кубань — и на участке 1-го стрелкового полка, в районе местечка Лопатник. Одновременно немцы начали наступление на участке 3-го стрелкового полка.

ПОД НИКОЛАЕВОМ

Части дивизии начали отходить от Прута, оставляя каждый оборонительный рубеж только по приказу командования, после упорных и кровопролитных боев.

Немцы и румыны дорогой ценой платили за занимаемые ими села и местечки! Тысячи фашистских трупов, десятки разбитых и изуродованных танков, бронемашин, орудий оставались на полях Бессарабии.

Переправившись через Днестр под Рашковом, дивизия в течение 10 дней вела бои у Днестра, сдерживая части 46-й немецкой и 13-й румынской пехотных дивизий, которые форсировали реку в нескольких пунктах севернее Рашкова и пытались охватить правый фланг дивизии со стороны поселка Котовского. Дивизия отошла от Днестра лишь тогда, когда создалась угроза обхода.

Отражая натиск наседающего врага, части дивизии двигались на юго-восток и подошли к Южному Бугу у Ново-Григорьевки (севернее Николаева), начав переправу через реку. Противник всеми ме-

рами пытался помешать переправе, бросив в бой свои пехотные войска и танки. Фашистские батареи вели непрерывный огонь по пароходам и баржам, перевозившим наши войска. Чтобы обеспечить переправу через Буг, подразделения стрелковых полков заняли оборону перед Ново-Григорьевкой, в районе Каменной Балки.

Немцы при поддержке сильного минометного огня повели наступление на Каменную Балку. Подпустив вражескую пехоту приблизительно на 400 м, бойцы 3-го и 2-го стрелковых полков внезапно открыли по немцам ружейно-пулеметный огонь. Фашисты отошли с большими потерями, но через некоторое время возобновили наступление со свежими силами и потеснили наши части. Немецкий батальон уже ворвался в Каменную Балку, но артиллеристы гаубичного артиллерийского полка метким огнем своих батарей восстановили положение. Почти весь фашистский батальон был уничтожен. Наша пехота вновь заняла Каменную Балку. Переправа через Буг была обеспечена.

Перед дивизией, однако, стояла трудная задача. Крупные силы немцев успели еще раньше форсировать Буг под Вознесенском, и теперь они двигались в юго-восточном направлении, стремясь захватить Николаев и отрезать путь отхода для наших войск. В середине августа дивизия вышла в район Николаева. Тем временем немцы уже обошли город с восточной стороны и, перерезав железную дорогу, повели наступление на город со стороны станции Водопой. Нужно было отбросить противника от Николаева и обеспечить эвакуацию города и отход войск. Выполнение этой задачи было возложено на энскую дивизию.

Части дивизии начали наступление на Водопой. Боевыми операциями непосредственно руководили командир дивизии орденосец-полковник Марцинкевич и военком дивизии полковой комиссар Филев.

Немцы стремились во что бы то ни стало удержать занятые позиции. Несколько раз они бросались в яростные контратаки, ведя ураганный огонь по наступающим подразделениям. Но никто из бойцов не дрогнул, никакая сила не могла остановить их наступательного порыва. Их вели за собой коммунисты. В 3-м стрелковом полку ответственный секретарь партийного бюро политрук Ерошкин и коммунист-старшина Федоренко с группой бойцов вышли на 500 м вперед за линию своих наступающих цепей. Отбив атаку немцев, политрук Ерошкин, будучи ранен, дал приказание бойцам отойти к своим цепям, а старшина Федоренко остался прикрывать отход и с дистанции 15—20 м из автомата в упор расстреливал фашистов.

Политрук 1-й стрелковой роты 3-го стрелкового полка Лавенков лично командовал ротой и вел ее в наступление. Фашисты пытались обойти роту с флангов, но рота продолжала движение вперед, ведя на ходу непрерывный огонь по врагу. Не выдержав огня, немцы откатились назад. На левом фланге 3-го стрелкового полка отважно действовал помощник начальника политотдела по работе среди комсомольцев — орденосец Полковников. Невзирая на сильный минометный обстрел он шел в атаку впереди цепей, увлекая за собой бойцов.

Когда немцы бросили силы на левый фланг 2-го стрелкового полка, чтобы прорваться в стык между 2-м и 1-м стрелковыми полками, командир 2-го батальона 2-го стрелкового полка лейтенант Вержбович повел бойцов в атаку на самый ответственный участок, и немцы были отброшены.

Военком дивизии полковой комиссар Филев лично руководил действиями батальона 3-го стрелкового полка. Командир дивизии полковник Марцинкевич руководил огнем батарей артиллерийского полка. Фашисты бросили в бой танки и бронемашины, но и эта последняя их попытка не имела успеха. 5 танков было подбито, а остальные ушли, не успев открыть огня.

В самый разгар боя отважная медсестра передового отряда медсанитарного батальона Лида Малигченко под разрывами оружейных снарядов и пулеметных очередей, рискуя жизнью, спасала раненых бойцов и командиров, перевязывая их и вынося с поля боя. Скромная девушка в шинели делала это так просто и спокойно, как будто кругом не было боя. Она вынесла из-под огня 16 раненых и, когда все они были вывезены, вновь возвратилась на поле боя.

Наступление наших частей продолжалось до тех пор, пока противник не был отброшен от Николаева далеко за линию железной дороги.

В это время дивизия выступила на Херсон. Боевые колонны шли через безбрежную херсонскую степь вправо от железнодорожной линии. Под станцией Копани колонны артиллерийского полка и 2-го стрелкового полка были атакованы 6 фашистскими танками, внезапно выскочившими из-за посадок у железнодорожного полотна, открывшими огонь по колонне. Командир 1-й батареи младший лейтенант Чугуев и командир 2-й батареи лейтенант Жмур молниеносно развернули орудия и открыли по вражеским танкам огонь. Танки свернули в сторону и, зайдя за линию железной дороги, заняли выгодную позицию: между танками и батареями на полотне железной дороги стояли вагоны разбитого бронепоезда. Расчет орудия 1-й батареи мгновенно выкатил орудие на рельсы, и наводчик Ларин, стреляя в просвет между вагонами, один за другим подбил 3 танка, которые завертелись на месте. 2 других танка были тут же подбиты наводчиком 2-й батареи красноармейцем Хижняком, и лишь одному танку удалось уйти. Когда из подбитых танков выскочили остатки экипажа, Ларин и Хижняк в числе первых бросились в рукопашную схватку, добывая фашистов штыками и прикладами.

КАХОВКА

Части дивизии подошли к Днепру и, переправившись через реку под Отрадой-Каменкой, сосредоточились в районе хутора Зеленый Лагерь, в 25 км от Днепра. Немцы сконцентрировали свои силы на правом берегу Днепра, нанося удар в направлении Берислава, обороняемого частями энской стрелковой дивизии. Дивизия получила боевой приказ сосредоточиться в районе Малой Каховки и быть готовой для поддержания частей энской дивизии, против которой немцы вели яростные атаки.

2-й стрелковый и артиллерийский полки сосредоточились на северо-восточной окраине Каховки, а 1-й стрелковый и гаубичный артиллерийский полки — в Малой Каховке. На рассвете отдельным группам противника, оттеснившим части соседней дивизии, удалось переправиться на левый берег Днепра между Малой Каховкой и Каховкой и проникнуть на ее югозападную окраину. Перед дивизией была поставлена задача сменить соседнюю дивизию, уничтожить переправившиеся группы противника и помешать дальнейшей переправе.

2-й и 1-й стрелковые полки при поддержке артиллерийских полков перешли в наступление. 3-й стрелковый полк, находившийся в резерве в хуторах Чукуровских, выступил на поддержку передовых частей. 2-й стрелковый полк выбил фашистов из Каховки. В городе остались только отдельные группы автоматчиков, которые засели на чердаках и за стенами домов. Герои-смельчаки группами и в одиночку ходили истреблять фашистских лазутчиков. Среди таких бесстрашных «охотников» за автоматчиками особенно прославился начальник артиллерийского снабжения артполка техник-интендант 2-го ранга Олейник. Олейник с группой младших командиров — Коротько, Кузьменко, Болотинным, Фарафоновым и Федоровым — отправился в Каховку. При появлении группы Олейника на улицах города фашисты открыли огонь с чердаков и из-за домов.

Пули сыпались горохом, но это не остановило смельчаков. Разбившись на мелкие группки, они стали выбивать фашистов одного за другим. Олейник лично уничтожил четверых автоматчиков, в том числе одного офицера. Захватив фашистское знамя, автоматы и другие трофеи, Олейник со своей группой вернулся в часть. Во время этой операции он был ранен в голову, но несмотря на это в тот же день вместе с помощником начальника штаба полка старшим лейтенантом Виноградовым вторично отправился на охоту за автоматчиками и уничтожил еще четырех человек. Всего Олейником было уничтожено 24 автоматчика.

Фашисты подвергли ожесточенному артиллерийскому и минометному обстрелу расположение наших частей в Каховке и одновременно под прикрытием огня их войска на моторных катерах стали переправляться на правый берег. От шквала артиллерийского огня в городе рушились и загорались жилые дома. Бойцов засыпало землей. Несколько снарядов разорвались возле 1-й и 2-й батарей артиллерийского полка, причем 1-я батарея под командой младшего лейтенанта Чугуева была засыпана землей, а сам ее геройский командир погиб смертью храбрых.

Командир 2-й батареи лейтенант Жмур был ранен, но не покинул огневых позиций. Его батарея первая открыла огонь по переправлявшемуся противнику. После первых же выстрелов фашистские катеры заметались по реке. Наводчик 2-й батареи Ларин был засыпан землей во время разрыва снаряда; выбравшись, Ларин вслед за 1-й батареей открыл огонь по фашистам из своего орудия. Под обстрелом наших артиллеристов 3 фашистских катера сразу же пошли ко дну. Прямой наводкой Ларин бил по противнику, который успел переправиться через Днепр. В этом бою тов. Ларин уничтожил 2 танка, 6 мотоциклов и около роты живой силы врага. Наводчик 1-й батареи артиллерийского полка Хижняк подбил еще 2 танка и пустил ко дну 3 баржи фашистов. Наводчик того же полка Борзенков вел огонь по вражеским батареям. Щит его орудия был изуродован прямым попаданием снарядов, но тов. Борзенков не покинул орудия и вел огонь до тех пор, пока фашистские батареи не замолчали.

Батареи гаубичного полка под обстрелом противника также вели непрерывный огонь по переправе. В бою был выведен из строя весь расчет наводчика Николашина. Но герой-наводчик продолжал вести огонь один и погиб смертью храбрых у своего орудия.

Не менее отважно дрались и пехотинцы. Во время ночного боя в Малой Каховке группа немцев, переодетых в красноармейскую форму, пыталась зайти в стык между батальоном 2-го стрелкового полка и одним из батальонов 3-го стрелкового полка. Командир батальона младший лейтенант Кирса разгадал уловку врага. Бойцы его батальона штыковой атакой отбросили немцев на восточную окраину села.

Лейтенант 3-го стрелкового полка Гавриш вместе с тремя бойцами отправился в разведку в район переправы. Разведчики установили, что в этом районе переправилось до полка пехоты с танками и бронемашинами. Подобравшись вплотную к расположению фашистов, Гавриш бросил в них несколько гранат, уничтожил 7 фашистских солдат и вывел из строя одну противотанковую пушку. Немцы открыли по разведчикам беспорядочный огонь, но Гавриш вместе с бойцами благополучно добрался до своей части и доложил командованию о результатах разведки.

Ночью было организовано наступление 1-го и 3-го стрелковых полков. Бойцы штыковой атакой отбросили противника от переправы и нанесли ему большие потери.

В районе Каховки развернулись особенно ожесточенные бои. Весь день в городе происходил уличный бой, и только к вечеру наши войска оставили Каховку. На помощь подошли части новой стрелковой дивизии,

и наступление было возобновлено в ночь. 2-й стрелковый полк развил успех и выбил немцев из северовосточной окраины Каховки.

Коммунисты и политработники словом и делом воодушевляли бойцов на подвиги. Многие из них погибли в бою, но их имена живы в памяти бойцов и командиров, призывая их на новые боевые дела.

В одном из последних боев под Каховкой был убит старший инструктор политотдела политрук Туктусь, пламенный большевистский агитатор, с первых дней войны вместе с бойцами ходивший в атаки на врага.

В напряженный момент боя под Каховкой, когда связь между штабом дивизии и 2-м стрелковым полком была прервана, находившиеся в полку военком дивизии полковой комиссар Филев и заместитель начальника политотдела батальонный комиссар Бугров взяли управление в свои руки. При отходе войск из Каховки под натиском превосходящих сил противника они оставались в городе, организуя отход, и ушли с последними группами бойцов и командиров в тот момент, когда фашисты уже ворвались в город. Оставив Каховку, части дивизии отошли в район Любимовка — Червоная Культура, в 3 километрах от города.

Но бои за Каховку не закончились. Под Любимовкой, Ярмаками — Раздольным фашисты, стремящиеся овладеть каховским плацдармом и прорваться к Перекопу, встречали стойкое сопротивление частей дивизии. Отходя с боями на заранее подготовленные рубежи, части дивизии в то же время готовились к наступлению, ожидая только приказа командования.

Этот долгожданный момент наступил. В этот день части дивизии, сосредоточившиеся в Новониколаевке (под Мелитополем), возобновили наступление. Дивизия неудержимо шла вперед, сокрушая яростное сопротивление фашистов, занимая села и хутора. Дивизия вышла на рубеж Елизаветовка — Рубли, вклинившись в линию обороны немецких войск.

Два дня продолжались упорные бои под поселком Рубли. В этих боях бойцы и командиры, воодушевленные лозунгом «Даешь Каховку!», показали чудеса храбрости и героизма.

Немцы ввели в действие все свои резервы, артиллерию, самолеты, танки; ценою огромных потерь им удалось остановить наступление и временно закрепить за собой каховский плацдарм. Наши бойцы отошли назад. Но они знали, что борьба за Каховку не кончилась, что легендарный город увидит у своих подступов новые бои, которые закончатся разгромом фашистских орд.

ИДЕЯ ПАТРИОТИЗМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

И. Кубиков

В известной статье «О национальной гордости великороссов» Ленин оставил замечательные страницы о чувстве национального сознания, которое присуще русскому народу и прежде всего «сознательным пролетариям»: «Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т.-е. $\frac{9}{10}$ ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов». Ленин говорит далее о том, что среда великороссов «выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свержать попа и помещика»¹.

Развитие национального самосознания не могло не привести к дальнейшему развитию и углублению революционного движения. Достаточно известен тот исторический факт, что революционное брожение в среде передовой дворянской интеллигенции 20-х годов XIX в. вышло из национального подъема 1812 года. Стремление декабристов к политическому обновлению страны было связано с развитием их национального самосознания. Это особенно ярко чувствуется в поэзии и высказываниях декабриста Рылеева.

В предисловии к отдельному изданию своих «Дум» Рылеев с большим сочувствием цитирует слова мало известного польского поэта Немцевича: «Напомнить юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот первый способ для привития народу сильной привязанности к родине: ничто уже тогда сих первых впечатлений, сих ранних понятий не в состоянии изгладить. Они крепнут с летами и творят храбрых для боя ратников, мужей доблестных для совета». Исходя из этих идей, Рылеев возвеличивает в своих «Думах» Мстислава Удалого, Дмитрия Донского, Ивана Сусанина и других героев прошлого.

В одной из своих «Дум» Рылеев воскрешает исторический эпизод из этого прошлого — владычество любовника императрицы Анны Ивановны, наглого немца Бирона, и борьбу с Бироном русского вельможи того времени Волынского. Нельзя, конечно, отрицать, что Волынский — астраханский губернатор при Петре и усмиритель калмыков — изображен Рылеевым с налетом идеализации. Но Волынский, в противовес Бирону выдвигавший план известного ограничения царского самодержавия, был выразителем национальных требований передовой части русского дворянства. Вместе с группой единомышленников, противников немца-временщика Бирона, Волынский защищал проект создания двухпалатной системы с участием широких слоев дворянства, мечтал о военных и

¹ Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 81.

финансовых реформах, предполагал расширение торговли и широкое развитие народного образования. Вот почему, воскрешая в двух своих «Думах» («Волынский» и «Видение императрицы Анны») эпизод этой борьбы двух вельмож, Рылеев возвеличивает погибшего на плахе Волынского, похороненного на петербургском Самсоновском кладбище:

«Сыны отечества! в слезах
 Ко храму древнего Самсона!
 Там за оградой, при вратах
 Почует прах врага Бирона!
 Отец семейства! Приведи
 К могиле мученика-сына;
 Да закипит в его груди
 Святая ревность гражданина!»

Это агитационный призыв поэта-декабриста. Его патриотизм выражается в стремлении привить своему читателю действенную любовь к родине. «Пусть все для ней он переносит», — взывает Рылеев в своей «Думе» о Волынском. И эта тема любви к родине проходит через все основные произведения поэта.

Как известно, сочетание национальной гордости и пламенной ненависти к деспотизму является характерной особенностью и поэзии Пушкина, идейно так близкого декабристам. Гениальный поэт неоднократно в своих произведениях касается исторических событий 1812 года. Отдавая должное великому полководцу Кутузову, Пушкин в своем стихотворении «Полководец», написанном уже в 1835 г., предлагает не забывать и о его предшественнике, главнокомандующем Барклае де Толли. Поэт делает это вполне основательно, ибо заслуга Барклая заключалась в том, что при неравном соотношении сил, не принимая генерального боя, он стремился измотать врага и сохранить живую силу русской армии. Когда на Пушкина за это стихотворение обрушились с упреками и обвинениями в том, что он этим умаляет славу Кутузова, то великий поэт в своих разъяснениях писал: «Я не мог подумать, чтобы тут можно было увидеть намерение оскорбить чувства народной гордости и старание унижить священную славу Кутузова; однако ж меня в том обвинили. Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титло: спаситель России; его памятник: скала святой Елены. Имя его не только священно для нас, но не должны ли мы еще радоваться, мы русские, что оно звучит русским звуком?» «Но, — продолжает Пушкин, — неужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Барклая де Толли, потому что Кутузов велик? Ужели после двадцатипятилетнего безмолвия поэзии не позволено произнести его имени с участием и умилением?»¹

Пушкин преклонялся перед героем Полтавской битвы Петром I. Значение Полтавской битвы Пушкин ознаменовал созданием своей поэмы «Полтава» и подкрепил теми высказываниями, которые можно найти не только в предполагаемом предисловии поэта к 1-му изданию «Полтавы», но и в статье 1834 г. «О русской литературе с очерком французской». В этой статье имеются такие строки: «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек. Предпринятые Петром войны были благодетельны и плодотворны как для России, так и для человечества. Успех петровского преобразования

¹ Пушкин А. Соч. Т. V, стр. 293, Изд. Брокгауза, 1911.

был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причастило к берегам завоеванной Невы»¹.

Любовь к родине заставила Пушкина мечтать о том времени, когда отсталые народности, населяющие нашу страну, приобщатся к «европейскому просвещению» через усвоение русской культуры. Мы знаем, что это приобщение является сейчас национальным по форме и социалистическим по содержанию. Но в этом усвоении русская наука, искусство и русская литература имеют огромное значение.

Эта мечта Пушкина выражена в его стихотворении «Памятник», где великий поэт говорит о том времени на Руси, когда имя его назовет «всяк сущий в ней язык», даже дикие во времена Пушкина «тунгуз и друг степей калмык».

Великий преемник Пушкина М. Ю. Лермонтов внес дополнительное толкование в идею патриотизма. Не будем останавливаться на всей поэтической продукции Лермонтова, имеющей отношение к нашей теме. Достаточно будет двух стихотворений: «Бородино» и «Отчизна».

В популярном стихотворении «Бородино» Лермонтов берет собирательного героя Отечественной войны 1812 г., повидимому, простого скромного капитана, вроде Максима Максимыча из «Героя нашего времени». Рассказывая о подвигах героев 1812 г., этот человек говорит не о себе лично: местоимение «мы» выражает в этом стихотворении силу как бы всего русского народа, защитившего страну от иноземных захватчиков. Вместе с этим Лермонтов вполне продуманно противопоставляет героизм русского народа и его бесстрашных полководцев ничтожеству дворянского класса в целом, имея в виду общество эпохи 30-х гг.: «Да, были люди в наше время, не то что нынешнее племя. Богатыри — не вы!» — бросает Лермонтов слова, полные горького упрека. В 1851 г., уже за границей, Герцен в статье, предназначенной для европейских читателей, подтвердил упрек Лермонтова в таких словах: «Все, что имелось благородного и великодушного, находилось в рудниках или в Сибири. Все, что осталось при Николае I, пало до степени низости и рабологии».

Другим произведением Лермонтова, где так незабываемо прозвучала любовь поэта к своей родине, является его стихотворение «Отчизна» (в другой редакции «Родина»). Здесь идея патриотизма принимает расширительное толкование: «Не слава, купленная кровью», т. е. не жестокая расправа Николая I с угнетенными народами обширной страны, интересует Лермонтова, но жизнь русского народа, полная страданий. В своей отчизне он любит

«Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...
Проселочным путем... скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень...»

Такое понимание патриотизма роднит Лермонтова с разночинной демократией 60-х годов. Недаром Добролюбов по поводу этого стихотворения Лермонтова писал: «Умевши рано понять недостатки современного общества, Лермонтов умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит

¹ Пушкин А. Соч. Т. V, стр. 293. Изд. Брокгауза. 1911.

замечательное стихотворение «Родина», в котором он становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно». Мы увидим далее, как сам Добролюбов, отвергая узкое понимание патриотизма, выдвигает эту «святую и разумную» любовь к своей стране.

Николай Васильевич Гоголь, являясь одним из великих основоположников критического реализма в нашей литературе, не постигал необходимости борьбы за социальное и политическое раскрепощение страны. Но своими гениальными произведениями он, как известно, волей-неволей приводил мыслящего читателя к выводам революционного характера. Кроме того, в одном из своих ранних произведений Гоголь с определенной направленностью изобразил борьбу украинского народа за свою национальную независимость. Каждому читателю ясно, что мы говорим здесь об исторической повести Гоголя «Тарас Бульба», о том произведении, которое Гоголь дополнял и переделывал семь лет спустя, в 1842 г., желая придать этой повести еще более яркий историко-познавательный колорит. Гоголь делает своего центрального героя Тараса Бульбу народным вступником, придавая речам героя повести национально-демократический характер и этим намекая на позорные явления помещичье-крепостного быта эпохи Николая I. Тарас Бульба в своей речи к запорожцам говорит: «Знаю, подло завелось теперь в земле нашей: думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их; перенимают чорт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке».

Как искренний патриот, Гоголь убежден, что героические подвиги отважных защитников родины не будут преданы забвению. «Не погибает ни одно великодушное дело, — восклицает писатель, — и не пропадет, как малая порошинка с ружейного дула, козацкая слава. Будет, будет бандурист, с седою по грудь бородою, а может, еще полный зрелого мужества, но белоголовый старец, вещий духом, и скажет он про них свое густое, могучее слово. И пойдет дыбом по всему свету о них слава, и все, что ни народится потом, заговорит о них».

Гоголь не понимал исторической необходимости политического и социального переворота — и в этом его несчастье. Но даже в своей «Переписке с друзьями», этой книге с консервативными устремлениями, вызвавшей справедливый гнев Белинского, — даже в ней Гоголь местами говорит о необходимости разоблачения общественной неправды. Что касается его гениального создания — поэмы «Мертвые души», — то здесь Гоголь упоминает не только о тернистом пути писателя-гражданина, но и выступает против лживого патриотизма, которым прикрываются нравственно ничтожные люди. «Еще падет обвинение на автора, — говорит Гоголь, — со стороны так называемых патриотов, которые спокойно сидят себе по углам и занимаются совершенно посторонними делами, накапливают себе капиталы, устраивая судьбу свою на счет других; но как только случится что-нибудь, по мнению их, оскорбительное для отечества, появится какая-нибудь книга, в которой скажется иногда горькая правда, они выбегут со всех углов, как пауки, увидевши, что запуталась в паутину муха, и подымут вдруг крики». В противовес таким лжепатриотам Гоголь выдвигает истинное понимание патриотизма и любви к своей стране, когда надо иметь мужество говорить людям «горькую правду».

Вот почему правилен тот вывод, к которому пришел в своей оценке значения Гоголя Н. Г. Чернышевский: «Как ни велики твои ошибки,

мученик скорбной мысли, но ты был одним из благороднейших сынов России, и бессмертны твои заслуги перед родиной».

Гениальный истолкователь творчества Пушкина, Лермонтова и Гоголя В. Г. Белинский был, по выражению Ленина, предшественником «полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении»¹. Его пламенный и истинный патриотизм связывается с глубокой верой в будущее величие своей родины. В своих статьях Белинский разоблачал лживый патриотизм людей типа Булгарина и Шевырева. Как говорит Некрасов в своей поэме о Белинском, «не пощадил он ни льстецов, ни подлецов, ни идиотов, ни в маске жирных патриотов — благонамеренных воров». И, конечно, патриотизм великого критика-публициста раскрывался в его симпатиях к тем реалистическим произведениям литературы, которые были проникнуты горячей любовью к родине.

Белинский отказывался принять известное стихотворение Жуковского «Певец в стане русских воинов», ибо в этом произведении он не нашел «даже чувства современной действительности». Но зато, например, стихотворение Пушкина «Полководец» Белинский считал одним из «величайших созданий» гениального Пушкина.

«Величайшим событием» является для Белинского воспетая Пушкиным Полтавская битва, в торжестве которой заключалось торжество всех трудов, всех подвигов, — словом, всей реформы Петра Великого.

Белинский решительно отрицает в знаменитом письме к Гоголю его утверждение, будто «русский народ самый религиозный в мире». Великий критик-публицист, наоборот, говорит о том, что «русский народ не таков; мистическая экзальтация не в его натуре, у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме, и вот в этом-то может быть огромность исторических судеб его в будущем»².

Белинский прекрасно понимал, что русский народ таит в себе огромные возможности. В своей последней и полной глубоких мыслей статье «Взгляд на русскую литературу 1847 г.» великий критик-публицист, говоря об образованных дворянах того времени, с одной стороны, и «необразованном» народе — с другой, замечает: «Образование только развивает нравственные силы человека, но не дает их: дает их человеку природа. И в этой раздаче драгоценнейших даров своих она действует слепо, не разбирая сословий... Если из образованных классов общества выходит больше замечательных людей, это потому, что тут больше средств к развитию, а совсем не потому, чтобы природа была для людей низших классов скупер в раздаче даров своих»³. Этими словами великий демократ эпохи 40-х годов прошлого века как бы преддрекает эпоху социализма в нашей стране, когда из низов народа выходят люди науки и талантливые полководцы — защитники родины.

Эта вера Белинского в великое будущее русского народа — основная черта всех лучших писателей нашей страны. Вот, например, Белинский берет «Месяцеслов на 1840 год», и мыслью своей он переносится на сто лет вперед. Полный прекрасных мечтаний, он пишет: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 г., стоящую во главе образованного мира, дающею законы и науку и искусству, принимающею благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества»⁴.

¹ Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 341.

² Белинский В. Письма. Т. III, стр. 233—234. 1914.

³ Белинский В. Избранные философские сочинения, стр. 396. М. 1941.

⁴ Белинский В. Соч. Т. XII, стр. 224. 1926.

И разве эта «благотворительная дань уважения всего просвещенного человечества» не стала великим фактом нашего времени, когда все народы мира с восторгом наблюдают, как первая в мире страна социализма, оплот и надежда всего передового человечества, ведет героическую борьбу с фашистским зверьем, как ее могучая Красная Армия гонит обратно на Запад фашистских палачей?

Продолжатели дела В. Г. Белинского, жившие уже в другую эпоху, Чернышевский и Добролюбов, конечно, были патриотами в таком же смысле, как и великий криптик 40-х годов. В своих «Очерках гоголевского периода» Чернышевский писал: «Русский, у кого есть здравый ум и живое сердце, до сих пор не мог и не может быть ничем иным, как патриотом в смысле Петра Великого — деятелем в великой задаче просвещения русской земли. Все остальные интересы его деятельности — служение чистой науке, если он ученый, чистому искусству, если он художник, даже идее общечеловеческой правды, если он юрист, — подчиняются у русского ученого, художника, юриста великой идее служения на пользу своего отечества»¹. Эти слова Чернышевского особенно действительно звучат теперь в нашей Советской стране, когда люди науки и искусства приносят свои труды на защиту отечества от фашистских захватчиков.

Очень обстоятельно по вопросу о патриотизме высказался сподвижник и друг Чернышевского Н. А. Добролюбов. В 1858 г. вышла в свет на французском языке книга некоего Жеребцова «Опыт истории цивилизации в России». Это была книга дворянского литератора, проникнутого кастовым высокомерием. Великий критик-публицист дал подробную характеристику этому «труду». При этом он развил в своей статье то понимание патриотизма, которое вообще было присуще революционной демократии 60-х годов. Добролюбов показывает, какой смысл имеет настоящий патриотизм и «что такое часто прикрывается его именем». Говоря об оголтелом, зверином национализме, Добролюбов дает ему уничтожающую характеристику, которая в настоящее время в значительной своей части может быть приложена к так называемому национал-социализму современной Германии. Развитие этих «псевдопатриотов», говорит Добролюбов, «не так высоко, чтобы понять значение своей родины среди других народов». «И вот эти нравственные недоросли, — продолжает Добролюбов, — эти рабски ленивые и рабски подлые натуры делаются паразитами какого-нибудь громкого имени, чтобы его величием наполнить собственную пустоту. Нередко это громкое имя бывает — отечество, родина, народность, и тут уж не бывает конца цветистым фразам и риторическим изображениям, лишенным всякого внутреннего смысла. На деле, разумеется, не бывает у этих господ и следов патриотизма, так неутомимо возвещаемого ими на словах. Они готовы эксплуатировать сколько возможно своего соотечественника не меньше, если еще не больше, чем иностранца; готовы также легко обмануть его, погубить ради своих личных видов, готовы сделать всякую гадость, вредную обществу, вредную, пожалуй, целой стране, но выгодную для них лично... Если им достанется возможность показать свою власть хоть на маленьком клочке земли в своем отечестве, они на этом клочке будут распоряжаться, как в завоеванной земле...»².

Как бы повторяя мысли Чернышевского, Добролюбов говорит: «В человеке порядочном патриотизм есть не что иное, как желание трудиться на пользу своей стране».

Резко отмежевываясь от звериного национализма, Добролюбов утверждает свое революционно-демократическое понимание патриотизма. «Патриотизм живой, деятельный, — говорит он, — именно и

¹ Чернышевский Н. Соч. Т. II, стр. 122. 1926.

² Добролюбов Н. Соч. Т. VI, стр. 245—246. 1911.

отличается тем, что он исключает всякую международную вражду, и человек, одушевленный таким патриотизмом, готов трудиться для всего человечества, если только может быть ему полезен. Ограничение своей деятельности в пределах своей страны является у него вследствие сознания, что здесь именно его настоящее место, на котором он может быть наиболее полезен.. Настоящий патриотизм, как частное проявление любви к человечеству, не уживается с неприязнью к отдельным народностям»¹.

И дальше Добролюбов вносит в свое понимание патриотизма еще одно важное утверждение: развитие истинно патриотического подъема особенно сильно чувствуется в тех странах, где народ активно участвует в управлении страной. Эта мысль им выражена в таких словах: «Понимая патриотизм таким образом, мы поймем, отчего он развивается с особенною силою в тех странах, где каждой личности представляется большая возможность приносить сознательную пользу обществу и участвовать в его предприятиях»². Недавно один фашистский публицист в Германии с огорчением отмечал, что русский народ уже не тот, каким он был в первую мировую войну, 1914 года. Но это преображение русского народа, поразившее наших врагов, является вполне закономерным, если учесть все благодетельные последствия великого социального переворота 1917 года.

Одним из пламенных пропагандистов жизнеутверждающего патриотизма был Александр Иванович Герцен. Ставши политическим эмигрантом, освободившись от гнета царской цензуры, Герцен как бы налагает на себя обязанность быть поборником общественной правды. В замечательном вступлении к своим грустным размышлениям об итогах западноевропейской революции 1848 г. в книге «С того берега» Герцен из-за рубежа обращается к своим соотечественникам с такими словами: «Я здесь бесцензурная речь ваша, ваш свободный орган, ваш случайный представитель». И великий патриот выполнил с честью свое назначение. Прощаясь навсегда со своей горячо любимой родиной, Герцен заканчивает свое вступление к книге «С того берега» лирическими, глубоко волнующими словами: «Сердце отказывается верить, что этот день не придет, замирает при мысли вечной разлуки. Будто я не увижу эти улицы, по которым я так часто ходил полный юношеских мечтаний; эти дома, так сроднившиеся с воспоминаниями, наши русские деревни, наших крестьян, которых я вспоминал с любовью на самом юге Италии?.. Не может быть! Ну, а если? Тогда я завещаю мой тост моим детям и, умирая на чужбине, сохраню веру в будущность русского народа и благословлю его из дали моей добровольной ссылки!»³.

Герцен писал эти строки в 1849 г., когда правительство Николая I послало 200-тысячное войско для подавления венгерской революции. В связи с этим западноевропейские демократы не только отвоинились с ненавистью к международному жандарму Николаю I, но и с некоторым пренебрежением к русскому народу.

Это было несправедливо, и Герцен был обижен и оскорблен в своих лучших патриотических чувствах. Свое огорчение он выразил в письме к французскому историку Мишле, убеждая его не смешивать русский народ с его палачами и угнетателями.

«Мне так хотелось изменить ваше мнение о русском народе, — говорит Герцен, обращаясь к Мишле, — мне было так грустно, так тяжело видеть, что вы против нас, что не мог скрыть своей горести, своего волнения и дал волю перу. Но теперь я вижу, что вы в нас не отчая-

¹ Добролюбов Н. Соч. Т. VI, стр. 240—241.

² Там же, стр. 241.

³ Герцен А. Соч. Т. IV, стр. 391. Под редакцией Лемке.

ваетесь, что под прубым армяком русского крестьянина вы узнали человека»¹.

О немцах, пробравшихся в государственный аппарат России, Герцен писал неоднократно. «В немецких офицерах и чиновниках,—говорит Герцен,—правительство русское находит именно то, что ему нужно: правильность и бесстрастность машины, скромное безмолвие глухих и немых, стоицизм послушания, способного выдержать всякое испытание, усидчивость в труде, не знающую усталости... Прибавьте полное равнодушие к участи управляемых, глубочайшее презрение к народу, полное незнание национального характера — и вы поймете, почему народ ненавидит немцев и почему наше правительство так любит их»². Таким образом, Герцен устанавливает связь царской власти и русских временщиков аракчеевых с правящей немецкой бюрократией, совместно с ними угнетающей русский народ.

Уже в Германии эпохи Бисмарка Герцен видел силу, опасную и враждебную мировой демократии. «Я не верю, — писал великий мыслитель, — чтоб судьбы мира оставались надолго в руках немцев и гогенцоллернов. Это невозможно, это противно человеческому смыслу, противно исторической эстетике»³. В нашу эпоху отечественной войны эти слова незабвенного русского патриота звучат особенно актуально.

Создатель образов Рудина и Базарова, Иван Сергеевич Тургенев, как известно, идейно примыкал к дворянскому либерализму. Но в отдельные периоды жизни великого писателя его либерализм приобретал оттенок радикального характера. Так, например, питая ненависть к деспотизму Николая I, пославшего русские войска для подавления венгерской революции, Тургенев в письме к Полине Виардо писал: «Для человека с сердцем есть только одно отечество — демократия». Он понимал, что подавление венгерской революции нанесет этой демократии «смертельный удар». В конце романа «Рудин» Тургенев возвеличивает своего героя, умирающего на парижских баррикадах. В романе «Отцы и дети» Тургенев не принимает всего мировоззрения Базарова, но он преклоняется перед силой его характера. Сцена последних минут Базарова перед лицом приближающейся смерти — одна из волнующих страниц не только русской, но и мировой литературы. В романе «Новь» Тургенев выявил свое скептическое отношение к возможности крестьянской революции в эпоху 70-х гг.; он изображает революционеров-семидесятников наивными, а иногда даже и ограниченными людьми, но он не посягает на их моральную высоту. Недаром подвиг русской революционерки он воспел в стихотворении в прозе «Порот». И в этом отличие Тургенева не только от писателей-клеветников с их так называемыми антинигилистическими романами, но и от злобного памфлета Достоевского — романа «Бесы».

В своей фантазии «Призраки», проникнутой мировой скорбью, Тургенев стремится преодолеть свое мрачное мировосприятие созерцанием красоты героического порыва в виде летящих журавлей. В этом месте «Призраков» даже самый ритм тургеневского повествования делается более динамичным: «Крупные, красивые птицы (их всего было тринадцать) летели треугольником, резко и редко махая выпуклыми крыльями... Чудно было видеть на такой высоте, в таком удалении от всего живого, такую горячую, сильную жизнь, такую неуклонную волю. Не переставая победоносно рассекать пространство, журавли изредка переключались с передовым товарищем, с вожаким, и было что-то гордое, важное, что-то несокрушимо самоуверенное в этих промких возгласах, в

¹ Герцен А. Соч. Т. VI, стр. 458.

² Там же, стр. 333—334.

³ Герцен А. Соч. Т. XIV, стр. 736.

этом подоблачном разговоре. «Мы долетим, небось, хоть и трудно», казалось, говорили они, ободряя друг друга. И тут мне пришло в голову, что таких людей, каковы были эти птицы — в России — где в России, в целом свете немного!»¹. Значит, человеческое бытие в представлении Тургенева может быть оправдано этим незабываемым героизмом.

В своей известной статье о Гамлете и Дон-Кихоте, говоря о нравственном величии героя романа Сервантеса, Тургенев пишет: Дон-Кихот жавет «для истребления зла, для противодействия враждебным человечеству силам — волшебникам, великанам, т.е. притеснителям... Дон-Кихот — служитель идеи, а потому обвеян ее сиянием». Это свое утверждение Тургенев заканчивает знаменательными словами: «Когда переведутся такие люди, пускай закроется книга истории: в ней нечего будет читать»².

Величие Тургенева заключается в том, что он вобрал в себя лучшие традиции западноевропейской демократии. Этим объясняется его презрение к империи Наполеона III. В письме к Я. П. Полонскому Тургенев писал: «Падение гнусной империи Наполеона доставило мне великую радость: нравственное чувство во мне удовлетворилось — после такого долгого ожидания! Но я не скрываю от самого себя, что не все впереди розового цвета, и завоевательная алчность, овладевшая всей Германией, не представляет особенно утешительного зрелища»³. Слова о Германии оказались пророческими.

В эпоху политического мракобесия, царившего в нашей стране, Тургенев находил утешение в своем литературном творчестве. Творя на своем родном языке, Тургенев восхищался особенностями русского языка. Он пропел ему гимн в одном из своих стихотворений в прозе. «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — говорит патриотически настроенный писатель, — ты один мне поддержка и опора, о, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» Это творчество на родном языке избавляло его в то время от чувства общественного отчаяния, ибо, как говорил Тургенев, «нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» (стихотворение «Русский язык»).

Патриотизм великого мирового писателя Л. Н. Толстого незабываемо выразился в его знаменитых «Севастопольских рассказах» и в гениальной эпопее «Война и мир».

В «Севастопольских рассказах» творчество Толстого, по справедливому утверждению одного из его биографов, приняло «форму высокой трагической поэзии». Патриотическое чувство великого писателя выражено особенно сильно уже в первом очерке — «Севастополь в декабре». Нравственная связь Л. Толстого с защитниками Севастополя выражается им в таких словах: «Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости, и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах». Говоря о нравственном величии русского воина, Л. Толстой формулирует свою мысль с присущей ему ясностью: «Здесь на каждом лице кажется вам, что опасность, злоба и страдания войны, кроме этих главных признаков, проложили еще следы сознания своего достоинства и высокой мысли и чувства»⁴.

Роман «Война и мир» остается одним из бессмертных памятников русской художественной литературы. Страхов оказался прав, когда

¹ Тургенев И. Соч. Т. VII, стр. 99. 1898.

² Тургенев И. Соч. Т. XII, стр. 323 и 327. 1898.

³ И. С. Тургенев в воспоминаниях и письмах». Ч. 2-я, стр. 134. Под ред. Бродского. 1924.

⁴ Толстой Л. Соч. Т. I, стр. 359. 1928.

в свое время писал: «Пройдут многие годы, прежде чем вполне уяснится значение этого произведения». Правда, если мы будем требовать абсолютной исторической точности, то многое в этом романе окажется спорным. И прежде всего остается неверной та теория писателя, согласно которой он не придавал особого значения высокой технике и роли главнокомандующего. Вполне справедливо возвеличивая Кутузова как народного героя, Л. Толстой недооценивает его как полководца, согласно своему взгляду на сущность войны. В главе 35-й 2-й части третьего тома романа писатель говорит о Кутузове: «Долголетним военным опытом он знал и старческим умом понимал, что руководить сотнями тысяч человек, борющихся со смертью, нельзя одному человеку, и знал, что решают участь сражения не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следил за этой силой и руководил ею, насколько это было в его власти».

Конечно, великий писатель прав, когда говорит о первенствующем значении духа войска, но он ошибается, когда полагает, что «количество пушек» и «распоряжения главнокомандующего» не играют никакой роли. Нет, они должны быть поставлены как бы на службу этому духу войска — и только тогда армия победит. Для нас сейчас эта мысль настолько элементарна, что не нуждается в особых доказательствах.

Но если предвзятая точка зрения ведет великого художника к умалению Кутузова как полководца, то во всех других отношениях Л. Толстой дает привлекательный образ человека-бойца, выражающего настроение русской армии и всего народа. Во время Бородинского боя Кутузов изображается Толстым твердо верующим в победу русских войск. Вот почему паникерские сведения адъютанта Вольцогена возмущают его и, наоборот, он с радостной приветливостью встречает генерала Раевского, принесшего сведения более утешительного характера. Во время знаменитого генеральского совета в Филях писатель с необыкновенной силой великого художника показывает всю тяжесть переживаний Кутузова, взявшего на себя ответственность за оставление Москвы. Когда же Кутузов принимает от адъютанта Болховитинова известие об уходе Наполеона из Москвы, то здесь он изображается со слезами радости на глазах.

Толстой выделяет гуманизм Кутузова, когда окончательно разгромленные французские войска, одетые в какие-то отрепья, охотно сдаются в плен: «Пока они были сальны, мы себя не жалели, а теперь и их пожалеть можно. Тоже и они люди. Так, ребята?» «Он смотрел вокруг себя и в упорных, почтительно недоумевающих, устремленных на него взглядах он читал сочувствие своим словам: лицо его становилось все светлее и светлее от старческой кроткой улыбки, звездами морщившейся в углах губ и глаз. Он помолчал и как бы в недоумении опустил голову»¹.

Понятно, что здесь дело идет о французах, уже окончательно разгромленных и добровольно сдающихся в плен.

Образ Наполеона Л. Толстой изображает с самой отрицательной стороны. У Л. Толстого это человек с потолстевшей короткой фигурой. «с широкими, толстыми плечами и невольно выставленным вперед животом и грудью». И если в сцене с Балашовым Наполеон полон самодовольства, то во время Бородинской битвы Л. Толстой показывает его подавленным, впервые и с тревогой почувствовавшим всю непреодолимую силу русского сопротивления. «Страшное чувство, подобное чувству, испытываемому в сновидениях, охватывало его, и ему приходили

¹ Толстой Л. Соч. Т. IV. Ч. 4-я. Гл. 6-я.

в голову все несчастные случайности, могущие погубить его... Известие о том, что русские атакуют левый фланг французской армии, возбудило в Наполеоне этот ужас. Он молча сидел под курганом на складном стуле, опустив голову и положив локти на колени»¹.

Так сочетаются на этих страницах романа патриотический подъем великого писателя и гениальная сила его необычайной изобразительности.

Л. Толстой не оставляет без внимания и партизанского движения, имевшего огромное значение в великой Отечественной войне 1812 года. Изумительная способность писателя в пользовании меткими художественными сравнениями сказывается и в данном случае. Л. Толстой пишет: «Партизаны уничтожали великую армию по частям. Они подбирали те отпадавшие листья, которые сами собой сыпались с иссохшего дерева — французского войска, и иногда трясли это дерево»².

Выдвигая на первый план защитников родины: армию, народ, рядовое офицерство, скромное и вместе с тем беззаветно героическое, в виде капитана Тушина или Тимохина, — Л. Толстой с пренебрежением говорит о дворянской знати. Великий писатель разоблачает бесстыдство этих людей, лишенных какого-либо чувства истинного патриотизма. Эти люди не желали ни мира, ни войны, ни наступательных действий, ни оборонительных; они желали «только одного и самого существенного: наибольших для себя выгод и удовольствий». «Все люди этой партии, — говорит Л. Толстой, — ловили рубли, кресты, чины, и в этом ловлении следили только за направлением флюгера царской милости»³.

Увековечив в своем гениальном романе героев Отечественной войны 1812 г., Л. Толстой вместе с тем утверждает моральное право русского народа в его борьбе против иноземных захватчиков. Наполеон, так же как и фашистские генералы нашего времени, был недоволен тем, что русская армия воюет не по выдуманым им «правилам». Наполеон так же был недоволен действиями партизан, как и современные немецкие командиры. Являясь в своем бессмертном романе великим патриотом, Л. Толстой по этому поводу говорит: «Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие»⁴.

В нашей Великой Отечественной войне, призванной отстоять советский строй и великие завоевания революции, эти слова Толстого вновь приобретают действительное значение.

Представители крестьянской демократии Некрасов и Салтыков-Щедрин были и выразителями идей истинного патриотизма. В одном из своих стихотворений великий поэт народной скорби предупреждает своего читателя:

«Примиритесь же о музой моей!
Я не знаю другого напева.
Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей...»

Изображая угнетателей народа, Некрасов в своей сатирической поэме «Современники» увековечил не только дворян-паразитов и про-

¹ Толстой Л. Соч. Т. III. Ч. 2-я. Гл. 34-я.

² Там же. Соч. Т. III. Ч. 1-я. Гл. 9-я.

³ Там же. Соч. Т. IV. Ч. 3-я. Гл. 1-я.

⁴ Там же. Соч. Т. IV. Ч. 3-я. Гл. 3-я.

мышленника Шкурина, но и «остзейского барона». В этом месте поэмы был намек на правящего немца Герстфельда — тогда члена совета министерства путей сообщения. Облик этого наглого и самоуверенного дельца дается в таком виде:

«Но был один — он общества чуждался;
 Построивши дорогу в восемь верст,
 На собственном величьи помешался
 Остзейский туз — барон фон-Клоппенгорст.
 Он вынуждал к невольному решпекту —
 Торжественность в осанке и в лице;
 Пусти нагим по Невскому проспекту —
 Покажется он в тоге и венце.
 Он не сгибал своей баронской выи
 Ни перед кем; на лбу его крутом
 Начертано: «Трудился для России
 И памятник воздвиг себе притом!»

Но самой незабываемой фигурой из выведенных Некрасовым немцев на службе у русских угнетателей является образ управителя немца Фогеля в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Эта глава поэмы Некрасова как бы иллюстрирует те страницы публицистики Герцена, где великий изгнанник писал о роли больших и малых немцев-управителей в нашей стране. Устами Савелия, «богатыря святорусского», Некрасов говорит о том, что самая система эксплуатации при таком немце-управителе принимала более жестокие, так сказать методические, формы:

«А драл... как сам Шалашников!
 Да тот был прост: накинется
 Со всей воинской силою,
 Подумаешь: убьет!
 А деньги сунь, отвалится,
 Ни дать, ни взять раздувшийся
 В собачьем ухе клещ.
 У немца — хватка мертвая:
 Пока не пустит по-миру
 Не отойдя, сосет!»

Припомним, что в поэме наступает предел крестьянскому долготерпению: Савелий, «сермяжный богатырь», становится руководителем крестьянского гнева, когда жестокого управителя мужики закапывают живым, после того как немец Фогель «бухнулся» в яму.

В поэме «Несчастные» Некрасов влагает в уста политического каторжанина слова, проникнутые пламенной любовью к родине и верой в ее будущее величие. А в стихотворении «Горе старого Наума» есть такие замечательные строки:

«Иных времен, иных картин
 Провижу я начало:

Освобожденный от оков
 Народ неутомимый
 Созреет, густо заселит
 Прибрежные пустыни;
 Наука воды углубит:
 По гладкой их равнине
 Суда-гиганты побегут
 Несчетною толпою,
 И будет вечен бодрый труд
 Над вечною рекою...»

Вера в будущее русского народа никогда не покидала великого поэта. Он знал, что наш народ «вынесет все — и широкую, ясную грудью дорогу проложит себе», — и в этом основная черта некрасовского патриотизма.

Великий обличитель дворянства, буржуазии и царской бюрократии Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин в своем толковании идеи патриотизма является продолжателем Чернышевского и Добролюбова. Так же как и Добролюбов, Салтыков-Щедрин разоблачает лживый патриотизм, которым прикрываются паразиты всяких разновидностей, и устанавливает свое глубокое понимание истинного патриотизма. Наиболее полно автор развил свои положения в последней главе цикла «Признаки времени». Эта глава целиком посвящена теме патриотизма.

Поводом для написания последней главы этого цикла явилось событие 1870 г. — развязка франко-прусской войны. Говоря о лживом патриотизме, Салтыков не без основания замечает, что иногда и «заведомый казнокрад может объясняться в любви к отечеству». Подлинный патриотизм, в понимании Салтыкова, в общем совпадает с пониманием идеологов революционной демократии 60-х годов. «Идея, согревающая патриотизм, — это идея общего блага, — говорит писатель. — Какими бы тесными пределами мы ни ограничивали действие этой идеи (хотя бы даже пространством княжества Монако), все-таки это единственное звено, которое приобщает нас к известной среде и заставляет нас радоваться такими радостями и страдать такими страданиями, которые во многих случаях могут затрогивать нас лишь самым отдаленным образом. Воспитательное значение патриотизма громадно: это школа, в которой человек развивается к восприятию идеи о человечестве»¹.

Исходя из этого утверждения, Салтыков-Щедрин в одном из своих последних произведений цикла «Пошехонская старина» (гл. XXVI. «Помещичья среда») напоминает события 1812 г. и говорит: «То была година великого испытания, и только усилие всего русского народа могло принести и принести спасение». Но далее писатель предупреждает о том, что истинный патриотизм предполагает героические подвиги не только на поле битвы. «По моему мнению, — говорит писатель, — и в торжественные години, и в будни, идея отечества одинаково должна быть присуща сынам его, ибо только при ясном ее сознании человек приобретает право называть себя гражданином».

Нельзя не обратить внимания на те места цикла «За рубежом», где великий сатирик разоблачает пошлейшее самодовольство берлинской военщины после франко-прусской войны 1870 года. «Наш русский офицер никогда не производил на меня такого удручающего впечатления. Прежде всего, он в объеме тоньше, и грудей у него нет таких; — иронизирует писатель, — во-вторых, он положительно никому не тычет в глаза: я герой! Русский человек способен быть действительным героем, но это не выпячивает ему груди и не заставляет таращить глаза. Он смотрит на геройство без панибратства и очевидно понимает, что это совсем не такая заурядная вещь, которую можно всегда носить с собою, в числе прочей амуниции. Напротив, пруссак убежден, что раз он произведен, с соизволения начальства, в герои, раз ему воздвигнут на Королевской площади памятник, то он обязывается с честью носить это звание не только на улицах, но и в садах Орфеума. Разумеется, простых людей это стесняет»², — насмешливо заключает писатель.

В известном диалоге «мальчика в штанах» и «мальчика без шта-

¹ Салтыков-Щедрин М. Соч. Т. VII, стр. 171. Спб. 1906.

² Щедрин Н. (М. Е. Салтыков). Соч. Т. XIV, стр. 105. Л. 1936.

нов» (в том же цикле «За рубежом») Салтыков-Щедрин вовсе не стремится к полной реабилитации «мальчика в штанах». Он знает цену некоторым европейским цивилизаторам, пытавшимся поработить русский народ. Особенно едкие строки он посвящает характеристике немцев. «Мальчик без штанов» потому и говорит: «Кто самый бессердечный притеснитель русского рабочего человека? — немец! кто самый безжалостный педагог? — немец! кто самый тупой администратор? — немец! кто вдохновляет произвол, кто служит для него самым неумолимым и всегда готовым орудием? — немец! И заметь, что, сравнительно, ваша наука все-таки второго сорта, ваше искусство — тоже, а ваши учреждения — и подавно. Только зависть и жадность у вас первого сорта, и так как вы эту жадность произвольно смешали с правом, то и думаете, что вам предстоит слопать мир. Вот почему вас везде ненавидят, не только у нас, но именно везде. Вы подъезжаете с наукой, а всякому думается, что вы затем пришли, чтоб науку прекратить; вы указываете на ваши свободные учреждения, а всякий убежден, что при одном вашем появлении должна умереть всякая мысль о свободе. Все вас боятся, никто от вас ничего не ждет, кроме подвоха. Вон вы, скажут, Берлин на славу отстроили, а никому на него глядеть не хочется. Даже свои «объединенные» немцы — и тех тошнит от вас, объединителей»¹.

Тут необходимо сделать только одну оговорку: наука и искусство германского народа в прошлом дали человечеству Бетховена, Шиллера, Гете, Маркса и Энгельса. Салтыков-Щедрин, конечно, понимает, что эти носители идей общечеловеческих не имеют ничего общего с «наукой» и «искусством» немецкого юнкерства и немецких капиталистов.

И когда в настоящее время фашисты, поработившие народы Европы, почувствовав, что у них почва колеблется под ногами, вызывают к патриотизму немецкого народа, то им можно ответить словами нашего великого сатирика: «Нельзя быть паразитом и патриотом ни в одно и то же время, ни по очереди, то-есть сегодня патриотом, а завтра проходимцем» («Признаки времени». Глава XI).

Выступивший в эпоху развернутого, общенародного движения. А. М. Горький сразу занял в русской литературе позицию жизнеутверждающего характера. Горький понимал, что Россия — страна уездная, и, чтобы не задохнуться в тупих сетях окуривщины, «потребно непрерывное напряжение всей силы духа, необходима устойчивая вера в человеческий разум. Но ее дает только причащение к великой жизни мира, и нужно, чтобы, как звезды в небе, человеку всегда были ясно видимы огни всех надежд и желаний, неугасимо пылающие на земле».

Великое учение научного социализма — социализма Маркса, Ленина и Сталина — было для Горького точкой опоры в его жизнеутверждающем патриотизме. Горький предчувствовал неизбежность для нашей родины борьбы с мировым фашизмом. В одной из своих статей он писал: «Надобно серьезно подумать о необходимости создания «оборонной» литературы, ибо фашизм усердно точит зубы и когти против нас, и пополовное истребление абиссинцев фашистами Италии немецкие фашисты, конечно, оценивают как «пробу пера», которое они, как известно, предполагают употребить именно для истребления пролетариев и колхозников Союза Советов».

В двух замечательных произведениях Горького: в повестях «Городок Окуров» и «Матвей Кожемякин» — проходит один одаренный человек из народа — Яков Тиунов. И вот этот Тиунов, один из любимых

¹ Щедрин Н. (М. Е. Салтыков). Соч. Т. XIV, стр. 93—94.

Горьким персонажей, обращается к своим собеседникам о такими словами: «Не желательно разве мне знать, почему православное коренное мещанство — позади поставлено, а в первом ряду — Фогеля, да Штрехеля, да разные бароны?»¹ И далее, в беседе с Вавилой Бурмистровым Тиунов продолжает: «А я тебе скажу открыто: возникает Россия! Появился народ всех сословий, и все размышляют: почему инородные получили над нами столь сильную власть? Это значит — просыпается в народе любовь ко своей стране, к русской милой земле его!»².

В этих примитивных по своей форме, но важных по существу рассуждениях Якова Тиунова есть несомненное зерно истины.

В 1924 г. М. Горький опубликовал очерк «Монархист», где рассказал о своем знакомстве с нижегородским монархистом Бреевым, который в своем письме к Горькому в 1910 г. воспевал доброту Николая II и предлагал Горькому покаяться в политических грехах. М. Горький ответил Брееву в 1911 г. пространным письмом, в котором особенный интерес представляют такие строки: «Почему у вас, г.г. «патриоты», излюбленные ваши герои — Гершельманы, Штакельберги, Ренненкампы и другие, им же несть числа, так плохо дрались с японцами и так хорошо, так жестоко и усердно били русский народ?» И дальше Горький, как бы чувствуя смущение своего собеседника, вопрошает: «Видите, как «национально» и «патриотически» ставлю я вопросы?» И затем продолжает: «Почему остзейские немцы, бароны, в большинстве своем играют в русской истории определенную роль слуг по найму, обязанность которых держать русского человека за горло?.. Вы кричите: Россия для русских! Долой инородцев! Если вы хотите и можете осуществить этот гордый лозунг, — начинайте!». И далее Горький говорит: «Позвольте указать вам семью инородцев, наиболее вредную для России, — семью, которая на протяжении сотни лет слишком безжалостно истощает нашу страну и трижды за сто лет доводила ее почти до национальных катастроф. Я говорю о потомках голштинского принца (Карла Ульриха, который царствовал в России под именем Петра III, и жены его пербстской принцессы Софии Августовны, тоже царствовавшей — под именем Екатерины II. Петр III, «русский царь», — не стесняясь своих подданных и очень плохо говоря на русском языке, называл себя «верным слугою прусского короля» и становился на колени перед его статуей. Он начал царствование с того, что почтительно возвратил немцам город Берлин и все немецкие земли, завоеванные солдатами при Елизавете. Екатерина, убив его и царя Ивана, раздарила русский народ в рабство помещикам, при ней русские мужики бежали тысячами за границу, а она притлащала немцев, сажая их на лучшие земли южных степей и Поволжья»³.

Из данного обзора высказываний классиков русской литературы мы видим, что они были великими патриотами, пламенно любившими свою родину и горячо ненавидевшими угнетателей русского народа. Вместе с тем они были решительными противниками национальной обособленности, полными уважения к правам других народов.

В наше время Великой отечественной войны идея патриотизма приобретает еще более прочный и углубленный характер. Народы Советской страны, совершившие двадцать четыре года назад под руководством партии Ленина—Сталина социалистический переворот, не только

¹ Горький М. Соч. Т. XI, стр. 28. Л. 1933.

² Там же, стр. 33.

³ Горький М. «Материалы к исследованиям». Т. I, стр. 57—58. Л. 1934.

сохранили все великое культурное наследие прошлого, но и обогатили его новыми достижениями в области науки, техники и искусства. И вместе с этим чуждый расовой ненависти русский народ проникнут уважением к мировой культуре.

Народы, населяющие нашу страну, в общем братском порыве создали мощную промышленность и плановое хозяйство, показав этим способность к великому социалистическому созиданию. И теперь наш народ героически защищает свое государственное достоинство, созданное в упорной борьбе со своими угнетателями. Партия Ленина—Сталина, как партия последовательной революционной демократии, почти два с половиной десятилетия воспитывала в народных массах пламенный патриотизм и любовь к своей социалистической родине. В полной мере оправдались пророческие слова Белинского, которые мы приводили выше: в дни героической борьбы Красной Армии с фашистами наш народ, охваченный общим патриотическим порывом, принимает «благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества».

ФАШИСТСКАЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ДРЕВНЕВОСТОЧНОЙ ИСТОРИИ

В. Авдиев

Фашистские историки всячески стараются обосновать и оправдать военно-грабительскую политику гитлеровской Германии. Перетряхивая историческое прошлое человечества, они старательно выискивают в философских теориях и в исторических событиях все самое реакционное, самое мрачное, грязное и низкое, что могло бы хоть как-нибудь прикрыть фиговым листком исторических приличий их человеконенавистническое мировоззрение, их профессиональную деятельность убийц и бандитов, стремящихся на развалинах культуры установить свое мировое господство под флагом крови, смерти и разрушения.

Основной целью и смыслом существования фашистского государства является военная агрессия, организованный во всемирном масштабе грабеж соседних стран и угнетение народов, «человеческого скота», пушечного мяса, людей, которые должны своей кровью напитать тучные поля завоеванных стран. Для того чтобы подготовить массы германского народа к войне, германский фашизм развернул циничную пропаганду, имевшую своей целью разжечь в германском народе, главным образом среди молодежи, инстинкты крови, смертоносного разрушения и военного угара. Для этого надо было одурманить народ, убив в нем все человеческое, превратив его в слепую машину, в автомат, в животное, в первобытного варвара. Недаром «теоретики» современного фашизма провозглашают свой безумный лозунг «назад к первобытному варварству!»; недаром фашистские «историки» вдохновляются самыми мрачными страницами мировой истории, воскрешая в памяти культурных людей современности все ужасы прошлого, мрачные образы средневековья, жуткие пытки инквизиции, костры и кровавые казни, варфоломеевскую ночь, зверства диких завоевателей — все то, что ушло в вечность и что пытаются воскресить озверевшие бандиты гитлеровской Германии.

Фашистские историки ищут в истории древнего Востока «идеальный» тип государственного строя и социальных отношений. Само собой разумеется, что эти потуги модернизировать прошлое и воскресить абсолютно чуждый современному человечеству тип рабовладельческой деспотии не выдерживают никакой научной критики. Только грубые невежды и бешеные фанатики могут думать, что можно повернуть вспять колесо истории.

Если «теоретики» фашизма громко провозглашают лозунг «назад к первобытному варварству!», то фашистские историки стараются изо всех сил прикрасить это далекое и чуждое нам варварство, идеализируя рабовладельческую деспотию древнего Востока. Так например немецкий историк Тегер, проводящий в своих брошюрах и книгах ярко выраженную фашистскую идеологию, резко подчеркивает положительные стороны древневосточного деспотизма. Искажая исторические факты, не

останавливаясь перед явной фальсификацией, он изображает кровавые и жестокие захватнические войны древнейших шумерийских царей (около 2800 г. до н. э.) в качестве справедливых войн. Так, говоря о военной политике шумерийского царя Лугаль-Заггиси, он указывает на то, что «истинный мир... мог возникнуть лишь благодаря могучей деятельности могущественных правителей..., которые сумели защитить страну от всех иноземных вторжений»¹.

На самом деле документы указывают на то, что шумерийские цари в процессе последовательной военно-агрессивной политики, заливая страну кровью, объединили под своей властью всю южную Месопотамию.

И чем резче выступает из далекого прошлого жестокая и варварская деспотия древнего Востока, тем больший восторг вызывает она у фашистского историка. Так, например, государственный строй, установленный в древнем Вавилоне за 2000 лет до н. э. царем Хаммурапи, Тегер изображает в качестве благодетельного для народа типа государственного строя. Вмешательство неограниченной власти деспота во все стороны жизни подвластных народов, иными словами, политику самодержавного угнетения, Тегер считает лучшим способом управления. Тегер возвеличивает образ «великого» деспота древности, вавилонского царя Хаммурапи, указывает на то, что переписка царя с чиновниками является «документом неустанной деятельности правителя, которая черпает свое глубочайшее содержание из благородства великой личности»².

Особенно высокую оценку дает Тегер тому своду законов, который был составлен при Хаммурапи. Забывая о том, что от примитивных законов Хаммурапи еще очень далеко до «системы права», Тегер пишет, что заслугой вавилонского царя было то, что он «все последующее развитие права свел в своей кодификации в единую замкнутую систему»³. Наконец, захлебываясь от восторга, Тегер изображает Хаммурапи в виде идеального, справедливого монарха: «Это не простая формула, когда правитель называет себя царем справедливости и отцом своих подданных»⁴.

Всячески стараясь приукрасить жестокий произвол рабовладельческой деспотии древнего Вавилона, Тегер тщательно затушевывает отвратительные формы древнего рабовладения, столь ярко подчеркнутые в законах Хаммурапи. Ведь нельзя забывать того факта, что законы Хаммурапи и вся машина деспотического государства того времени преследовали одну главную цель — защиту интересов рабовладельцев и максимального подавления и угнетения рабов. Закон и власти карали беглых рабов и их укрывателей. Рабовладелец, у которого бежал раб, мог всегда обратиться к государственной власти с просьбой вернуть ему беглого раба. Подчеркивая положительные стороны деятельности Хаммурапи и изданного им свода законов, фашистский историк тем самым обнаруживает свой истинный облик современного рабовладельца.

Древневосточное рабовладение теснейшим образом связано с деспотическим государственным строем, отличительной чертой которого является обожествление царской власти. Древневавилонские надписи и памятники эпохи Хаммурапи с полной ясностью указывают на то, что в те времена религия использовалась для укрепления власти деспота и оправдания жестоких форм рабовладения.

Подчеркивая якобы благодетельные стороны этого режима массового угнетения, современный фашистский историк пытается подвести историческую основу под режим современного гитлеровского рабства.

¹ Taeger F. «Das Altertum». Bd. I, S. 57. 1939.

² Ibidem, S. 76.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem, S. 78.

дения и оправдать то нацистское обожествление фюрера, которым германские фашисты пытаются одурманить массы, принуждая их к беспрекословному повиновению и заглушая в них их личность, свободу и независимость.

Деспотическое государство, основанное на рабовладении, получило особенно четкую форму в древнем Египте, история которого довольно хорошо известна начиная с 5-го тысячелетия до н. э. Поэтому наиболее реакционные фашистские и близкие к ним историки с особенным усердием стараются приукрасить неограниченную монархию древнего Египта, которая им кажется столь близкой к авторитарной власти «третьей империи». Так, современный историк-экономист Дикманс дал такую оценку египетской деспотии: «Каким образом можно, например, хорошо понять переход от индивидуалистической экономики к клеточному режиму доэниальной экономики, если не учесть значения мистики царской власти, культа фараонов, связанного с распределением земельных богатств?.. Разве можно игнорировать влияние богословской продукции, концепций солнечного и озирийского культа на безупречный порядок имперской централизации, на административный механизм, на законы, которые управляют экономической жизнью?»¹.

Закрывая глаза на очевидные формы классового антагонизма и на значение государства как аппарата насилия, Дикманс резко идеализирует древнеегипетскую деспотию: «Впрочем, не следует обманываться насчет значения фараоновского абсолютизма, который столь охотно изображают в качестве все подавляющего деспотизма. В качестве бога царь всемогущ, но боги справедливы. Положение людей и имуществ устанавливается одинаковым для всех законом»².

Стремление оправдать древнеегипетскую деспотию, показать ее положительное значение ясно видно также из следующих слов Дикманса: «Право — это то, что любит царь, говорится в текстах пирамид. Противоположное праву — это то, что он ненавидит. На практике существовали законные основы и пользовавшиеся уважением обычаи: закон страны находился под покровительством Маат, богини справедливости и истины. При этих условиях следует отвергнуть всякую мысль о произволе, даже царском, в судебной организации Древнего Царства»³.

Вывод из всех этих положений Дикманс формулирует в краткой, но выразительной форме: «Имперское единство было благодеянием»⁴. Очевидно, в данном случае Дикмансу рисуется утопический мираж надклассовой монархии, который он старательно выискивает в древнеегипетской истории и который на самом деле никогда не существовал.

Столь же старательно подчеркивает все положительные стороны древнеегипетской деспотии фашистский историк Тегер. В своей большой книге, посвященной общему очерку древней истории, он воскрешает антинаучную и давно уже сданную в архив теорию о том, что древнейшее государство возникло в силу необходимости организовать единое хозяйство страны и единую оросительную сеть. По его словам, «Египет был одной из самых благословенных стран земли. Но это благословение приносило пользу жителям лишь в том случае, если сильная рука заботилась о том, чтобы объединить возможности и средства более крупного союза с целью ведения вечной борьбы против воды и пустыни»⁵.

Стараясь во что бы то ни стало исторически оправдать значение сильной монархической власти, Тегер грубо искажает факты. История

¹ Dykman G. «Histoire économique et sociale de l'ancienne Égypte». Vol. II. p. 288. Paris. 1936—1937.

² Ibidem. Vol. III, p. 51.

³ Ibidem, p. 95.

⁴ Ibidem. Vol. II, p. 289.

⁵ Taeger F. Op. cit. Bd. I, S. 27.

первобытных и древнейших народов с полной ясностью указывает на то, что искусственное орошение существовало у ряда первобытных народов, еще стоявших на уровне родового строя, как например у африканских папуасов горы Хагена¹. Искусственное орошение существовало и в долине Нила еще в догосударственную эпоху, как на это указывают неолитические поселения, недавно обнаруженные в разных местах Египта.

Само собой разумеется, что Тегер сознательно затушевывает тот очевидный факт, что государство в его древнейшей форме восточной деспотии возникает в результате непримиримых классовых противоречий с целью угнетения рабов и бедняков и что искусственное орошение тогда становится лишь одной из функций этого государства.

Проводя в своей объемистой книге ярко выраженные фашистские идеи, Тегер рисует прикрашенную и слащавую картину мощной деспотии, во главе которой стоит благодетельный и могущественный царь. По мнению Тегера, египетские фараоны обеспечивали населению «мир и благосостояние, охраняли слабых от угнетения» и защищали страну от соседних народов, что давало им «право ставить себе на службу все силы страны»².

Таким образом, эта абсолютно ненаучная и ни на чем не основанная идеализация древнеегипетской деспотии имеет своей целью доказать лишь то, что сильная монархическая власть имеет историческое право неограниченно эксплуатировать трудовые массы населения. Доказывая эту мысль, Тегер рисует картину никогда не существовавшей идиллической надклассовой деспотии. Тегер, упорно проводящий мысль о «благодетельном» для народа значении египетской деспотии, принужден в то же время признать, что при могущественных и жестоких фараонах четвертой династии Египет достиг высшего расцвета и «высшей зрелости, превратившись в господствующую великую державу», но что при Микерине уже начинается эпоха упадка, что объясняется «ослаблением безудержной воли к могуществу со стороны короны», а также деятельностью Микерина, который «в противоположность его предшественникам правил справедливо и мягко»³. Таким образом, по мнению Тегера, только посредством жестокого террора могло существовать то деспотическое государство, которое Тегер пытается изобразить в качестве «справедливого и благодетельного для всего народа».

Характерно для Тегера и то, что он стыдливо и скромно обходит наиболее существенный вопрос, связанный с наличием классовой эксплуатации, классовой борьбы и рабовладения на древнем Востоке. На самом деле, сохранившиеся от этого времени надписи и изображения рисуют нам совершенно иную картину. Особенно интересны в этом отношении гробницы вельмож, внутренние стены которых покрыты многочисленными рисунками и текстами, показывающими, что в это время складывается крупное рабовладельческое хозяйство. Знатные и тщеславные богачи увековечили на стенах своих гробниц свои богатства, свои поместья и подвластных им людей. Надписи сохранили даже некоторые статистические данные, позволяющие нам судить о размерах этих поместий. В других гробницах, принадлежавших крупным аристократам этой эпохи, мы находим сцены охоты, птицеводства, рыболовства, кораблестроения, а также изображения больших ремесленных мастерских, принадлежащих этим богачам. Перед нами типичная картина крупного рабовладельческого поместья, в котором производится все то, что нужно людям, живущим в этом поместье, и в котором большинство этих продуктов производится на месте.

¹ Считаю своим долгом выразить благодарность проф. В. К. Никольскому за предоставление мне по этому вопросу материала.

² Taeger F. Op. cit. Bd. I, S. 35.

³ Ibidem.

Надписи этого времени указывают на существование древнейших форм патриархального рабства. Язык уже знал специальные термины, служившие для обозначения понятия «раб». Рабов обычно называли «джет» (тело) или «секеранх» (живой мертвец, живой пленник), что указывает на то, что военнопленных в те времена обычно превращали в рабов, используя их в хозяйстве как рабочую силу или как «рабочее тело». На рабов смотрели не как на полноправных людей, а как на вещь, как на полную собственность своего господина, сравнивая рабов со скотом, перечисляя рабов наряду со скотом и, как скот, считая их, по головам. Рабы и бедняки должны были работать на всех участках оросительной сети, которая обеспечивала плодородие почвы и находилась под контролем централизованного аппарата государственной власти.

При помощи тяжелого труда бедняков и рабов воздвигались громадные сооружения общегосударственного значения, каналы и дамбы, а также грандиозные храмы и царские гробницы, которые должны были свидетельствовать о незыблемости классового строя и силе царской власти, освященной религией и жречеством. Именно в эту эпоху сформировалась древнеегипетская деспотия, доведенная до крайности: неограниченная власть царя укрепляется и обосновывается религиозным учением о божественности царя и царской власти. Убеждая народ в том, что царь есть бог, жрецы старались внушить людям мысль о том, что восстание против царя есть тем самым восстание против всей древней религии.

Таким образом, деспотия в союзе с религией служила для укрепления классового строя, основанного на эксплуатации трудовых масс рабов и бедняков богачами-рабовладельцами. Таково, по определению Ленина, «государство рабовладельческое,— аппарат, который давал в руки рабовладельцев власть, возможность управлять всеми рабами»¹.

Попытка Дикманса и Тегера идеализировать древнеегипетскую деспотию не выдерживает никакой научной критики.

Разве можно говорить о справедливости и гуманности в рабовладельческом обществе, где полностью господствовало кровавое право захватчика, завоевателя и рабовладельца! Разве можно говорить о том, что в ту эпоху закон был равным для всех, когда общество строилось на принципе господства и угнетения! Идеализируя рабовладельческую деспотию древнего Египта, фашистские «историки» фальсифицируют подлинную историческую действительность и грубо искажают исторические факты с целью елико возможно прикрасить древнейшую форму угнетения народа, которую всеми силами пытаются ныне возродить обезумевшие политики фашизма.

Идеализация древневосточной деспотии, маскировка рабовладельческих отношений у некоторых фашистских историков доходят до того, что они объявляют древние рабовладельческие деспотии «государственным социализмом».

В этом отношении очень типична книга С. Дерэна, который изображает древнеегипетскую рабовладельческую деспотию 2-го тысячелетия до н. э. в качестве «государственного социализма», т. е. того идеального, с точки зрения автора, государственного строя и общественного порядка, который, по его мнению, следовало бы возродить в наши дни. Стремясь исторически оправдать дикую попытку германских фашистов, а также воскресить древнее рабство и неограниченную деспотию «фюрера», Дерэн пытается перебросить шаткий мостик от древнеегипетской деспотии к «государственному социализму» современности, всячески подчеркивая положительные стороны древнеегипетского общественного строя. Описывая Египет 2-го тысячелетия до н. э., Дерэн заявляет: «Мы

¹ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 369.

видим здесь настоящий государственный социализм, когда справедливость, как мы это уже видели, впервые появляется в истории»¹.

Давая искаженную картину экономической и социальной жизни древнего Египта как «богатой и хорошо уравновешенной страны», Дерэн высказывает предположение, что здесь «впервые в истории идея справедливости была поставлена в качестве цели и впервые был формулирован нравственный закон «благотворительности»².

Исходным пунктом автора является утверждение, что религия была основой социальной и политической жизни древнего Египта и что постепенная демократизация религии свидетельствует о демократизации политического и общественного строя, которая выразилась в «демократизации царской администрации, а также в том, что все получили доступ к политическим правам, официальным должностям и обязанностям»³.

После продолжительного революционного периода, говорит Дерэн, египетский плебс получил право участвовать в мистериях, «добился уверенности в своем воскресении после смерти», привилегии феодальных сеньеров были сокращены и, наконец, установился «государственный социализм», при котором фараон являлся беспристрастным судьей всех египтян, центром всей общественной, хозяйственной, религиозной и нравственной жизни»⁴.

Вполне естественно, что грубо искажая исторические факты и историческую перспективу, Дерэн всюду старается подчеркнуть положительные стороны общественного и государственного строя древнего Египта. Так, отмечая религиозный авторитет обожествленного царя, Дерэн указывает на право каждого египтянина апеллировать к суду фараона. Он говорит о том, что особые местные собрания, состоящие из нотаблей («сару»), препятствовали вельможам угнетать маленьких людей, которые помимо того имели право «непосредственной апелляции к царю»⁵, что «женщина имела как будто бы такие же права, как и мужчина, и могла быть также признана государственной властью в качестве главы семьи»⁶; что в Египте в эпоху восемнадцатой династии мы не находим ни одного человека, который путем покупки, наследования или благодаря войне становился абсолютной собственностью, предметом своего господина, что дает нам возможность сделать тот вывод, что рабства не существовало»⁷.

Далее, реформу введения солнечного единобожия, проведенную фараоном Эхнатоном в XIV в. до н. э., Дерэн изображает как «первый опыт «интернационализма», который видел мир», ибо «культ бога Атона стремился к объединению всех людей, без различия расы, цвета и языка»⁸. Наконец, в своем заключении автор утверждает, что «никто не будет сомневаться в том, что... в долине Нила под властью абсолютного монарха господствовал нравственный и гуманитарный государственный социализм»⁹.

Вся эта схема, дикая, нелепая и фантастическая, не выдерживает никакой серьезной научной критики. Фальсифицируя факты и искажая свидетельства источников, автор создает легенду о мнимом «земном рае», существовавшем в рабовладельческой деспотии древнего Египта.

¹ Dairaines S. «Un socialisme d'état quinze siècles avant J. Chr. L'Égypte économique sous la XVIII-e dynastie pharaonique», p. 124. Paris. 1934.

² Ibidem, p. 14.

³ Ibidem, p. 31.

⁴ Ibidem, p. 32.

⁵ Ibidem, p. 47.

⁶ Ibidem, p. 49.

⁷ Ibidem, p. 72.

⁸ Ibidem, p. 121.

⁹ Ibidem, p. 125.

Так, например, расширительно толкуя источники, Дерэн голословно говорит о праве рядовых египтян апеллировать к суду фараона. Но ведь сохранившиеся надписи говорят лишь о существовании особых царских чиновников, ведавших разбором дел, поступавших на личное рассмотрение царя, а не о «праве» апеллировать к суду царя. А в известной «Сказке о красноречивом крестьянине» мы, конечно, видим не практическое применение права апелляции к царю, а лишь ядовитую сатиру на чиновников, которые развлекают царя красноречивыми жалобами несправедливо обиженного поселянина.

Прямым издевательством звучат слова Дерэна о равноправии женщин в древнем Египте. Само собой разумеется, что в условиях многоженства, развитого наложничества и рабовладения женщина находилась в полном подчинении у отца и мужа, считавшегося главой семьи и повластным собственником всего имущества. В древнем Египте, как и вообще на древнем Востоке, на женщину смотрели как на орудие деторождения или, в лучшем случае, как на хозяйку дома, на которую ложились тяжелые домашние работы и тяготы.

Изображая древний рабовладельческий быт в идиллических патриархальных тонах, современные реакционные историки тем самым обнаруживают лишь собственное рабовладельческое мировоззрение. Неправильно, далее, утверждение Дерэна, что местные собрания, вернее общинные советы, защищали интересы бедняков. В эпоху 18-й династии они уже отчасти превратились в органы государственной власти на местах, в которых вся реальная власть находилась в руках чиновников и аристократов.

Само собой разумеется, что в условиях острой классовой борьбы эти аристократические органы власти стояли всецело на страже своих собственных классовых интересов. Совсем комично звучит утверждение Дерэна, что введение солнечного единобожия было «первым опытом интернационализма». Эта реформа, проведенная Эхнатом, имела своей целью лишь идеологически укрепить авторитет египетского фараона, который стал себя называть сыном единого верховного бога. С другой стороны, эта реформа должна была усилить культурное влияние Египта в соседних завоеванных Египтом областях посредством введения единой государственной религии для всего большого египетского государства.

Но самым удивительным в книге Дерэна является отрицание в древнем Египте рабства и рабовладельческой эксплуатации. Стремясь, наперекор фактам, доказать существование «государственного социализма» и гармонического сотрудничества всех слоев населения в якобы корпоративном древнем Египте, Дерэн тем самым всячески замазывает все классовые противоречия и все элементы классовой борьбы, несомненно существовавшие в древнейшем классовом обществе. Поэтому Дерэн нигде не упоминает о рабах, о захвате пленных, об обращении пленников в рабство, о множестве сохранившихся изображений пленников и рабов и о соответствующих египетских надписях. Поэтому Дерэн нигде не говорит о резком классовом расслоении, о громадных богатствах храмов и аристократов, об изображениях, сохранившихся на стенах роскошных гробниц, рисующих утонченный быт этих богачей, и о жестоких формах эксплуатации трудящихся, которые приводили к восстаниям обездоленных масс, когда громко раздавались жалобы бедняков и рабов на то, что «мы голодаем 18 дней». И эта острая социальная борьба приводила к укреплению аппарата государственной власти — машины рабовладельческого принуждения. Один из высших чиновников эпохи Нового царства писал: «Я внушал ужас толпе... Я заставлял сгибаться заключенного. Я принуждал бунтовщика сознавать свои собственные ошибки». Недаром один из фараонов в таких словах поучал классовой «мудрости» своего сына: «Будь черствым по отношению ко всем подчиненным. Люди остерегаются тех, кто их держит в страхе. Не при-

ближайся к ним один. Не заполняй своего сердца братьями, не знай друзей...»

Таков был тот общественный строй, который Дерэн, всячески затушевывая его темные стороны, нашел возможным назвать «государственным социализмом». Только идя по пути неприкрытой идеализации далекого прошлого, только грубо и сознательно искажая исторические факты, только ища в прошлом оправдания для настоящего, только признавая вслед за реакционным германским историком Э. Майером, что «рабство последующего периода стоит на равной линии со свободным трудом нового времени»¹, можно в рабовладельческом обществе древнего Востока увидеть элементы «государственного социализма».

Впрочем, для тех, кто верит, что в век свободы можно искусственно возродить жестокое и кровавое рабство далекого прошлого, для тех, кто хочет повернуть вспять колесо истории, для таких идеологов фашизма, как О. Шпенглер, — на какой-то черте должна стираться грань между древним рабовладением и древней деспотией и неслыханным порабощением народов в современной гитлеровской Германии, в той «третьей империи», где фанатики фашизма на обломках культуры воздвигают мрачную тюрьму и возрождают первобытное варварство, прикрывая свой бешеный террор фальшивыми и лицемерными этикетками «национал-социализма». Этой насквозь жульнической маскировке и должна служить идеализация древневосточной рабовладельческой деспотии, столь ретиво проводимая фашиствующими историками.

Идеализируя древневосточную рабовладельческую деспотию, сближая ее с современным государственным социализмом и с современным фашистским «авторитарным» государством, фашистские историки из всех сил стараются доказать, «рассудку вопреки, наперекор стихиям», нелепую и дикую мысль о том, что современное человечество должно вернуться к временам первобытного варварства. С этим связана также и пресловутая «расовая теория» фашизма, согласно которой при помощи чисто животноводческого отбора «полноценных и расово чистых арийцев» следует искусственно возродить древнюю и чистую «германо-нордическую расу».

Современные фашистские историки пытаются доказать по существу абсурдную «теорию» наличия «чистых рас» уже в глубокой древности. Само собой разумеется, что эта теория не выдерживает никакой научной критики. Так, мы знаем, что уже в 3-м тысячелетии до н. э. племена Месопотамии, создавшие крупную вавилонскую деспотию, образовались на базе смешения резко отличающихся друг от друга племен шумерийцев, аморитских и аккадских семитов и горных эламитов. Хеттское государство, также возникшее в начале 2-го тысячелетия до н. э., было образовано не «расово чистыми арийцами», как это говорят фашистские историки, а группой смешанных между собой племен, говоривших на различных языках, среди которых древние прото-хетты резко отличаются от соседних палайцев, лувитов и неситов. Впрочем, даже некоторые фашистские историки вынуждены признать, что на территории хеттских государств арийские племена были недостаточно сильны для того, чтобы отстоять чистоту своей «расовой крови», что привело к пестрым племенным скрещиваниям.

Спасая свою ненаучную «арийскую» теорию, уже цитированный нами Тегер указывает на то, что высший слой хеттского населения был «арийско-нордическим» и что смешение этих арийцев с местными прото-хеттскими племенами было причиной гибели хеттского государства².

¹ Цитирую по своей статье «Рабовладение на Древнем Востоке» («История в средней школе» № 2 за 1934 г., стр. 12. М.).

² Taeger F. Op. cit. Bd. I, S. 102.

Однако эти домыслы ничем не обоснованы. Ни один историк не может привести таких фактов, которые неопровержимо доказали бы «нордическое» происхождение даже тех хеттов-нэситов, язык которых наиболее близок к языкам индо-европейской группы. Конечно, говорить о каком-либо родстве между хеттами и германцами могут только фашистские лжеученые, тщетно пытающиеся доказать всемирное и вечное превосходство «германско-нордической расы» над всеми остальными. Хеттские племена в культурно-историческом отношении были наиболее тесно связаны с племенами Эгейского моря, а также с древнейшим туземным населением северной части Передней Азии (хурриты-харрийцы). На это указывают памятники искусства, архитектуры, материальной культуры, в частности интереснейшие гробницы и предметы быта, найденные недавно в Рас-Шамра, в северной Сирии,— там, где хеттские племена особенно тесно соприкасались с эгейцами и хурритами.

Наконец, даже иранско-арийские племена, образовавшие грандиозное военное государство Ахеменидов, не представляли собой в расовом отношении чистой племенной группы. Судя по целому ряду памятников искусства и материальной культуры, мидийские и персидские племена не могли не смешаться на территории Ирана с древним туземным населением, резко отличавшимся от иранско-арийских племен.

Последние исследования в области древнейшей иранской истории ясно показывают, что эламиты, их северные соседи — коссеи, восточные соседи — эллипи, их северные соседи — лулубеи и гутии, а также все племена западной окраины нагорья принадлежали к одной племенной и языковой группе, родственной туземному населению Месопотамии — хурритам, а также субарейцам. Название этого древнейшего туземного населения западного нагорья Ирана — каспийцы — сохранилось в племенном названии каситов-коссеев, а также в названии Каспийского моря. Особенно тесные связи соединяли древних персов с древними эламитами. Недаром персидские цари, в частности Кир Великий, называли себя «царями Аншана», присваивая, таким образом, титул древнеэламских царей.

Аналогичным образом и древнеегипетское государство было образовано не «расово-чистыми» египтянами, а тем египетским племенем, которое возникло в результате скрещенія африканско-хамитских ливийцев, древних нубийцев и азиатских семитов, неоднократно вторгавшихся в долину Нила. Изображая этнические типы египтянина и его соседей — ливийца, нубийца и азиата, египетский художник с большой наблюдательностью и с большим мастерством изобразил те внешние черты, которые резко отличали древних египтян от соседних племен. С другой стороны, внимательный взор антрополога найдет много черт сходства между внешним обликом древних египтян и близких к ним ливийцев и нубийцев.

Все это, наряду с многочисленными фактами политической и культурной истории древнего Египта, ясно указывает на то, что египтяне были особым северовосточным африканским племенем, возникшим на основе скрещенія между ливийцами и нубийцами Африки, которые впитали в себя некоторое количество азиатских элементов. Эти неопровержимые факты, добытые исторической наукой, вынудили наиболее крупных и наиболее осторожных современных немецких историков, подпавших под влияние фашистских теорий, но не потерявших еще полностью научной совести, применять дикую, антинаучную фашистскую «расовую теорию» лишь с целым рядом оговорок.

Так, фашистски настроенные специалисты в области древней истории вынуждены признать, что древнейшие, так называемые арийские племена Азии, в частности хетты и иранцы, уже в древности смешались с соседними неарийскими племенами. Но для того, чтобы сохранить за «нордическими чистыми арийцами» право на «расовую чистоту» и дока-

зять, что только они в качестве чистой расы предназначены к мировому господству, фашистские историки, подтасовывая факты, пытаются доказать, что хеттские и иранские племена, смешавшись со своими соседями, тем самым привели к гибели свои государства, свою военную мощь и свою культуру.

Однако и это утверждение глубоко неправильно. Мы знаем, что могущественное хеттское государство, основанное царями Табарной и Мууршилем в начале 2-го тысячелетия, особенно усилилось именно в ту эпоху, когда хеттско-хититские племена тесно сблизились и, очевидно, даже смешались с туземными племенами Малой Азии. Именно на базе этого скрещения и выросла своеобразная хеттская культура, достигшая своего расцвета в ту эпоху, когда могущественные хеттские цари завоевали значительную часть Сирии, угрожая азиатским владениям Египта.

Само собой разумеется, что расцвет хеттской культуры в значительной степени объясняется тем, что хеттско-хититские племена широко использовали культурное наследство туземных племен Малой Азии, хурритов Сирии и высококультурных государств Месопотамии.

Своеобразный стиль хеттской архитектуры и хеттского изобразительного искусства сложился под сильным влиянием резко выраженного художественного стиля искусства туземных горных народов Малой Азии. В этом отношении типичны изображения крылатого чудовища (грифона) и характерные облики божеств, идущих по вершинам гор или стоящих на спинах диких зверей, как мы это видим на известном хеттском рельефе из Язылы-кая, изображающем свадебную процессию богов. Высокоразвитая металлургическая техника восходит своими корнями к далекому прошлому Малой Азии и тесно связана с древним металлургическим миром Кавказа. Клинопись и религиозная литература, системы счета, меры и веса были заимствованы хеттами у древних и высококультурных народов Двуречья. Так, именно на базе использования богатейшего культурного наследства древних народов Передней Азии возникла хеттская культура, нашедшая свое наиболее полное выражение в создании могущественного государства хеттов, последний расцвет которого относится к XIV—XIII вв. до нашей эры.

Пытаясь противопоставить так называемый «загнивающий» восток «расово-чистому» нордическому миру, фашистские историки всячески стараются провести мысль, что арийско-иранские племена, скрестившись с туземными племенами Передней Азии и подпав под влияние древних культур Месопотамии, утеряли вместе со своей «арийской кровью» и своей «расовой чистотой» свою рыцарскую воинственность, свою государственную мощь, выродились и ослабли, как бы разложившись от прикосновения древнего азиатского мира¹.

Однако и эта попытка фашистского историка фальсифицировать исторические факты не выдерживает никакой серьезной исторической критики. Совершенно ясен факт, что ирано-персидские племена столкнулись на территории Иранского плоскогорья с целым рядом туземных племен, с которыми они отчасти смешались и культуру которых они восприняли. Но глубоко неправильно утверждение фашистских историков, что это привело к упадку самобытной персидской культуры и персидского государства. Только на базе использования богатого культурного наследства древнезламского народа, а также народов древней Месопотамии выросла культура Ахеменидской Персии.

Элам вошел в состав могущественного персидского государства в качестве его основной части. Поэтому естественно, что эламская культура оказала сильное воздействие на более позднюю персидскую культуру. Горы Загра, отделявшие Месопотамию от Ирана, были насе-

¹ Taeger F. «Orient und Occident». S. 13. 1936.

лены многочисленными племенами, в частности лулубеями, которые служили связующим звеном, соединявшим древний культурный круг Двуречья с племенами Ирана. В страну лулубеев уже в 3-м тысячелетии до н. э. проникали элементы шумеро-аккадской культуры, которая впоследствии оказала могучее воздействие на племена Ирана. Иранские племена заимствовали у ассирио-вавилонян клинообразную систему письменности и многие элементы их материальной и духовной культуры, а также государственности. Техника изготовления многокрасочной поливной глазури кирпичей (кафель), при помощи которых создавалась роскошная эмалированная фрагментация зданий, высокоразвитое дорожное строительство и финансовая организация государства были заимствованы персами у вавилонян и ассирийцев. Так, на основе использования богатейшего культурного наследия древних народов Передней Азии не погибла, а, наоборот, ярко расцвела культура персидского народа, создавшего громадное государство Ахеменидов, величайшее государственное образование древневосточного мира.

Таким образом, все попытки фашистских историков доказать наличие «чистых рас» и «расово-чистых» культур на древнем Востоке приводят либо к явным фальсификациям либо к необходимости как-то примирить дикую и нелепую «арийско-нордическую» теорию фашизма с объективными историческими фактами, что само по себе является невозможным.

Типичны в этом отношении высказывания современного немецкого египтолога Биссинга, который, стоя на позициях фашистской расовой теории, все же принужден отрицать существование в историческую эпоху чистых рас, указывая на то, что «мы истории чистых рас вообще не знаем».

Пытаясь оградить себя от возможных обвинений в антифашизме, Биссинг ссылается в подтверждение своих взглядов на Эйкштедта, автора резко выраженной фашистской книги¹.

В этой лженаучной книге автор изрекает по этому вопросу следующие туманные и высокопарные фразы о постепенном упадке «расового значения» в связи с ростом культуры: «С возникновением более высокой культуры падает расовое значение воинственных завоеваний, уничтожения народов и переселений. Вторгшиеся завоеватели становятся правителями, верхним слоем, но расовое господство уже для них на долгое время исчезает. Как из подпочвенных вод, снова медленно просачивается на поверхность древняя расовая сущность... Наконец, историческое влияние древних антроподинамических потоков едва колеблет поверхность соединений культурных народов»².

С другой стороны, отдавая себе ясный отчет в том, что «чистые расы» вообще в природе существовать не могут, ибо их существование опровергается конкретными фактами антропологии и истории, сторонники фашистской расовой теории принуждены вводить в понятие «расы» новый элемент «духовного облика» (*habitus*) или «духовного призыва» (*appel*), который формирует расу. Так, ссылаясь на слова Гитлера, Биссинг утверждает, что в основе расы лежит именно этот «духовный облик», который в историческом смысле образует расу³.

Таким образом, по мнению фашистских историков, применительно к историческим эпохам «чистая раса» есть духовно самобытная, цельная и прочная в культурно-историческом смысле раса. Исходя из этого общего определения, Биссинг считает древних египтян «расово-чистыми», или, выражаясь осторожнее, «расово-устойчивыми»⁴. Доказывая

¹ Eikstedt «Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit».

² Ibidem, S. 338 ff. Цит. по Bissing «Aegyptische Kunstgeschichte». Erläuterungen, S. 2. 1934.

³ Bissing. Op. cit., S. 3.

⁴ Ibidem.

это положение, Биссинг ссылается на прочность, самобытность, устойчивость и замкнутость древнеегипетской культуры.

Но понятия «духовного призыва» или «духовного облика» столь же неясны и растяжимы, столь же ненаучны, как и понятие «расовой чистоты». Это, действительно, резиновые линейки, измеряя которыми рост и карлика и великана, можно при желании доказывать их полную тождественность или, по крайней мере, принадлежность к одной и той же «расе». Ведь каждый историк хорошо знает, что абсолютно самобытных и замкнутых исторических культур никогда не существовало. Легенда о замкнутости китайского народа развеяна научным изучением китайской истории. Аналогичная легенда о том, что древнеегипетский народ в течение тысячелетий жил и создавал свою историческую культуру в полном отрыве от соседних народов, также не выдерживает научной критики. Так, мы знаем, что древнеегипетский язык и древнеегипетская культура, в частности религия, возникли на основе скрещения языка и религии хамитских племен древней Африки с культурой древнесемитских народов Передней Азии.

В древнейшие времена на территории Африки египетские племена акклиматизировали хлебные злаки и приручили различные виды животных, научились обработке металлов, в частности золота, меди и железа, и создали свою грандиозную крупнокаменную архитектуру. С другой стороны, от азиатского племени гиксосов египтяне заимствовали колесницу и лошадь. Особенно тесной становится связь между египетской и азиатской культурой в середине 2-го тысячелетия до н. э., в эпоху так называемого Нового царства, когда Египет выступил на арену широкой международной политики и завоевал значительные области в Палестине и Сирии.

На усиление культурных связей между Египтом и Передней Азией в эту эпоху указывают азиатские слова, проникающие в египетский язык, культы азиатских богов Бэла и Астарты, распространяющиеся в Египте, и, наконец, события политической истории. Однако все это не смущает фашистских борзописцев. Они продолжают настаивать на расово-чистой принадлежности древних народов. Так, Биссинг без всяких научных оснований считает возможным устанавливать «некоторое родство» египетских черепов с северными, т. е. арийско-азиатскими¹, предполагая, что египтяне в глубокой древности выделились из европейской группы арийских племен, чего строго научно доказать нельзя. С другой стороны, Биссинг пытается доказать, что евреи в расовом отношении тесно связаны с негритянскими группами, что в научном отношении является полной нелепостью, так как предки древних евреев в антропологическом, культурно-историческом и языковом отношении теснейшим образом связаны с древнейшими племенами Передней Азии: финикийцами, аккадийцами, ассирийцами и арабами, которые образуют так называемую семитскую группу племен и языков. С научной стороны гораздо легче доказать, что египтяне в некотором отношении родственны африканским хамитам и тем самым неграм, а евреи через хеттов и эгейцев в культурно-историческом отношении соприкасались с древнеевропейскими племенами.

«Теория» арийского происхождения египтян и расовой близости евреев к неграм, несмотря на всю свою антинаучность, проповедуется такими фашистскими историками, как Биссинг, с определенной целью доказать, что высокая культура древних египтян была создана «арийским народом», — ибо по фашистскому учению только арийцы создавали культуру, — а также, елико возможно, принизить культурно-историческое значение еврейского народа, который фашисты сближают с куль-

¹ Bissing. Op. cit., S. 4.

турно отсталыми неграми с целью разжечь антисемитизм среди широких слоев Германии.

Ни один историк никогда не сможет согласиться с фашистским историком Тегером, пытающимся доказать абсурдную мысль, что «нордическая раса» есть «высшая раса», ибо в ней впервые проявилась воля к установлению самостоятельных законов. «Среди всех народов земного шара, — писал Тегер, — только носители нордической крови при помощи собственной силы взорвали путы архаического мышления и чувства жизни, сделав основным законом своего существования свободу в качестве воли к оформлению жизни на основе общественных законов»¹.

Только ослепленный воинственным угаром фашистский историк мог договориться до таких нелепостей. Задолго до появления на арене мировой истории «северных» народов понятие свободы было громко провозглашено передовыми людьми античного мира. «Путы архаического мышления» были разорваны еще в период образования великих древневосточных культур. Законодатели Вавилона, Ассирии, хеттского государства и древней Индии впервые формулировали древнейшие правовые нормы, восходящие к эпохе раннего рабовладения.

Так исчезает в свете трезвой исторической критики фашистский мираж, нелепая сказка о безусловном «превосходстве высшей германской нордической расы», которая, по словам фашистских изуверов, как бы самой природой и самой историей призвана к неограниченному господству над всеми народами мира.

Понятной становится также и та высокая оценка древневосточной рабовладельческой деспотии, которую мы находим в «трудах» фашистских историков. С особенным чувством превозносит фашистский историк Тегер ассирийскую и нововавилонскую деспотию, очевидно, плененный классическими жестокостями ассирийских царей и тем ужасным разгромом древнего Израиля и древней Иудеи царями нововавилонского царства, который сохранился в памяти веков как один из кошмарнейших погромов мировой истории. В таких словах характеризует Тегер ассирийское и нововавилонское царства: «Здесь и в новом Вавилоне, который на краткий срок занял место Ассирии, еще раз развернулся гений древневосточного государства, достигнув импонирующего величия до того, как он был сокрушен под натиском иранцев»².

Само собой разумеется, что фашистскому «историку» в мировой истории больше всего «импонирует гений» смертоносного разрушения и кровавого гнета, которым дышит каждая страница ассирийской истории.

Идеализируя, взводя в образец это древнейшее грабительское и захватническое государство, фашистские историки подводят историческую базу под тот бешеный террор, которым фашизм пытается задушить протест народов, поработанных гитлеровской Германией, под тот дикий разгул разбойничьих инстинктов, под ту безумную идеологию человеконенавистничества, которая столь усердно насаждается обезумевшими германскими фашистами.

¹ Taeger F. «Das Altertum». Bd. I, S. 5.

² Ibidem, S. 176.

КРАХ ФАШИСТСКОЙ АВАНТЮРЫ В ИРАНЕ

Г. Гельбрас

В своей агрессивной борьбе за мировое господство германский фашизм уделяет большое внимание Ирану.

Выгодное географическое положение Ирана на мировых путях, связывающих Европу со странами Среднего и Дальнего Востока, громадные нефтяные богатства (10—12% мировых запасов нефти, добыча — около 11 млн. тонн в год), значительные сырьевые и продовольственные ресурсы и возможность превращения страны в удобный плацдарм для нанесения удара Советскому Союзу и Британской Индии — таковы основные причины резкой агрессии германского фашизма в отношении Ирана.

I

Борьба германского империализма за влияние в Иране ведет свое начало с конца XIX в. и особенно активизируется за время иранской революции 1905—1911 гг., когда широкие массы поднялись на борьбу против феодального гнета и хозяйничанья в своей стране царской России и Англии. Используя ненависть иранского народа к царской России и Англии и искусно скрывая свои экономические и политические виды на Иран, Германия лицемерно объявила себя сторонником конституционного движения в этой стране. В противовес царской России и Англии германский поверенный в делах Рихтгофен установил открытые связи с руководящими деятелями меджеласа и конституционного движения в стране. Такие сановники, как Сани-ед-Довле — председатель меджеласа, Мухбир ос Салтанэ — начальник тегеранской военной академии, Алаоль Моляк — посол в Константинополе и другие, являлись ревностными сторонниками сближения Ирана с Германией. Русский посол Гартвиг телеграфировал 6 (19) декабря 1907 г. министерству иностранных дел о том, что Рихтгофен, «не стесняясь ничьим присутствием, с гордостью сознается, что баррикады, укрепления и образцовая караульная служба в Сепехсаларской мечети (центр революционных организаций) организованы под руководством офицеров, получивших военное образование в Германии». Развитию антирусской и антианглийской агитации содействовали немецкие агенты. Германская миссия старалась добиться замены бельгийских советников, находившихся под влиянием царской России, германскими советниками.

Прикрываясь сочувствием иранскому конституционному движению, германский империализм всеми средствами добивался усиления своего проникновения в экономику Ирана.

В донесении от 3 мая 1907 г. русский посол Гартвиг сообщал своему министерству о врученных шаху германской миссией девяти требований, основанных на полученной немцами при шахе Мозаффер ед-дине концессии на устройство в Иране немецкого банка. Эти требования были следующие:

1. Предоставление немецкому банку права иметь свой дом в городе и специальное отделение на базаре, дом для директора банка и особые помещения для товарных складов (согласно иранским законам, иностранцы не имели права владеть недвижимостями).

2. Назначение иранского военного караула для банка и его отделений.

3. Освобождение от таможенных пошлин и других налогов всех товаров, выписываемых через посредство немецкого банка.

4. Разрешение банку выдавать ссуды под залог земельной собственности.

5. Право доставки серебра для иранского правительства и чеканки монеты.

6. В случае, если бы иранское правительство решило предоставить иностранцам концессию на чеканку монет, то преимущественное право на получение этой концессии будет принадлежать германскому банку.

7. Предоставление всем провинциальным отделениям банка права выдавать ссуды под залог недвижимостей.

8. Выдача гарантии в том, что немецкому банку будут дарованы все права и преимущества, которыми пользуются другие иностранные банки в Иране.

9. Право ввезти в Иран 300 тыс. ливров (видимо, фунтов стерлингов. — Г. Г.) в течение 3 лет без уплаты таможенных пошлин и почтовых расходов по всей стране.

В своих притязаниях на предоставление немецкому банку ряда прав и преимуществ германский империализм шел еще дальше, чем царская Россия и Англия. Ни русский, ни английский банки не имели права ипотечных операций, имевших большое экономическое и политическое значение (хотя нелегально они и занимались этими операциями). Немцы же добивались официального признания за ними этого права. Под давлением царской дипломатии шах отказал в удовлетворении немецких требований. Германия через свою миссию пыталась, далее, открыть доступ германскому капиталу к эксплуатации естественных богатств Ирана. Чтобы получить рудниковую концессию, например, германцы предоставляли только что организовавшемуся Национальному банку Ирана аванс в размере 1 млн. туманов. Но в результате противодействия царизма и эта попытка не удалась.

В то же время усиление деятельности немцев в Иране послужило одним из серьезных мотивов к сближению между царской Россией и Англией в целях совместной борьбы против немецких происков.

II

Мировые позиции германского империализма к 1910—1911 гг. значительно выросли по сравнению с началом XX века. Достаточно сказать, что внешний товарооборот Германии к этому времени составил около 20 млрд. марок, т. е. увеличился в два раза по сравнению с началом XX века. Усиливаясь, германский империализм продолжал вести широкое наступление на восточные страны.

Потсдамское соглашение, подписанное между Германией и Россией 6 (19) августа 1911 г., было крупным тактическим маневром германского империализма. В силу этого соглашения Германия признавала русскую сферу влияния в Иране и в порядке компенсации давала согласие на получение российским правительством у иранского правительства концессии на постройку пути от Тегерана до Ханекена в целях соединения на турецко-иранской границе этой линии с линией Салидже — Ханекен, как только эта ветвь железной дороги (Кония — Багдад) будет готова. Российское правительство обязалось также не принимать никаких мер, затрудняющих постройку Багдадской железной дороги.

Ленин метко вскрывает цель, которую преследовал царизм, подписывая Потсдамское соглашение. На полях выписки из книги Т. Егера «Персия и персидский вопрос» Ленин отмечает, что Россия с Англией поделила Персию, «а потом с Германией перестрахует!»¹.

Потсдамское соглашение не только нейтрализовало противодействие царизма проникновению Германии в Иран, но до известной степени заставляло царизм выступить в качестве защитника германских притязаний. Вместе с тем это соглашение в перспективе открывало возможность немцам вступить в решительную борьбу и с английским империализмом. Багдадская железная дорога и ветка от нее к границам Ирана неразрывно связали бы Иран с Германией и дали бы возможность Германии в несколько раз удешевить провоз ее товаров в Иран. Однако германский империализм фактически использовал Потсдамское соглашение и для вытеснения русского влияния в Северном Иране. Экономические мероприятия Германии должны были содействовать этой политической задаче.

Особое внимание Германия обращает на иранский Азербайджан. В 1912 г. германские капиталисты основывают здесь «Персидское ковровое общество Потаг» с капиталом в 3 млн. марок, увеличенным в дальнейшем до 10 млн. марок. Общество построило в Тавризе большую, хорошо оборудованную фабрику для пряжи и краски шерсти. Фирма развила широкие операции с ковровыми кустарями. До первой мировой империалистической войны Германия ежегодно покупала на 10 млн. марок восточных ковров, перепродавая их в Америку и другие страны. Фабрика «Потаг» была крупным орудием политической и экономической борьбы немцев за влияние в иранском Азербайджане. Немцы установили тесные связи с купечеством, широко используя, в частности, право пересылки через Россию в Иран транзитом маловесных посылок. Это видно из следующих данных:

Годы	Всего поступило посылок в Иран	В том числе из Германии	В % отношении из Германии
1910	271 000	75 000	27,7
1911	320 000	102 000	31,9
1912	330 000	124 000	37,6
1913	445 000	208 000	44,8

Германская конкуренция в Азербайджане стала настолько ощутительной, что русский консул в Тавризе настаивал в 1914 г. на приезде специального агента министерства торговли «для выяснения способов более решительной борьбы нашей торговли с иностранцами, особенно с германской конкуренцией»².

Стремясь подорвать влияние России, немцы активно вмешивались во внутреннюю жизнь Ирана. Германские агенты взяли под свое покровительство всех сирийцев-протестантов, проживавших в районе города Урмии, а германские консулы в Азербайджане развернули громадную разведывательную работу в крае. Царское министерство иностранных дел пыталось протестовать против германской политической деятельности. В телеграмме от 21 (8) мая 1914 г. министр иностранных дел указывал русскому посланнику в Тегеране: «Привытие Литтеном под покровительство сирийцев-протестантов находится несомненно в противоречии с нашим соглашением с Германией (имеется в виду Потсдамское соглашение. — Г. Г.), заявившей, что она преследует в Северной Персии исклю-

¹ См. Ленинский сборник XXIX, стр. 359.

² «Международные отношения в эпоху империализма». Серия III, т. III, ч. 1-я, стр. 70. М. — Л. 1933.

чительно экономические цели»¹. По поводу разведывательной работы немцев министерство также телеграфировало посланнику 10 мая (27 апреля) 1914 г., что эта деятельность немцев несогласна «с духом нашего соглашения, по которому Германия отреклась от политических и стратегических интересов в нашей сфере влияния»².

О широких военно-политических планах немцев говорит секретное письмо помощника обер-квартирмейстера от 22 (9) июня 1914 г. генерал-квартирмейстеру главного управления генерального штаба об организации в начале 1914 г. в Турции «Немецко-армянского общества», или «Армяно-германского союза». «Общество это, — сообщалось в письме, — под личиной содействия развитию в культурном и экономическом отношениях армянского народа... ставит действительной целью своей деятельности облегчение работы германскому правительству в его стремлениях подчинить своему влиянию Турецкую Армению, подготовить почву на Кавказе на случай войны России с Турцией, восстановив армян против русского правительства, а также и облегчение создания такой обстановки, которая содействовала бы скорейшему отозванию из Персии русских войск, нахождение коих там тормозит «благотворную» работу германских агентов в Персии»³.

Положение, создавшееся в Северном Иране, заставило наместника на Кавказе обратиться к царю с докладной запиской от 7 июня (25 мая) 1914 г. о необходимости созыва специального совещания «для обсуждения некоторых вопросов, касающихся нашего политического положения в Персии и Турции». В записке отмечалось ослабление русского «престижа» в Азербайджане и в Урмийской провинции под влиянием особенно Германии.

Указанные факты говорят о том, что германский империализм накануне первой мировой империалистической войны активно боролся за вытеснение русского влияния и за установление господства Германии в Северном Иране. Потсдамское соглашение, с этой точки зрения, было лишь дымовой завесой, скрывавшей захватнические планы германского империализма.

Активную политику проводил германский империализм и в английской зоне влияния. С 1906 г. немцы установили правильные пароходные рейсы Гамбургско-Американской линии между Германией и портами Персидского залива (Бендер, Бушир, Бендер-Аббас, Лингэ, Мохаммера). Пароходы компании за провоз товаров до главных европейских портов брали вдвое дешевле, чем английские суда. Германские пароходы иногда перевозили бесплатно паломников, направлявшихся в Джедду, чтобы расположить туземное население в пользу Германии. Вместе с фирмой Венхауз агентства пароходной компании в Персидском заливе представляли собою опорные базы немецкого влияния на юге Ирана. Немцы пытались скупать в Персидском заливе жемчуг и руду железа, однако встретили резкое противодействие со стороны англичан.

Немцы пытались также установить непосредственные связи с шейхами ряда племен (например Бахрейна), однако англичане не допустили развития этих связей. Встретив сопротивление англичан в Кувейте, Халиле и Аву-Муса, германцы усиливают свои операции на р. Карун. Компания Венхауз устанавливает регулярные пароходные рейсы из Мохаммера до Ахваза. Эти рейсы благодаря пониженному тарифу успешно конкурировали со старой английской компанией Линча.

Таким образом, несмотря на противодействие англичан, германцам удалось проникнуть и в районы английского влияния.

¹ «Международные отношения в эпоху империализма». Т. III, стр. 64.

² Там же. Т. II, стр. 524.

³ Там же. Т. III, стр. 380—381.

III

Германия деятельно создавала в Иране опорные пункты в готовившейся первой империалистической войне.

Ленин неоднократно отмечал, что германские капиталисты воевали за «мировое первенство в грабеже колоний и зависимых стран»¹. Германский империализм ставил своей конкретной задачей выбить русских и англичан из стран Ближнего Востока, в частности из Ирана, и установить безраздельное господство германского капитала в этих странах.

Через месяц после начала мировой войны, 1 ноября 1914 г., Иран объявил себя нейтральной страной. Германские империалисты первыми нарушили нейтралитет Ирана, превратив территорию страны в один из восточных плацдармов мировой бойни. Уже 8 ноября 1914 г. турецкие войска под командованием германского генерала Лимана фон Сандерса и Шукри-паши вторглись в иранский Азербайджан в направлении Урмийского озера. (Неслучайно в предвоенные годы немецкая агентура обращала особое внимание на установление немецкого влияния в этом районе.) В середине ноября в Константинополе по предложению германского командования состоялось совещание между турецким великим везирем, иранским послом в Константинополе и Энвер-пашей о военном союзе Ирана с Турцией. В ноябре и декабре 1914 г. турецкие войска оккупировали иранские города Соуджбулаг и Миавдоаб, причем в Соуджбулаге был убит русский консул. Турецкие войска проникли в Арабистан, в районы английской нефтяной концессии. 25 декабря 1914 г. в Тегеране германо-турецкие агенты организовали террористическое нападение на русского, английского и бельгийского посланников. Взрывом бомбы был убит один из участников покушения. Посланники оказались невредимыми.

Первые же месяцы мировой войны ясно показали, что иранский народ фактически был насильно втянут германским империализмом в эту войну.

В 1915 г. военные операции на территории Ирана значительно расширились. Большая часть года проходила при явном перевесе на стороне германцев: они поднимали против англичан многочисленные южные племена — часть арабских и курдских племен: кашкайцев, тевгистани и др. Так, в начале февраля 1915 г. восставшими по подстрекательству немцев племенами был разрушен в районе Шуштера нефтепровод, соединявший английские нефтяные промыслы с нефтеперегонными заводами. Германцы подкупали начальников крупнейших племен, шведских инструкторов и через них иранскую жандармерию, формировали различные вооруженные банды, используя для этого в качестве руководящих кадров до 300—400 австрийских офицеров и солдат, бежавших из России — из лагерей военнопленных Закаспийской области. Вместе с тем германцы доставляли в Иран необходимое вооружение и боеприпасы.

В итоге, в течение 1915 г. весь юг Ирана, за исключением узкой береговой полосы, был захвачен немцами. При помощи жандармерии и организованных банд они овладели телеграфными станциями, отделениями Английского банка, арестовали английских консулов и т. д. Английские колонии были вынуждены покинуть Шираз, Керман и другие крупные города. Широкое наступление немцы организовали также в западных и центральных провинциях Ирана. Под напором вооруженных банд и отрядов жандармерии русские и английские консульства и колонии были последовательно эвакуированы из Исфагани, Керманшаха и Хамадана. В самом Тегеране для Англии и царской России создалось настолько угрожающее положение, что миссии этих стран ставили перед своими правительствами вопрос о возможности в близком будущем своей эвакуации.

¹ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 281.

Под давлением русского министерства иностранных дел военное командование решило в октябре 1915 г. образовать особый экспедиционный корпус для операций против немцев и их союзников в Иране. С конца октября 1915 г. части этого корпуса под командованием генерала Баратова начали прибывать в Иран. В феврале и марте 1916 г. русским экспедиционным корпусом были последовательно заняты Биджар, Сенне, Керманшах, Керенд, Боруджерд, Кашан и, наконец, 19 марта Исфагань. Занятие Исфагани означало ликвидацию одного из основных центров германской военно-политической деятельности. Англичане со своей стороны в мае 1916 г. приступили к широким операциям по подавлению племенных восстаний. Отряд английских войск под командованием генерала Сайкса, высадившийся в мае 1916 г. в Бендер-Аббасе, оккупировал Керман, Иезд и в сентябре вступил в Исфагань.

Германский империализм потерпел поражение в Иране раньше, чем он был разгромлен в Европе на западных фронтах. Мировая война показала иранцам, что германский империализм не брезгает никакими средствами для достижения своих намеченных целей; она полностью разоблачила подлинные стремления германского империализма, направленные к превращению Ирана в колонию Германии.

Каковы особенности этой разбойничьей политики германского империализма?

Стремясь нанести поражение России и Англии в странах Ближнего Востока, Германия использовала национально-освободительное движение в этих странах для установления в них своего господства. Широкое использование антианглийского движения в мусульманских странах — основная черта германской политики. Союз с Турцией сыграл в этом отношении исключительную роль для германского империализма, пытавшегося вслед за Турцией поднять Иран, Афганистан, Египет, Марокко и таким образом использовать в интересах Германии весь мусульманский Восток. В случае удачи Англия потерпела бы сокрушительный удар на всем колониальном Востоке и тем самым была бы вынуждена ослабить борьбу против германцев на западных фронтах.

С самого начала мировой войны германские агенты развернули в Иране широкую агитацию против царской России и Англии под лозунгом «Персия для персов». По всей стране распространилась фетва неджефского духовенства об объединении всех мусульман для священной войны против Англии и России. Германская дипломатия и ее агентура установили тесные связи с центральным комитетом иранской демократической партии, субсидировали ее, помогали ей в организации вооруженных партизанских отрядов, снабжая их необходимым вооружением и командным составом из своих офицеров.

Спекулируя на экономической отсталости Ирана и его политической зависимости от русско-английского империализма, немцы демагогически противопоставляли якобы благожелательную для Ирана политику Германии политике царской России и Англии.

В действительности германский империализм всеми путями добивался установления протектората над Ираном. В этом отношении заслуживает внимания совершенно секретная записка английского посольства в Петрограде от 1 декабря (18 ноября) 1915 г., адресованная русскому министру иностранных дел. В записке говорилось: «Правительство его величества узнало из вполне достоверного источника основное содержание конвенции, которую Германия стремится заключить с шахским правительством. Предполагаемая конвенция должна на деле привести к союзу на несколько лет, который установит покровительство Германии над Персией; немцы займут высшие военно-командные должности; территориальная неприкосновенность Персии, с возможным расширением ее территории, будет гарантирована; она будет в избытке снабжаться деньгами, оружием и пр. Персия вступит в войну, когда будет готова.

Все договоры с Россией будут аннулированы, все финансовые обязательства в отношении России и Англии будут погашены, а германские промышленные и финансовые интересы в Персии будут обеспечены и получают развитие.

Конвенция, помимо приобретения в лице Персии союзника и снабжения ее в изобилии снаряжением, офицерами и денежными средствами, установит покровительство Германии над Персией, создаст для нее крепкую промышленную и финансовую базу в этой стране»¹.

Когда немцы увидели, что иранское правительство желает остаться нейтральным в мировой войне, они пытались организовать путч для свержения правительства. Немецкая шифровка на имя буруджирдского германского консула от 30(17) ноября 1915 г., перехваченная русскими агентами, вскрывает подготовку к этому путчу. В шифровке говорилось: «Эдваль² пытается свергнуть нынешнее правительство и образовать новое, которое имело бы мужество избавиться от англо-русской политики. Независимо от того, удастся ли этот план или нет, Эдваль решил ехать в Кум для формирования новой жандармерии под названием «национальной». Этот план был разработан при участии турецкого посла, полковника Геллера и министров народного просвещения, иностранных дел и почт и телеграфов. Майор Пуссет предлагает использовать для поддержки действий против Тегерана все силы эмир-Хишмега и все части, сосредоточенные в Куме»³.

Когда турецкий посол сообщил германскому военному атташе Каницу о том, что «персидское правительство находится накануне заключения союза с Россией», Каниц счел, что наступил момент для свержения иранского правительства. В своей телеграмме от 8 декабря (25 ноября) 1915 г., адресованной германской миссии, Каниц приказывал:

«1. Жандармерия должна тотчас же напасть на казаков, обезвредить руссофильских министров, захватить шаха, доставить его в Кум, всеми силами перейти в наступление на Казвин.

2. В случае, если это приказание полностью или отчасти неисполнимо, то все шведские офицеры должны подать в отставку, покинуть Тегеран со всеми силами, какие им удастся увлечь за собой, и направиться к Хамадану на соединение со мной. Все находящиеся в Куме огнестрельные припасы должны быть пересланы в Султанабад... Весь гарнизон Исфагана и Кашана, а также 1000 чел. из Шираза должны тотчас же отправиться в Кум»⁴.

Немцам не удалось реализовать свой план свержения иранского правительства: царская Россия и Англия, усилив свои войска на территории Ирана, перешли в решительное наступление против немцев.

Широкое развитие диверсионной и террористической деятельности было также одним из главных методов политики Германии в Иране. Задания германской разведки выполнялись непосредственно консульским корпусом. Это особенно ярко характеризует цинизм политики Германии, превратившей своих официальных представителей в активных диверсантов-террористов. Шюнеман в Керманшахе, Вебер в Хамадане, Бак в Буруджирде, Васмуо на юге Ирана, Каниц—германский военный атташе—и другие известны иранскому народу по своей разносторонней авантюристской и диверсионной деятельности в Иране.

Диверсии были направлены в первую очередь против русских и английских предприятий в Иране, а террор — против официальных представителей России и Англии. В июле 1915 г. в Бушире террористы напали

¹ «Международные отношения в эпоху империализма». Т. IX, стр. 405. М.—Л. 1937.

² Подкупленный немцами шеф шведских инструкторов, находившихся на службе у иранского правительства.

³ «Международные отношения в эпоху империализма». Т. IX, стр. 797.

⁴ Там же, стр. 798—799.

на англичан вблизи британского консульства; 3 человека было убито, из них 2 офицера, и двое ранено; в сентябре 1915 г. в Ширазе было произведено нападение на английского вице-консула, который умер от полученных ран; в сентябре же в результате нападения был легко ранен английский генеральный консул в Исфагани. Вооруженные отряды совершали многочисленные нападения на отделения английских банков. Насколько широко немцы организовывали диверсионные и террористические акты, свидетельствует, в частности, перехваченная и расшифрованная русскими агентами телеграмма от 19(6) декабря 1915 г. одного из старших германских офицеров, адресованная германскому консулу в Керманшахе: «Прошу тотчас же послать в Тегеран: 1000 килограммов динамита, 2000 метров бикфордова шнура, 2500 взрывчатых капсуль и, если возможно, 50 маленьких и 50 больших ручных гранат и 15 малых взрывчатых ящичков».

Немцы превратили территорию Ирана не только в плацдарм для своих политических и военных мероприятий против России и Англии, но использовали Иран и для проникновения своего в Афганистан с целью вовлечения его в борьбу против стран Антанты. Министр иностранных дел Сазонов в телеграмме от 21 (4) июля 1915 г. на имя начальника штаба верховного главнокомандующего Янушкевича дает такую оценку германским планам насчет Афганистана:

«В настоящий момент из Исфагани двигаются, повидимому, по направлению в Афганистан, караваны немецких агитаторов с военным снаряжением, в сопровождении шаек, набранных из местного населения. Если они дойдут до Афганистана, то их агитация там будет происходить беспрепятственно и тогда останется очень мало надежды на то, чтобы афганцы не вмешались в войну... Излишне говорить, какие затруднения причинило бы нам и в военном, и в политическом отношении открытое движение в Персии против нас, вступление же Афганистана в число наших врагов явилось бы прямо опасным. Не говоря уже об отвлечении наших сил на новый театр, вступление в войну двух мусульманских держав имело бы широкий отзвук в остальных магометанских странах, может быть повлекло бы за собой осложнения в наших средне-азиатских владениях, в Индии и т. п.»¹.

Несмотря на меры, принятые русским и английским командованием к задержанию германских отрядов, направлявшихся в Афганистан, часть из них все же проникла туда. Демагогию, при помощи которой немцы действовали в Афганистане, изобличает телеграмма русского генерального консула в Калькутте министру иностранных дел от 2 октября (19 сентября) 1915 г.: «Губернатору Герата германцы заявили, что если Афганистан объявит священную войну, (то) получит от Германии Туркестан, Самарканд и Индию до Бомбея». Торговля чужими территориями, ставшая ныне профессиональным делом германского фашизма, заимствована им, как видно, из арсенала разбойничьей практики германского империализма в годы первой мировой империалистической войны. Но план германского империализма ударить при содействии турок и персов на Кавказ и при содействии афганцев — на Среднюю Азию сорвался.

Политика Германии, нарушившей нейтралитет Ирана, превратившей его в один из плацдармов войны, привела Иран к исключительному хозяйственно-политическому кризису: резко сократился экспорт, важнейшие отрасли сельского хозяйства (хлопководство, шелководство, животноводство) оказались в состоянии полного упадка; голод 1917—1918 гг. привел к гибели сотен тысяч людей.

¹ «Международные отношения в эпоху империализма». Т. VIII, ч. 1-я, стр. 456. М.—Л., 1935.

Ненависть широчайших масс к угнетательской политике империалистических государств и к господствующему классу феодалов как агентуре империализма проявилась в широком послевоенном антиимпериалистическом и антифеодальном движении.

IV

В результате разгрома германского империализма в первой мировой империалистической войне деятельность немцев в Иране значительно ослабела, но примерно с 1925 г. она снова начинает развиваться. Немцы захватили в свои руки воздушные пути сообщения между Ираном и Европой, а также внутри Ирана (концессия Юнкерса), установили свое влияние в финансовом аппарате страны (главный финансовый советник — немец), усилили свои позиции во внешней торговле и т. д. Мировой экономический кризис 1929—1932 гг. ослабляет немецкую экспансию в Иране, но с приходом к власти фашистов — с 1934—1935 гг. — германская агрессия в Иране вновь резко возрастает. Фашизм всеми мерами добывается превращения Ирана в полуколонию фашистской Германии, пытаясь подчинить его экономику интересам народного хозяйства Германии и тем добиться монопольного влияния в иранской политике.

В 1937 г. фашизм навязал Ирану клиринговое соглашение. Этим соглашением внешняя торговля Ирана была поставлена в сильную зависимость от фашистской Германии. Вывоза из Ирана в больших размерах сырьевые и продовольственные товары, немцы в силу клирингового соглашения заставляли иранских купцов покупать в Германии различные промышленные товары по ценам, значительно превышавшим цены мирового рынка; одновременно немцы сдерживали цены на иранское сырье. Создававшийся таким образом резкий разрыв в ценах приводил к дезорганизации иранского рынка, тяжело отражаясь в целом на экономике страны и положении трудящихся масс.

В 1940—1941 гг. немецкие фирмы выкачали из Ирана огромное количество продовольственных и сырьевых товаров. В то же время немцы не давали иранскому правительству и купцам необходимых им промышленных товаров, не выполнили своих обязательств в отношении поставки машин, железнодорожного оборудования, паровозов и т. д. За один 1940-й год немцы вывезли из Ирана товаров на 393 млн. риал, а импортировали всего на 159 млн. риал. За один только год фашистская Германия осталась должна Ирану 234 млн. риал, что составляет почти 10% иранского бюджета. Иран должен был, таким образом, кредитовать мирового агрессора — Германию — в затеянной ею мировой войне. Под нажимом шаха иранское правительство вынуждено было продать немцам значительную часть урожая 1941 г. — хлопка, шерсти, риса, фруктов и других товаров.

Иран был связующим звеном фашистской Германии со странами Среднего и Дальнего Востока. Через иранских купцов немцы закупали в Таи, Голландской Индии и Британской Индии каучук, олово и другое стратегическое сырье. Эти товары отправлялись в Германию из Ирана даже частными посылками. В области промышленного и транспортного строительства Ирана фашистская Германия также добилась решающего влияния. Пользуясь содействием профашистских элементов в правительственных кругах, опираясь на многочисленные представительства крупных промышленных фирм, фашизм установил почти полную зависимость иранской промышленности от немецкой. Немцы поставили оборудование для ряда текстильных предприятий и заключили соглашение с иранским правительством о постройке металлургического комбината производительностью в 300 тонн чугуна в сутки; они получали концессию на добычу меди и строительство комбината цветных металлов

в Анарекском районе и заключили контракт на поставку оборудования для медеплавильного завода в Ганиабаде.

Участвуя в промышленном строительстве Ирана, гитлеровская Германия вовсе не была заинтересована в его развитии. Устранением других стран от промышленного строительства в Иране гитлеризм добивался главным образом установления своего влияния в руководстве его экономической жизнью.

Методами для достижения этой цели ему служили: массовое внедрение на иранские заводы и фабрики немецкого руководства в лице директоров, технических инструкторов и мастеров; поставка из Германии запасных технических частей на иранские производственные предприятия; посылка иранских подданных на учебу в Германию и превращение их там в фашистских агентов. Всеми этими мерами осуществлялось постепенное закабаление иранской промышленности и переход руководства ею в руки немцев. Участие фашистской Германии в промышленном строительстве было, по существу, одной из форм ограбления Ирана (вздутые цены, расчет в мировой валюте, в то время как сами немцы расплачивались за иранские товары только марками, передача немцам части добываемого сырья и т. д.). В целом эта фашистская политика приводила к явному подрыву местной промышленности Ирана.

Иранское правительство уделяло огромное внимание постройке Трансиранской железной дороги. Эта постройка вызывала громадное напряжение всех финансовых ресурсов страны: были установлены специальные налоги на сахар и чай, сборы по которым поступали исключительно на постройку железной дороги. Немецкие фирмы, добившись передачи им консультации и организации работ, оговорили в качестве своего вознаграждения известный процент от общей стоимости строительства. Заинтересованные таким образом в увеличении расходов, фашистские агенты вздували цены на строительные материалы и оборудование, увеличивали накладные расходы, раздували штаты и т. д. Массовое жульничество немецких фирм причиняло народному хозяйству Ирана такой огромный ущерб, что иранское правительство вынуждено было в конце концов расторгнуть договор с немецкими фирмами и взять руководство по постройке Трансиранской дороги в свои руки.

Ограбление Ирана было наиболее характерной чертой экономической политики фашистской Германии в отношении Ирана.

Экономическая экспансия фашистской Германии была неразрывно связана с политической экспансией, подкрепляла ее и тем давала возможность фашистам охватить своим влиянием весь государственный механизм страны и особенно руководящие промышленные и торговые круги Ирана. Экономический аппарат фашистской Германии в Иране в лице многочисленных представителей ее промышленных и торговых фирм был агентурой германской разведки и зачастую состоял из лиц, принадлежавших к немецкому офицерству. Так, полковник генерального штаба Раданович занимал место директора отделения фирмы «Сименс», другой немецкий полковник был начальником 13-го участка строительства железной дороги Тегеран — Тавриз; немецкий офицер был представителем транспортной конторы «Иранэкспресс». Организатором немецкого шпионажа на севере Ирана был немец Вольф.

Наркоминдел в своей ноте от 25 августа 1941 г., адресованной иранскому правительству, указывал, что агенты германского фашизма фон Раданович, Гамотта, Майер, Вильгельм Сапов, Густав Бора, Генрих Келингер, Траппе и др. прикрывались службой в разных германских фирмах: АЕГ, Ферроштал, Гарбер, Ортель, Лен, Шихау и др.

Во главе всей политической и разведывательной деятельности фашистской Германии в Иране стояли германский посол в Тегеране фон Эттель и консульский корпус на местах. Каждый немец, находившийся в Иране, должен был выполнять определенные задания по указанию

германской разведки. В одном только Тегеране было около тысячи немцев, по всей же стране число их достигало нескольких тысяч. Таким образом германская разведка глубокими щупальцами охватывала государственный аппарат страны и ее народное хозяйство.

Исключительное внимание фашисты уделяли организации диверсионных и террористических групп для переброски их в Советский Азербайджан, прежде всего в советский нефтяной район Баку, а также в Советский Туркменистан. Фашисты использовали в этом отношении опыт германской разведки во время первой мировой империалистической войны. Не случайно матерые агенты вроде консула Шюнемана, сыгравшего видную роль в Иране в годы первой империалистической войны, снова появились в Иране.

Организация диверсионных и террористических групп лежала на руководителе германской разведки в Тегеране — крупном шпионе Гамотта, работавшем значительное время в европейских странах. В Тавризе и других крупных пунктах иранского Азербайджана фашисты образовали диверсионные группы по 10—12 человек в каждой. В эти группы были вовлечены подонки белогвардейской эмиграции, дашнаки, муссаватисты. Крупные представительства гестапо находились в портах Каспийского моря — Ноушехре, Баболь-Сере, Горгане.

В разных пунктах Ирана фашисты сосредоточили склады оружия и боеприпасов: в окрестностях Мианэ обнаружено свыше 50 тонн взрывчатых веществ, крупный склад оружия и боеприпасов был найден в иранской Джульфе и т. д. Оружие доставлялось фашистам в Иран под видом машинных частей, аптекарских товаров и принималось представителем фирмы Шлютгер — генералом немецкой армии.

После нападения на СССР фашисты направили в Иран под видом туристов новую партию офицеров. Деятельность германской разведки приняла исключительно разнузданный характер. При содействии профашистских элементов в правительственных кругах германские агенты подготавливали военный переворот в стране, стремясь во что бы то ни стало втянуть Иран в войну против СССР. Под видом охоты фашистские агенты стали проводить по ночам в окрестностях Тегерана военные занятия.

Помимо Тегерана тайные фашистские ячейки были созданы в Исфагана, Ширазе, Бушаре и других городах. Фашисты имели в своем распоряжении несколько радиопередатчиков.

Наряду с организацией немецкой агентуры фашисты развернули большую работу по вербовке на свою сторону иранских элементов. Подкупками и другими средствами они завербовали в свои ряды группы иранских чиновников и даже представителей правительственных кругов. На стороне немцев оказалась и группа иранских офицеров.

В самом тесном контакте с гестапо немецкие агенты вели свою работу и по пропаганде. Они подкупили иранские газеты «Этгелят» и «Журналь де Тегеран», превратив их в рупор геббельсовской агитации. Владельцы кинотеатров бесплатно снабжались фашистскими киножурналами, получая особую премию за демонстрацию фашистской кинопродукции. Ежедневно передавались фашистские радиопередачи на персидском языке. Фашистские листовки вкладывались во все рекламные издания. Ведомство Геббельса выпускало специальный ежемесячный бюллетень на персидском языке, бесплатно рассылая его всем правительственным учреждениям, чиновникам, промышленникам и купцам. Пытаясь привлечь симпатии иранцев на сторону Гитлера, фашистские шпионы пошли даже на сенсационный трюк, объявив, что Гитлер принял магометанство.

Для инспектирования проводимой работы в Иран систематически наезжали крупные фашистские деятели: фон Ширах, Шахт, сын генерала Бломберга и др.

Вся работа фашистского аппарата шпионов, диверсантов и террористов была направлена к тому, чтобы вызвать в Иране беспорядки и смуту, восстановить Иран против СССР и вовлечь его в войну с Советским Союзом. Фашисты имели целью обойти Советский Союз с фланга и создать плацдарм германского нападения на Индию через Кавказ, Иран и Афганистан. Правящие круги Ирана не принимали никаких мер к ликвидации враждебной Ирану и СССР деятельности фашистов. Больше того, именно в силу покровительства профашистских элементов в правительственных кругах фашистская деятельность и могла получить такой широкий разворот.

Играя наруку немцам, профашистские элементы вместе с тем создавали невозможные условия для развития нормальных отношений между СССР и Ираном. Торговый договор, заключенный между СССР и Ираном в 1935 г. и закончившийся в 1938 г., не был пролонгирован СССР, так как иранское правительство не выполнило ряда важнейших обязательств в отношении Советского Союза по поставке иранских товаров; различными полицейскими мероприятиями оно срывало деятельность советских работников, допускало против СССР клеветническую пропаганду в печати и в целом создавало невозможные условия для работы торгового представительства СССР в Иране.

После вероломного нападения Германии на Советский Союз правительственные круги Ирана несмотря на новый торговый договор 1940 г. снова допустили враждебную деятельность фашистов, имевшую целью сорвать нормальные отношения между СССР и Ираном.

Создавшееся в Иране положение потребовало принятия СССР и Великобританией решительных мероприятий по ликвидации фашистской угрозы.

25 августа 1941 г. Народный комиссар иностранных дел тов. Молотов вручил чрезвычайному и полномочному послу Ирана в СССР г-ну Махомеду Саед ноту советского правительства. В ноте отмечалось, что советское правительство «всегда и неизменно осуществляло политику укрепления дружественных отношений между СССР и Ираном и всемерного содействия процветанию иранского государства»¹. В ноте приводились многочисленные доказательства, подтверждающие дружественную политику СССР в отношении Ирана. Нота указывала, что Советский Союз предвидел, что территория Ирана может быть использована враждебными как по отношению к СССР, так и по отношению к самому Ирану элементами и что эти элементы могут попытаться превратить Иран в базу для нападения на СССР.

В целях предотвращения такого рода опасности Советско-Иранский договор от 26 февраля 1921 г. в статье 6-й предусматривал: «Обе Высокие Договаривающиеся Стороны согласны в том, что в случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватную политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики или союзных ей держав и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отвести эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые военные меры. По устранении данной опасности, Советское Правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии»². В течение двадцатилетнего действия Договора 1921 г. советское правительство

¹ См. «Правду» от 26 августа 1941 г. — Нота Советского Правительства Иранскому Правительству.

² Там же.

не считало необходимым для защиты своих интересов прибегать к статье 6-й Договора 1921 года.

Приводя многочисленные факты организации фашистами диверсионных и террористических групп и их деятельности в Иране, направленной против интересов самого Ирана и СССР, нота отмечает, что «за время после нападения Германии на СССР Советское Правительство трижды— 26 июня, 19 июля и 16 августа с. г. обращало внимание Иранского Правительства на опасность, которую представляет собой подрывная и шпионско-диверсионная деятельность в Иране германских агентов».

Нота констатирует, что «Иранское Правительство отказалось... принять меры, которые положили бы конец затеваемым германскими агентами на территории Ирана смуте и беспорядкам». Этим самым иранское правительство поощряло этих агентов Германии в их преступной работе. В результате всего этого советское правительство оказалось вынужденным принять необходимые меры и немедленно же осуществить право, принадлежащее СССР в силу статьи 6-й Договора 1921 г.,— ввести временно в целях самообороны на территорию Ирана свои войска. Нота подчеркивала, что это мероприятие никоим образом не направлено против иранского народа, что советское правительство не имеет никаких посягновений в отношении территориальной целостности и государственной независимости Ирана. Советское правительство в то же время заявляло в своей ноте, что как только фашистская опасность, угрожающая интересам Ирана и СССР, будет устранена, советские войска будут выведены из пределов Ирана.

Одновременно и великобританское правительство вручило иранскому правительству ноту с изложением обстоятельств, которые побудили правительство Великобритании ввести свои войска на территорию Ирана.

25 августа 1941 г. советские войска перешли границу Ирана и продвинулись в сторону Ардебилля и Тавриза. В тот же день англо-индийские войска вступили в Иран в трех пунктах; в частности в порту Бендер-Шахлур англичане захватили четыре немецких корабля и три итальянских.

Вступление советских и английских войск на территорию Ирана послужило поворотным моментом во внутренней политике иранского правительства. В первую очередь оно привело к правительственному кризису в стране. 27 августа премьер-министр Али Мансур подал в отставку. Шах назначил новым премьером Али Форути. На чрезвычайном заседании меджлиса 28 августа Али Форути заявил, что правительством приказано воздержаться от сопротивления советским и английским войскам. Однако фашистская агентура в Иране пыталась сорвать налаживание дружественных отношений между Ираном с одной стороны и СССР и Англией— с другой. 30 и 31 августа по прямому подстрекательству фашистской агентуры группа иранских летчиков бомбардировала Тегеран, в то время как германское информационное бюро опубликовало провокационное сообщение о том, что Тегеран бомбили советские летчики.

В результате переговоров между СССР и Великобританией, с одной стороны, и Ираном— с другой, состоялось соглашение об отводе иранских войск из ряда районов и занятии этих районов советскими и английскими войсками. В соответствии с этим соглашением советские войска заняли районы севернее линии местечка Ушну (югозападнее озера Резайе) — Миандоаб — Зенджан — Казвин — Хорремабад — Баболь — Зираб — Семнан — Шахруд — Алиабад (на востоке), а также район города Мешхеда. Английские войска должны были расположиться к югу и западу от линии, проходящей через Ханекин — Керманшах — Хорремабад — Месджеде-Сулейман — Рам-Хормоз — Бендер-Дейлем.

Иранское правительство обязалось выслать из пределов Ирана германскую, итальянскую, румынскую и венгерскую миссии, передать в распоряжение английского и советского правительств для интернирования членов немецкой колонии и впредь не разрешать въезда на территорию Ирана германским подданным. Оно обязалось также сохранять нейтралитет и воздержаться от всех шагов, которые могли бы нанести ущерб СССР и Англии в их борьбе с гитлеровской Германией.

Иранское правительство изъявило согласие не препятствовать СССР и Великобритании в провозе товаров и военных материалов через территорию Ирана, оказывать содействие разведывательным работам на нефтяных участках и развитию рыболовной промышленности.

Советское правительство обязалось продолжать уплату причитающихся Ирану концессионных взносов за эксплуатацию рыбных промыслов на южном побережье Каспийского моря в соответствии с советско-иранским соглашением от 1 октября 1927 г., а правительство Великобритании обязалось продолжать уплату Ирану арендной платы за нефтяные участки, как это имело место и в прошлом.

Меджелис в своем заседании от 9 сентября одобрил решение иранского правительства и вынес ему вотум доверия. При проведении соглашения в жизнь шах и иранское правительство проявили, однако, недопустимую медлительность и колебания. 10 сентября в газете «Эттеляат» была опубликована передовица, выражавшая сожаление по поводу закрытия дипломатических миссий держав оси. Стало известным, что эта передовица была инспирирована некоторыми членами семьи шаха и одобрена самим шахом. Иранское правительство переносило со дня на день сроки отъезда из пределов Ирана германской, итальянской, румынской и других миссий и затягивало интернирование ряда немецких агентов, позволив им скрыться. Шах употребил все усилия к тому, чтобы спасти германскую агентуру в Иране, требуя от высших офицеров оказать сопротивление вступлению советских и английских войск в пределы Ирана. Шах надеялся, что с помощью полиции, а также офицества ему удастся подавить народное недовольство и остаться у власти. Однако народные массы и значительные круги армии не намерены были поддержать губительную политику шаха. 16 сентября шах вынужден был отречься от престола, а 17 сентября советско-английские войска вступили в Тегеран.

Разоблачение и изгнание гитлеровской банды и ее покровителей из Ирана послужили толчком к борьбе иранской общественности за реорганизацию иранского строя. Прогрессивные круги выдвинули требование о предоставлении населению права на выборы в меджелис, об установлении основ местного самоуправления и облегчении налогового бремени для населения.

По сообщению тегеранской печати, новый шах Мохамед-Реза (старший сын отрекшегося от престола шаха) под давлением общественности освободил из тюрем большое число видных политических заключенных. 19 сентября министерство юстиции опубликовало указ об освобождении всех политических заключенных.

Дружественные отношения между Ираном, с одной стороны, и СССР и Англией — с другой, в своем дальнейшем развитии привели к заключению между сторонами договора о союзе. Решение по этому вопросу было принято меджелисом на заседании 26 января.

Меры, принятые Союзом ССР и Англией, предотвратили превращение Ирана в вассала фашистской Германии и, таким образом, разрушили планы Гитлера на использование Ирана в виде плацдарма для военных действий против СССР и Англии.

ВОЙНА НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

Г. Войтинский

I

7 декабря 1941 года войдет в историю как дата, знаменующая собой начало нового этапа в борьбе демократических держав против блока агрессоров. В этот день японские империалисты, ведя переговоры с США, вместо ответа на посланный в Токио правительством США меморандум, внезапно, ранним воскресным утром, напали на американский военный порт на Тихом океане — Пирл Харбор, стремясь во что бы то ни стало использовать преимущества внезапности в войне, не считаясь ни с какими установленными нормами международных отношений.

Нападение японских империалистов на владения США и Англии в бассейне Тихого океана подготовлялось втайне и с большой тщательностью в течение продолжительного времени. Японцы возлагали большие надежды именно на внезапность нападения, преимущества которого они испытали в своей прошлой истории во всех больших войнах.

С октября 1938 г. противоречия на Тихом океане между Англией и США, с одной стороны, и Японией — с другой, вступили в полосу новых обострений. Япония захватила тогда крупнейший китайский порт Кантон, расположенный в двух часах езды от Гонконга. Небезынтересно вспомнить, что это событие имело место непосредственно после заключения Мюнхенского соглашения между Гитлером и Чемберленом. Японцы тогда рискнули напасть на Кантон, столь близко расположенный к английскому порту Гонконгу, предполагая, повидимому, что политика «Мюнхена» распространяется и на Дальний Восток.

До этого японцы в сентябре 1937 г. бомбардировали крупный китайский остров Хайнань, имевший большое стратегическое значение для дальнейшего наступления на страны Южных морей, главным образом на Индокитай. В ответ на протест французского правительства японцы объяснили, что они прекратят бомбить и оставят невредимым Хайнань, если прекратится снабжение Китая оружием и другими материалами через Французский Индокитай. 9 февраля 1939 г., несмотря на предупреждения со стороны Британии и Франции, японцы оккупировали Хайнань.

Остров Хайнань, который расположен на линии между Сингапуром и Гонконгом и находится недалеко от новой французской морской базы — Камран, имеет кроме стратегического и большое экономическое значение для Японии.

После захвата Хайнаня японцы 31 марта 1939 г. заняли коралловые острова Спратли, расположенные между Борнео и Индокитаем. Этот захват японцы совершили опять-таки несмотря на официальное предупреждение от 3 июля 1938 г., что остров этот аннексировала Франция еще в 1933 году.

Захватив указанные острова, Япония получила важные стратегические позиции для дальнейшего наступления на юго-восток Азии, на французские, английские и голландские колонии, Индокитай, Британскую Малайю и Голландскую Индию. Можно сказать, что с осени 1938 г. курс японской военной экспансии начинает поворачиваться все больше в сторону юго-востока Азии, и несмотря на борьбу по этому вопросу в правящих кругах Японии курс этот продолжал с тех пор оставаться основным в политике дальнейшей экспансии Японии.

С осени 1938 г. до начала второй мировой войны подготовка Японией захватов в странах Южных морей шла под знаком блокирования Китая и изоляции его от источников вооружения через Рангун, Сайгон и Гонконг.

Япония в этот период всемерно стремится создать впечатление, что причины противоречий между нею и англо-саксонскими странами кроются только в поддержке последними китайского сопротивления и что, не будь этой поддержки, Китай давно бы капитулировал. Вместе с тем Япония упрямо утверждает, что продолжение англо-саксонскими державами поддержки Китая вызовет нападение Японии на владения этих держав на Тихом океане.

В 1939 г. Япония начинает кампанию травли англичан в Китае. Англия объявляется главным врагом Японии. По отношению к английским гражданам японские власти принимают репрессивные меры в оккупированных районах Китая, главным образом в Шанхае и Тяньцзине.

В это же время правительственные круги Японии начинают выступать с декларациями об особой миссии Японии в Восточной Азии. В новогодней речи 1939 г. принц Конноэ заявил: «Япония является освещающим факелом для различных государств Восточной Азии в их национальном развитии. Не лишена основания та мысль, что на плечах японской нации лежит важная задача освобождения дальневосточных государств от цепей, которые они имели несчастье приобрести раньше, чем Япония начала играть важную роль в этой части света, и что Япония призвана сочетать культуры Востока и Запада».

«Япония имеет особую миссию, Япония призвана освободить народы Восточной Азии», «Япония должна установить новый порядок в Азии» — вот лозунги, которые японская военщина и правительство с большим шумом выдвинули и настойчиво распространяли всеми средствами своего аппарата пропаганды.

После того как началась вторая мировая война, экспансия Японии на юго-восток Азии усиливается, но мероприятия в области дипломатии и в военном отношении проводятся ею весьма осторожно. Японии еще не ясна ближайшая перспектива развития военных действий в Европе, но она тщательно готовится. Заключение советско-германского пакта смешало карты наиболее агрессивной прогерманской группировки в правящих кругах Японии, и кабинет Хиранума вынужден был уйти в отставку. В правительственных кругах Японии отмечалась некоторая растерянность. Разгром Франции в 1940 г. очень сильно повлиял на внешнюю и внутреннюю политику Японии. Правящие японские круги, ранее добивавшиеся открытого военного союза с государствами «оси», активизируются, их роль усиливается. Под впечатлением военных побед Германии, в Японии усиливается пропаганда военщины за изменения в государственном аппарате. Во внешней политике Японии это получило свое выражение в лозунге «нового порядка», а во внутренней — «новой государственной структуры», в соответствии с задачами «тотальной» войны. В это именно время (июль 1940 г.) «самораспускаются» все политические партии Японии и создается так называемая Ассоциация помощи трону, комитеты которой организуются почти во всей стране. В это же время в значительной мере сменяется персонал в государственных учрежде-

ниях, в частности в министерстве иностранных дел. Правящими кругами инспирируется в стране не только антианглийская, но уже и антиамериканская кампания.

В это время в Японии становится все более и более заметным влияние немцев. В Японию приезжает большое количество фашистских офицеров, агентов гестапо, представителей разного рода фирм и «ученых обществ». Все эти агенты германского фашизма инструктируют и обучают представителей японской военщины, полицейских и чиновников искусству устрашения народных масс и подавления малейших протестов против подготовки военной машины к вступлению Японии в войну. В течение лета 1940 г. гитлеровская Германия делает все возможное, чтобы вовлечь Японию в действительный военный союз стран «оси». Наконец, в Японии побеждает группировка, тесно связанная с самой реакционной и авантюристской частью японской военщины. 27 сентября 1940 г. Япония официально вступает в военный союз с Германией и Италией. С этого времени авантюристская политика агрессоров начинает угрожать странам Тихого океана, как никогда раньше.

Наконец, гитлеровская Германия добилась от Японии того, что стремилась получить в продолжение нескольких лет. В июне 1937 г. между Гитлером и Муссолини, под диктовку Гитлера, был подписан секретный договор¹. Основным смыслом этого договора заключался в создании против США и Британской империи стратегического треугольника в будущей войне. Однако Япония, которой тогда же было предложено подписать этот договор, не согласилась на это, опасаясь преждевременного вовлечения ее в войну. Но после разгрома Гитлером ряда стран Европы и недвусмысленного заявления США, что они против изменения status quo на Дальнем Востоке, японская военщина подчинилась гитлеровской политике и согласилась на открытый военный союз.

Содержание секретного договора, согласно данным «The Austral Asiatic Bulletin», сводится вкратце к следующему: гитлеровская Германия и фашистская Италия устанавливают «новый порядок» в Европе и Африке. Они же делят между собою Латинскую Америку, Австралию и Новую Зеландию. Японии предоставляются некоторые права в странах Латинской Америки. Руководство во всем этом плане принадлежит гитлеровской Германии, в частности «...с военной и стратегической точки зрения, Мексика и Латинские страны Центральной Америки, включая Панаму и Панамский канал, точно так же как острова и выходы к ним (Богамские, Куба, Гаити, Доминиканская республика, Порто-Рико, Ямайка и др.), должны находиться под военным контролем Германии». Согласно договору, гитлеровская Германия должна, следовательно, захватить фактически все Западное полушарие до восточного берега Тихого океана, в то время как западная часть Тихого океана и Восточная Азия представляли сферу влияния японского империализма. В эту сферу, конечно, входит Китай, в котором, однако, Япония должна предоставить Германии специальные концессии. Индии надлежало стать полуколонией стран «оси». Японии также предоставлялось право захватить острова Тихого океана до 10° южнее экватора (сюда входит Голландская Индия) и до 160-го меридиана западной долготы (проходит почти через Соломоновы острова).

При обсуждении этого договора рассматривался также стратегический план войны на Тихом океане, который еще раз обнаруживает гитлеровскую политику бить противников поодиночке. Японии рекомендо-

¹ Содержание договора было изложено в июльском номере немецкого журнала «Das deutsche Kolonialreich», экземпляры которого были разосланы «ответственным» членам фашистской партии с обязательством возвращения через две недели («The Austral Asiatic Bulletin», апрель—май 1941 г.). Сколько нам известно, в прессе стран «оси» опровержения этому документу дано не было.

валось добиться возможности воевать сначала только с Англией и всячески избегать поводов для вовлечения в войну Америки.

После оформления военного союза с Германией и Италией японская политика экспансии на Тихом океане приобретает еще более агрессивный характер. Япония начинает делать решительные шаги для реализации плана установления «нового порядка в Восточной Азии». Подобно тому, как гитлеровская Германия заявляла, что ее целью в войне является установление «нового порядка в Европе», Япония декларирует, что ее цель сводится к созданию «восточноазиатской сферы взаимного процветания».

Япония никогда точно не определяла географических границ этой «сферы», точно так же как гитлеровская Германия термин «Lebensraum» (жизненное пространство) применяет в неограниченных географических пределах. Однако по выступлениям различных военных и дипломатических представителей, а также по прессе можно судить о том, что в состав «восточноазиатской сферы», во всяком случае, входят те страны, о которых упоминается в договоре между Германией и Италией, заключенном в июне 1937 года.

Капитуляция в июне 1940 г. правящих кругов Франции и ее генералитета перед гитлеровской Германией и захват последней Голландии, естественно, рассматривались японскими империалистами как благоприятные условия для захвата Японией Индокитая и Голландской Индии. Эта задача облегчалась тем, что французское правительство сделало в свое время многое для того, чтобы ослабить Индокитай и усилить его зависимость от метрополии во всех отношениях. Индокитай оставался много лет страной монокультурного сельского хозяйства, основная база которого сводилась к плантациям риса и незначительному количеству каучука, который, кстати сказать, стал производиться лишь за последние 10 лет. Индокитайский банк Франции являлся монопольным господином в экономической жизни этой огромной колонии с 23-миллионным населением. Со времени начала войны в Европе экспортные возможности Индокитая чрезвычайно сузились, и он в своем экспорте риса стал больше ориентироваться на Японию. В военном отношении французские правящие круги также сделали все, чтобы не дать Индокитаю возможности иметь сколько-нибудь значительную армию. Даже отпущенные в 1938 г. французским правительством средства для приобретения аэропланов для Индокитая в США не выдавались колониальным властям до последней минуты перед нападением Японии. Все эти факты, выражавшие противоречия между метрополией и колониями, прекрасно сумели использовать японские империалисты, предполагая, что серьезного сопротивления своим планам в Индокитае они не встретят. Японцы учитывали в это время и то обстоятельство, что между Америкой и Англией тогда не было еще достигнуто полного единогласия.

Англия и США были заинтересованы в Британской Малайе и Голландской Индии как по экономическим, так и по стратегическим соображениям. Но вопрос о том, — когда, как и кто должен выйти на передовую линию защиты этих территорий, был спорен, и японцы пользовались этим противоречием для подготовки своего внезапного нападения на Тихом океане. Экономическое и стратегическое значение для Британской империи Голландской Индии и Британской Малайи с Сингапуром было огромно, но и американцы, вывозившие из Британской Малайи и Голландской Индии каучук, олово, чай и хинин, были также заинтересованы в этих островах, хотя и не считали в течение довольно долгого времени, повидимому, целесообразным выходить на первую линию борьбы за них.

Что же касается Французского Индокитаа и Таи, то еще в 1940 г. среди видных деятелей и специалистов США и Англии в области Дальнего Востока раздавались голоса, что можно было бы, пожалуй, за счет некоторых уступок в Индокитае договориться с Японией и предотвратить ее дальнейшее наступление в югозападном секторе Тихого океана. Все эти противоречия и колебания Япония также сумела использовать в своей тщательной и скрытой подготовке к нападению.

В августе 1940 г. правительство Коноэ предъявило индокитайским властям требование о предоставлении Японии баз в Северном Индокитае, права пропуска японских войск через индокитайскую территорию и других экономических преимуществ в Индокитае. Переговоры велись одновременно в Индокитае и во Франции с послушным немцам правительством Петэна, а также в Токио. 22 сентября 1940 г. было достигнуто соглашение о предоставлении Японии трех воздушных баз в Тонкине и о высадке японских войск в Хайфоне. 23 сентября, высадив войска в этом порту, японцы одновременно перешли китайско-индокитайскую границу, что соглашением никак не было предусмотрено. Создалась обстановка, когда индокитайские части готовы были оказать решительное сопротивление, но происшедшее под Донданом и Лонксонном столкновение было прекращено после получения указаний из Биши. Между тем в это время войска национального китайского правительства, сконцентрированные у границ Индокитаа, готовы были прийти на помощь. Чунцинское правительство заявило, что в случае вторжения вооруженных сил Японии в Индокитай Чунцин будет считать это непосредственной угрозой своей безопасности и немедленно сможет послать вооруженные силы в Индокитай для защиты своих интересов. Это предложение Чунцина в то время не встретило поддержки со стороны Англии и США, и китайские войска поэтому не выступили.

После соглашения от 22 сентября 1940 г. Япония все больше продвигает войска в Индокитай и вместе с тем через свою экономическую миссию в Тонкине и миссию из Французского Индокитаа в Токио стремится добиться экономического преимущества в Индокитае. Во время этих же переговоров Япония добилась посредничества в конфликте между Таи и Индокитаем.

В ноябре 1940 г. правительство Таи, учитывая создавшуюся в Индокитае обстановку, потребовало от своего соседа возвращения трех провинций Камбоджи и расположенных по правому берегу р. Мэконг территорий Лаоса, в свое время отобранных Францией и присоединенных к Французскому Индокитаю. Не без давления Японии Таи начало военные действия против Индокитаа. После заключения в феврале 1941 г. перемирия при посредстве Японии был заключен таи-индокитайский договор, передавший Таи 25 тыс. миль территории. Характерен пункт 70-й договора, гласящий, что «если впредь между Таи и Индокитаем возникнут споры, касающиеся данного договора, то они должны быть урегулированы при японском посредничестве».

Через короткое время был установлен фактический контроль Японии над Северным Индокитаем, а из Северного Индокитаа Япония немедленно начала подчинять себе и весь остальной Индокитай. Японский контроль над экономикой Индокитаа был закреплен 5 мая 1941 г. договором на 5 лет об экономических предприятиях и навигации. Япония получала в Индокитае фактически монопольное право на вывоз риса, угля, маиса, железной руды, цинка, апатитов, соли, каучука.

Экономический договор между Японией и Индокитаем наносил большой ущерб китайским купцам и предпринимателям, в руках которых в основном были сосредоточены торговля рисом и рисоочистительная промышленность в Индокитае. В угоду японцам был создан 30 апреля 1941 г. так называемый «рисовый комитет», который скупал весь рис у китайских торговцев по твердо установленным ценам. По требо-

ванию властей Индокитая, все владеющие более чем пятью килограммами риса обязаны были сдать весь рис этому комитету. С этого же времени Индокитай был включен в иеновый блок.

Захват южной части Индокитая с его важными стратегическими портами Сайгон и Камран произошел через несколько месяцев — 23 июля 1941 г., — когда был заключен договор между правительством Виши и Японией «о совместной обороне Французского Индокитая». Японский орган «*Japan Times*» от 5 августа 1941 г., оценивая договор как направленный против Англии и Америки, писал: «Настоящий договор был подписан в целях защиты восточноазиатской сферы процветания от демократического окружения. Теперь, когда Япония заключила пакт о совместной обороне Французского Индокитая, она целиком готова отразить любую страну и любую силу, которая осмелится вмешаться в эту политику».

На основании указанного договора Япония получила 9 баз важного значения в Южном Индокитае, в том числе в портах Сайгон и Камран в Сиамском заливе. Немедленно стали прибывать в Сайгон воинские транспорты и эсминцы.

Одновременно с захватом Французского Индокитая Япония стремилась получить экономический контроль над Голландской Индией. Но это ей не удалось. Правительство Голландской Индии вело иную политику, чем правительство Индокитая. Это объясняется прежде всего тем, что голландское правительство после поражения в войне с Гитлером не капитулировало, подобно Петэну, а включилось в орбиту демократических держав.

Наряду с захватом экономических и стратегических позиций в Индокитае Япония осенью 1940 г. активизирует свою политику по отношению к Индонезии, стремясь установить с нею непосредственные связи, минуя голландское правительство. С этой целью Япония направляет в Индонезию специальную миссию во главе с известным деятелем Кабаяси, представлявшим интересы концерна Мицубиши-Кабаяси. Задачей миссии было получить новые концессии дополнительно к тем, которые японцы уже имели на острове Борнео. Голландское правительство немедленно воспротивилось этому, хотя оно тогда еще не было уверено в том, что его поддержат Америка и Англия. Кабаяси удалось, однако, подписать 12 ноября 1940 г. договор сроком на 6 месяцев о поставке 1800 тыс. тонн нефти из Индонезии в Японию. Японское правительство осталось недоволено деятельностью Кабаяси и отозвало его. Сменивший Кабаяси бывший министр иностранных дел Японии Иошизава также не смог добиться увеличения квот на вывоз нефти и высокооктанового бензина. В продолжение первой половины 1941 г. Япония производила большой нажим на правительство Голландской Индии, не стесняясь применять прямые угрозы для получения преимущественных экономических позиций на островах Голландской Индии. Но голландское правительство стойко сопротивлялось японским домогательствам. Как известно, в это время начинает резко меняться политика Англии и США по отношению к агрессивным действиям Японии. Особенно отчетливо это проявилось 26 июля 1941 г., когда США и Англия, на второй же день после подписания соглашения между Виши и Токио о совместной защите Индокитая, ответило наложением секвестра на японские фонды. 28 июля Голландская Индия последовала примеру США и Англии. Японии, таким образом, не удалось до начала войны с США и Англией закрепить свои позиции в Голландской Индии.

Уже в первой половине 1941 г., в результате все большего усиления курса правящих кругов и японской военщины на экспансию в стра-

ны Южных морей, обстановка настолько обострилась, что известный австралийский орган «The Austral-Asiatic Bulletin» за апрель — май 1941 г. писал: «Отношения между Японией и англо-американскими державами дошли до такой точки, когда мирное разрешение спорных вопросов кажется почти невозможным. Единственная возможность держать Японию в рамках существующего положения вещей заключается, как нам кажется, в серьезной подготовке обороны, а еще лучше — в победоносном наступлении Великобритании на каком-либо другом театре борьбы».

Это мнение австралийского органа выражало точку зрения сотен газет, журналов, книг, освещавших положение на Тихом океане летом 1941 года.

Захват Японией Индокитая, фактический контроль над Таи и непосредственная угроза владениям Англии и Америки на Тихом океане, в связи с планом создания «великой восточноазиатской сферы взаимного процветания», вызвали усиление политики сопротивления агрессору. Однако принятые в этом направлении мероприятия, как показали последующие события, были весьма ограничены и слабы.

В апреле 1941 г. было проведено так называемое манильское совещание, явившееся мероприятием по объединению усилий заинтересованных стран для противодействия японской агрессии. На этом совещании, в котором принимали участие представители США, Австралии, Индии и чунцинского правительства Китая, обсуждался ряд вопросов, начиная от снабжения горючим американского флота и обороны Австралии до вопросов борьбы против японской агрессии в югозападной части Тихого океана в целом. 12 мая 1941 г. в Сингапуре была проведена широкая военная конференция, на которой присутствовали: командующий воздушными силами на Филиппинах, американский военный атташе в Чунцине, главнокомандующий британских военных сил на Дальнем Востоке со своим штабом, губернатор Стрейт-Сеттльмента и помощник начальника генерального штаба Чунцина. Круг вопросов на этой конференции был, согласно сообщениям английской и американской прессы, следующий: 1) выработка операционного плана комбинирования англо-американских военных сил всех видов на Дальнем Востоке, 2) возможная американская помощь воздушными силами Чунцину, 3) мобилизация военных сил китайского народа на неоккупированных территориях Китая и в американских и английских колониях. На конференции также стоял вопрос об эвакуации английских и американских граждан с Дальнего Востока и о мероприятиях в отношении немцев и итальянцев на неоккупированных территориях Китая.

Как видно из этой повестки дня сингапурской военной конференции, подготовка к возможным военным действиям на Тихом океане была поставлена как реальная необходимость. Характерным здесь является то, что США за много лет впервые выдвинулись на передовые позиции борьбы против агрессии на Тихом океане.

По очень скудным и отрывочным сведениям в прессе можно было судить о том, что после конференции в Сингапуре англо-американскими державами предпринимаются шаги для усиления военно-стратегических позиций на Тихом океане. Американский линкор «Цинцинати» и два эсминца (из них один — «Флорида») были направлены под командой контр-адмирала Оливера в Сингапур. Английская пресса говорила о больших укреплениях Малайи, возведенных за время деятельности там генерала Банда в 1939 году. Пресса говорила о том, что еще 2 года назад гарнизон был только в Сингапуре, а в 1941 г. войска были уже разбросаны в разных частях полуострова. Генерал Банд, покидая свой пост, на который был назначен Персиваль, заявил: «Мы теперь и не помышляем о защите лишь одного острова (Сингапура)». Нельзя не отметить наличия известной беспечности со стороны ответственных лиц, как

этот генерал Банд, который, говоря об опасности японского вторжения в Малайю, заявил: «Опасность существует реально. Было бы глупо думать иначе... хотя, может быть, она (Япония) ждала так долго, что уже стало поздно».

В 1941 г. США начали укреплять и Филиппины. В первой половине 1941 г. они, правда, располагали лишь 30-тысячной американской армией и 100 тыс. обученных в течение 5 с половиной месяцев резервистов. Но тогда же была поставлена задача создать свой флот торпедных катеров, которые могут быть изготовлены на месте и будут вооружены торпедами и глубинными бомбами и обладать скоростью 45 узлов в час.

Начала также более энергично готовить свои резервы и закупать аэропланы в США Голландская Индия. Австралия стала готовить морской и воздушный флоты и значительную армию. В США летом 1941 г. специальные печатные органы, посвященные вопросам иностранной политики, в частности «Foreign Policy Reports», уделяли большое внимание подготовке вооруженных сил на случай войны на Тихом океане, причем придавалось большое значение в деле эффективной обороны Сингапура порту Дарвин и портам в Голландской Индии, а также расположенным там воздушным базам.

Из всей прошлой истории капиталистической Японии известно, что она бросается в военные авантюры тогда, когда ее внутреннее положение ухудшается и господствующие классы стоят перед опасностью внутренних осложнений. Так же обстояло дело и в 1931 г., когда Япония в условиях экономического кризиса переживала опасный период, чреватый всякого рода неожиданностями. Точно так же в первой половине 1937 г. внутреннее положение Японии, в результате затяжной войны в Китае и провала планов захвата 5 северных провинций, характеризовалось огромным недовольством политикой правительства. Это недовольство получило тогда свое выражение в начавшемся антифашистском и антимилиитаристском движении. Японская военщина затеяла тогда новую авантюру в Китае, начав 7 июля нападение на китайские войска у моста Марко Поло, близ Бейпина.

Внезапному нападению Японии на владения Англии и США в Тихом океане предшествовало также значительное ухудшение внутреннего положения в стране. В 1940 г. в Японии был значительный недород риса. Урожай был на 10% ниже урожая 1939 г., который в свою очередь был неурожайным годом. Некоторые публицисты считали, что в Японии назревало такое же положение, как в 1918 г. во время знаменитых рисовых бунтов. Японская промышленность переживала очень большое напряжение. Приготовления к «тотальной» войне были столь тяжелы, что в декабре 1940 г. 17 директоров промышленных предприятий Японии заявили, что они отказываются от планов, предложенных правительством, из-за невозможности их выполнения. Бюджет на 1940—1941 г. равнялся 13 млрд. иен. Этот невиданный по своим размерам бюджет больше чем наполовину предназначался для военных расходов.

После нападения гитлеровской Германии на СССР положение на Тихом океане приобретает еще большую остроту. Перед Японией встал вопрос: в каком направлении сделать скачок, чтобы лучше использовать создавшуюся ситуацию? Судя по японской прессе того времени, курс военной экспансии Японии должен был направиться на юго-восток Азии с его военно-стратегическим сырьем и ресурсами, столь необходимыми для промышленности Японии и, в частности, ее военной техники. На этот курс толкало и то обстоятельство, что успешная борьба Китая против Японии все более стала рассматриваться общественным мнением США и Англии как фактор для обеспечения интересов Америки на Тихом океане и ограничения дальнейшей агрессии Японии.

Дальнейшие события показали, что Япония в результате своей внутренней политики и под нажимом гитлеровской Германии бросилась 7 декабря в водоворот тихоокеанской войны, рискуя самым своим существованием как империалистической страны.

II

Японцы стремились еще до войны подготовить себе преимущественные экономические и стратегические позиции. Этого они, как мы видели, до известной степени добились.

Захват Индокитая и контроль над Таи дали японцам возможность получить большое количество риса (Индокитай, Таи и Бирма вывозят 95% всего экспортного риса). Японцы получили доступ к источникам стратегического сырья — каучука, которого производится во Французском Индокитае не менее 60 тыс. тонн в год (мировое производство каучука составляет около 800 тыс. тонн), и олова, производство которого в Индокитае и Таи равняется 10% мирового производства, т. е. 20 тыс. тонн.

Стратегические базы, полученные здесь Японией, имели огромное значение для ее агрессии в отношении Британской Малайи с Сингапуром и дальше — Голландской Индии. Сиамский залив был превращен Японией в закрытый водоем, куда заходили военные корабли и транспорты, находя здесь хорошие порты и авиабазы. Получив базы в северной части Французского Индокитая, Япония приблизилась вплотную к Британской Малайе и получила возможность бомбить на расстоянии всего нескольких сот миль Бирманскую железную дорогу и города в югозападной части Китая. Получив же порт Камран в Китайском море, японские военно-морские и воздушные силы оказались на расстоянии лишь 1200 км от Сингапура, в 948 км от Гонконга, в 1300 км от Манилы и 1680 км от Батавии. Стратегическое значение захвата Французского Индокитая, таким образом, действительно нельзя переоценить.

Подготовившись к нападению на британские владения в Тихом океане и на острова Голландской Индии, японские империалисты делали все от них зависящее, чтобы предупредить военный союз между Англией и Америкой. Японская военщина опасалась могущества объединенного флота Англии и Америки на Тихом океане. Но не добившись дипломатическим путем своих целей, Япония под прикрытием дипломатических переговоров (Курусу — Номура в Вашингтоне) готовила внезапный удар огромной силы по флоту США, находившемуся, по предположениям, в основном в гавани Пирл Харбор, в Оаху на Гавайских островах. Японцы намеревались сокрушительным ударом уничтожить морскую мощь США, парализовав, таким образом, совместную борьбу англо-саксонских великих держав против японской агрессии на Тихом океане. Этот план, как известно, не удался. Несмотря на то что японцы искусно подготовились к внезапному удару по этому важнейшему порту, представляющему аванпост линии обороны США в западной части Тихого океана, а военные руководители на Гавайях проявили большую беспечность, как показала комиссия, расследовавшая вопрос о нападении на Пирл Харбор, американский флот сумел выйти из гавани без значительных потерь. Не удался японцам также план захвата Филиппинских островов, на которых в продолжение более двух месяцев происходили бои, — на острове Луссон, а в последнее время на полуострове Батаан. Захват же японцами принадлежащих США островов Гуам, Уэйк и Мидуэй не представляет сколько-нибудь серьезной победы в стратегическом отношении, так как они не являлись укрепленными военными базами для флота США.

Японии не удалось, таким образом, внезапным ударом разрушить одну из трех основных линий обороны США на Тихом океане — Сан-Франциско — Гавайские острова — Мидуэй — Уэйк — Гуам — Филиппины — несмотря на то, что часть островов ими была захвачена. Что же касается двух других линий обороны США на Тихом океане, то они по настоящее время остались в том же состоянии, что и до войны, и, несомненно, сыграют еще свою роль в борьбе против агрессора. Прежде всего это линия, идущая от Пирл Харбора к японским мандатным островам и через Западный Самоа (Паго-Паго) к Австралии. Значение этой линии по мере развития военных действий на Тихом океане все больше увеличивается. Защита Америкой Австралии и Новой Зеландии с этой стороны, наступление отсюда на захваченные японцами базы на островах Голландской Индии, а также угроза фланговых ударов по японским мандатным островам, главным образом Маршалским, является вполне реальной возможностью. Третий путь американской линии обороны — северный, через Пюджет-Саунт — Дейч Харбор — Алеутские острова — хотя и более трудный по климатическим условиям, но наиболее близкий в смысле достижения островов самой Японии, продолжает пока оставаться вне досягаемости японского флота и даже японской авиации.

Итак, могущественный союзник Англии на Тихом океане не смог быть выведен Японией из строя, несмотря на внезапность и силу удара 7 декабря и последующих недель.

Но самой Англии на Тихом океане японские империалисты нанесли значительный урон. За 2 с лишним месяца войны Англия потеряла на Тихом океане 2 крупнейших порта — Гонконг и Сингапур. Первый принадлежал Англии в продолжение 100 лет; второй был построен как крупнейший военный порт после мировой войны. Сингапур строился 15 лет и был завершён в 1939 г. как один из крупнейших военных портов мира. На сингапурской базе строилась тактика обороны владений Англии в югозападной части Тихого океана и защита островов Голландской Индии, а также система защиты прохода между Индийским и Тихим океанами. Сингапур рассматривался также как важная стратегическая позиция центральной линии обороны США в западной части Тихого океана, в частности защиты Филиппинских островов.

Японцы рассматривали Сингапур как серьезнейшую угрозу своим планам экспансии в страны Южных морей. Сооружение сингапурской базы военные круги Японии рассматривали как вызов со стороны Англии по отношению к Японии. Вместе с тем японские военные писатели утверждали¹, что эта крепость хотя и представляет собою для Англии огромного значения силу на Тихом океане, однако при отсутствии в критический момент в ее базе сильного флота она может быть захвачена противником. Японская стратегия поэтому строилась в большой степени на том, что английский флот, находящийся в основном в водах метрополии — в Средиземном море и на Атлантическом океане, — в случае осложнений на Дальнем Востоке не сможет своевременно успеть прибыть в сингапурскую базу. Задача для Японии, следовательно, заключалась в том, утверждали военно-морские японские стратеги, чтобы не упустить удачного момента для нападения на Сингапур до прибытия английского флота.

Однако события развивались, как известно, в более сложной обстановке. Японцы, провалившись со своим планом разгрома американского флота, не стали атаковать Сингапур с моря, а решили его захватить с севера, с суши, со стороны Малаккского полуострова. Японцы получили возможность легко проникнуть как на западный, так и на восточный берег полуострова через Французский Индокитай и Таи (в частности через перешеек Кра), использовав одновременно Сиамский залив для

¹ См. книгу Tota Ishimaru «Japan must fight Britain», p. 209—210.

подвоза солдат и вооружения морем. Комбинируя высадку десантов на восточном берегу Британской Малайи, наиболее трудном для переходов по природным условиям, и продвижение войск и мотомеханизированных частей по западному берегу, где имеются благоустроенные шоссе-ные дороги, японцы при помощи десятков тысяч своих резидентов и шпионов в Британской Малайе сумели в продолжение нескольких недель захватить эту богатую английскую колонию.

Одновременно с борьбой за Британскую Малайю японцы атаковали остров Борнео, захватив северозападную часть его и проникнув в Макассарский пролив; захватили важный порт на Борнео — Балик Папан, — а затем порт Макассар в югозападной части о. Целебес.

Намерения японцев были совершенно ясны: они стремились к главному острову Голландской Индии с его важными в стратегическом отношении портами — Батавия, Семаран и Сурабая. В первой половине февраля японцам удалось также захватить город Палембан, в юго-восточной части о. Суматра, где находится основной источник нефти Голландской Индии, дающий в год $4\frac{1}{4}$ млн. тонн нефти из общего количества в 6—7 млн. тонн.

В это же время японцы стремились захватить позиции на Молуккских островах, на островах архипелага Бисмарка, создавая угрозу для Австралии и Новой Зеландии. Проникая на эти острова и дальше на восток, японцы стремятся создать заслон против возможного нападения со стороны американского флота.

Сосредоточив большие военно-морские и военно-воздушные силы в югозападной части Тихого океана, стремясь к захватам островов Голландской Индии и восточнее их, японцы одновременно рвутся в Бирму; в марте они захватили порт Рангун и тем осложнили доставку вооружения и военных материалов в Китай.

Таким образом Япония втянулась в войну, имеющую много фронтов и огромную протяженность морских и сухопутных коммуникаций, во много тысяч километров. Получив важные стратегические базы и доступ к источникам нефти, каучука и цветных металлов, Япония, однако, не будет в состоянии всюду и сразу использовать новые возможности, так как при отступлении союзники уничтожали и взрывали эти источники¹.

Япония, согласно неполным сведениям, имела в первые два месяца войны на островах Тихого океана не меньше 600 тыс. солдат; примерно такое же количество вооруженных сил имеют и союзные армии в югозападной части Тихого океана, включая Австралию и Новую Зеландию.

США нанесли японцам за два месяца войны значительный урон. Согласно данным «United Press» от 9 февраля, вооруженными силами США потоплено 55 японских судов, в том числе линкор, 2 крейсера, 5 эсминцев, 5 подводных лодок, канонерка и 41 транспорт; повреждено за это время 65 японских судов, в том числе 3 линкора, 2 тяжелых крейсера, авианосец и т. д. В эти данные не вошли потопленные суда в Макассарском проливе, у Батаанского полуострова, а также у Маршалльских островов и у острова Гильберта.

Захват Японией Сингапура и угроза важнейшим портам Голландской Индии, а также Австралии создали на Тихом океане очень сложную обстановку для англо-саксонских стран. Однако возможности для отражения японского наступления не только не исчерпаны, но и далеко еще не использованы.

Значительную роль в военно-морской борьбе против Японии, несомненно, сыграют США. Огромная программа строительства военных ко-

¹ Известно, что в Британской Малайе центр по выработке олова — Ипох — был взорван. Точно так же были взорваны нефтяные источники и нефтеперерабатывающие заводы на Борнео и других островах.

раблей уже в 1942 г. будет иметь исключительно большое значение. Вместе с тем необходимо учесть, что Америка, получившая от Англии в сентябре 1940 г. ряд островов в Атлантическом океане, имеющих стратегическое значение для защиты Центральной Америки, а главным образом Панамского канала, может в настоящее время свободнее маневрировать своим флотом. Без этих островов (Бермудские, Вингвардские, Виргинские, Тринидат, Британская Гвиана с портом Джорджтаун) восточному берегу США, а также мексиканским владениям США в Карибском море и Панаме угрожала бы непосредственная опасность со стороны гитлеровской Германии, рвущейся через порты Северной Африки и Дакар к созданию опорных баз против США и республик Южной Америки. С другой стороны, растянутость японских коммуникаций на театре военных действий создает благоприятные условия для сосредоточения необходимых вооруженных сил в наиболее выгодных для США местах в целях прорыва японских коммуникаций.

Освещая события войны на Тихом океане с точки зрения борьбы военно-морских сил, нельзя не принять во внимание, что Япония вынуждена воевать одновременно и на материке. Война в Китае против японской агрессии развивается все больше и больше. Китайские войска вошли в Бирму. Они усилили наступление в Гуандуньской провинции и в Гуанси. Отсюда они могут угрожать японскому тылу в Индокитае. Одновременно начинает организовываться большая армия в Индии. Уже в настоящее время Япония держит в Китае около полутора миллиона солдат, и примерно такое же количество она потеряла в Китае за 4 с половиной года войны.

Одним из важнейших условий, которые японские империалисты стремились обеспечить себе до начала войны на Тихом океане, было прекращение войны с Китаем. Но этого условия японцы не добились. Поэтому вступление Японии в войну с Англией и Америкой в условиях великвидированной войны в Китае является одной из важнейших предпосылок ее неизбежного военного поражения.

III

В продолжение многих десятилетий японский империализм ставил себе задачу не давать возможности Китаю превратиться в независимое национальное государство. Японский империализм черпал свою силу в слабости Китая. Поддерживая феодальных милитаристов, натравливая их друг на друга, устраивая междоусобицы, подкупая политических авантюристов, японцы делали все возможное, чтобы не дать Китаю объединиться в политическом и экономическом отношениях. Уже начиная с революции 1911 г. японцы стремились поддерживать непрерывную борьбу между силами революции и контрреволюции, пытаясь разложить первых и путем подкупа привлечь на свою сторону вторых. Первую мировую войну японские империалисты использовали исключительно в целях захвата китайской территории с ее богатствами и в попытках установить контроль над всем Китаем. Известное по своей непревзойденной агрессивности «21 требование», предъявленное Китаю в 1915 г., было направлено главным образом к тому, чтобы еще больше раздробить Китай и держать его разъединенным в подчинении Японии.

Вынужденная под давлением США несколько отступить в Китае и подписать Вашингтонское соглашение 9 держав, Япония, однако, никогда не мирилась с этим договором и фактически не раз его нарушала. Сразу же после подписания Вашингтонского соглашения японцы спровоцировали войну в северной части Китая между двумя кланами, стремясь поставить Англию и Америку перед фактом своего преимущественного положения в Китае. В 1927 г. Япония снова стремится захватить Шаньдуньскую провинцию, хотя, согласно Вашингтонскому

договору, она должна была в свое время оттуда уйти. Наконец, воспользовавшись условиями мирового экономического кризиса, когда другие капиталистические державы были заняты внутренним положением своих стран, японцы внезапно нападают на 3 китайских восточных провинции (Манчжурию) с 30-миллионным населением и односторонне насильственно уничтожают основное содержание Вашингтонского соглашения.

Япония выступает как агрессор по отношению к Китаю. Она создает в 1934 г. из Манчжурии «самостоятельное» государство Манчжоу-Го с марионеточным правительством. Затем она отрывает от Китая провинцию Жехэ, потом создает ряд марионеточных правительств в Северном Китае. В 1935 г. Япония пытается оторвать от Китая 5 северных провинций и создать там отдельные правительства. Этот план ей не удался. В 1936 г. Японии удается спровоцировать гражданскую войну в Китае между югозападными провинциями и нанкинским правительством, а осенью 1936 г. — между Нанкином и военными группировками в Северном Китае. После этой неудачи, 7 июля 1937 г. Япония нападает на вооруженные силы национального китайского правительства у Бейпина. Начинается, вопреки ожиданиям Японии, всенародное сопротивление агрессору: организуется национальный антияпонский фронт в Китае. Япония вынуждена втянуться в большую войну; Китай, несмотря на относительную слабость своих вооруженных сил из-за отсталости военной техники, мужественно и храбро защищается и наносит серьезный урон живой силе японцев, хотя и теряет свои основные промышленные центры.

Миф, созданный японцами в начале интервенции в 1931 г. о том, что их армия непобедима, развеян в прах войсками национального китайского правительства. В сентябре 1937 г. китайцы били японцев в Северном Китае, в апреле 1938 г. — в Тайэрчжуани, летом 1938 г. — у Цзюцзяня и т. д. Японцы терпели поражения от китайских войск, исчисляя свои жертвы десятками тысяч убитых и раненых в Чанша, Ичжоу и других городах Китая.

Японские империалисты, не сумев несмотря на свое военно-техническое превосходство победить Китай и заставить его правительство капитулировать, вынуждены были пойти на создание в оккупированной части Китая «центрального» марионеточного правительства, составленного из предателей китайского народа — Ван Цзин-вэя и его сторонников — и руководимого штабом японской оккупационной армии.

Создав такое правительство, японцы думали с его помощью спровоцировать гражданскую войну в Китае и заставить капитулировать чунцинское правительство. Но китайский народ окружил марионеточное правительство стеной презрения и ненависти, изолировав его от китайской общественности.

В начале 1941 г. японцы пытались сыграть на разногласиях между китайскими коммунистами и гоминдановцами; действуя через предателей национальных интересов Китая, они пытались спровоцировать войну в лагере национального фронта, взорвав его изнутри. Эта попытка, как и предыдущие, потерпела крах, и японские империалисты ввязались в войну на Тихом океане, не будучи в состоянии предварительно кончить войну в Китае.

В настоящее время оборонительная война китайского народа против японских империалистов стала частью общей войны демократических стран против японской агрессии. Для Китая сложились весьма благоприятные условия для освободительной войны. Союзники, заинтересованные в усилении его военной мощи, отпустили Китаю большие кредиты, равняющиеся в общей сложности 700—800 млн. американских долларов. На основании закона об аренде Китай получает займы

вооружение от США; в Китай посылаются военные специалисты и эксперты. Огромные природные ресурсы Китая, находящиеся в Западном Китае — там, где обосновалось национальное правительство и куда эвакуировались многие предприятия и миллионы трудящихся, не пожелавшие остаться в оккупированных районах, — получают возможность быть использованными для организации китайской промышленности.

Китай будет становиться таким образом все более и более грозной силой для японского империализма в Азии, так как уже в процессе войны он будет разрешать свою историческую задачу демократического объединения страны и превращения ее в сильное национальное государство.

Вместе с тем все больше будет возрастать роль Китая в разрешении тихоокеанской борьбы.

В этой связи интересно сравнить положение Китая на протяжении последней четверти века. В первой мировой войне Китай являлся лишь объектом для воюющих сторон. В настоящее время Китай участвует в блоке демократических держав как равноправный член его, ведя в продолжение 4 с половиной лет освободительную войну против японского агрессора, что является существеннейшим фактором в деле мобилизации и организации неисчерпаемых людских и материальных ресурсов китайского народа.

Народы Индии устанавливают все большую связь с Китаем и также мобилизуются на борьбу с японским империализмом, угрожающим свободному существованию народов Восточной Азии и намеревающимся ввести, наподобие гитлеровской Германии в Европе, так называемый «новый порядок в Восточной Азии». В борьбу против агрессора вовлекаются на Дальнем Востоке все новые силы, организация и вооружение которых являются значительным дополнением к демократическим силам мира. Среди стран Южных морей начинают все больше вооружаться Австралия и Новая Зеландия.

На другой стороне Тихого океана нападение Японии на британские и американские владения вызвало также события огромного значения. Подписание декларации 26 державами 1 июля 1942 г. в Вашингтоне, а затем принятые решения на панамериканской конференции, где 21 держава Америки фактически объединилась для защиты против агрессии гитлеровской Германии, представляют собою факт огромной политической важности, который будет действовать в интересах воюющих демократических стран в настоящее время, а также для установления прочного мира после войны.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть сейчас и то обстоятельство, что война на Тихом океане делает империалистическую Японию еще более зависимой от гитлеровской Германии. Авантюристичность агрессоров «оси» будет увеличиваться по мере роста трудностей для них и противоречий в их собственном лагере.

Японский империализм 7 декабря 1941 г. посеял ветер на Тихом океане; он пожнет бурю, которая подорвет его мощь и освободит народы Восточной Азии от опасности, угрожавшей им много десятков лет.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г. И СИБИРЬ

В. Стрельский

Война 1812 года, одна из самых волнующих страниц русской и всемирной истории, породила сотни ценнейших работ историков-исследователей. Но только новейшая советская литература о 1812 годе дает единственно правильную марксистско-ленинскую оценку Отечественной войны, как героической борьбы народных масс России за независимость и самостоятельность русского государства.

Однако целый ряд вопросов, связанных с Отечественной войной 1812 г., оказался недостаточно освещенным и в работах наших советских историков.

Таковыми вопросами являются: участие в Отечественной войне 1812 г. далеких окраин Российской империи, не вошедших непосредственно в бурный поток событий 1812 г., роль классовый борьбы между крестьянами и помещиками в героической борьбе русского народа против угрозы иноземного завоевания и др.

Настоящая статья составлена по неопубликованным материалам Фонда сибирского генерал-губернатора, управлявшего крупнейшими губерниями — Тобольской, Томской и Иркутской, границы которой простирались до Камчатки.

Материалы сибирского Фонда помогают нам восполнить недостающие сведения об Отечественной войне 1812 г., так как несмотря на подробное освещение эпохи 1812 г. в исторической и мемуарной литературе Сибирь и ее роль в Отечественной войне еще не получали отражения в печати.

Материалы Фонда сводят на-нет утверждение буржуазно-дворянских историков о том, что народ якобы вступил в Отечественную войну не из патриотических побуждений, а лишь ради спасения и защиты своих личных жизненных интересов. Но мы знаем, что сибирским крестьянам, добровольно шедшим в ополчение, не грозило непосредственное неприятельское вторжение; народ мстил за унижения и попрание национальное достоинство, за попытку лишить его самостоятельного национального развития.

Патриотическое движение в далекой Сибири, отданной на разграбление кучке царских вельмож и бюрократов, ярко отражает инициативу и роль всего русского народа

в целом в организации и развитии Отечественной войны.

★

Сибирь как колония дворянско-помещичьей России и место ссылки политических противников царского самодержавия была суровым краем изгнания и страданий. Много лучших людей великого русского народа погибло в тяжелой неволе в этой далекой и суровой стране.

Царское правительство совершенно сознательно держало народы Сибири в жестокой кабале, темноте и невежестве.

И все же старая Сибирь не была страной сплошного и беспросветного мрака. Здесь часто вспыхивали яркие огни, озарявшие и согревавшие окружающую общественную почву. «Сибирь была особенно богата представителями всех революционных течений... Сибирь была средоточием, где наиболее крупные и видные деятели революционного движения, правда, невольно, проводили целые годы» (Ем. Ярославский). Через русских поселенцев коренные народности Сибири находились в постоянной тесной связи с великим русским народом — создателем нашего государства.

Проникновение и распространение среди сибирского населения более высоких форм хозяйства, принесенных русскими переселенцами-колонистами, также содействовало сближению и объединению народов Сибири с русским народом.

Культурное влияние народов Европейской России и Украины на Сибирь ярко отразилось в живописи, деревянной скульптуре, архитектуре, художественно-ремесленном литье и т. п. Среди сосланных в разное время в Сибирь русских и украинцев часто бывали передовые люди своего времени, мастера, художники (Юрий Крижанич, Радищев и др.), оставившие глубокий след в жизни сибирского населения.

Особенно велико было влияние политических ссыльных в Сибири в XIX веке. Ссылным принадлежит огромная роль в сближении народов Западной Сибири с народами Центральной России, Украины и другими, жившими на территории Российской империи. Вопреки политике россий-

ского царизма, превратившего российское государство в тюрьму народов, в борьбе с этой политикой слагаются и рос союз народов России. И когда в эпоху 1812 г. русский народ Европейской России стонал под ударами иноземных захватчиков и ошестивался вилами и топорами, чтобы спасти свое самостоятельное развитие, свое исторически сложившееся государство, далекие народы Сибири не считали это чужим для себя делом и шли, как могли и умели, на помощь своим страдающим братьям.

В Отечественную войну 1812 г. в Сибири, как и в областях Центральной России, по инициативе местных патриотов стали создаваться отряды народного ополчения в помощь регулярной армии. Пламенных патриотов, вступавших в ополчение или в армию, называли обычно жертвенниками, и их в Сибири было немало.

31 августа 1812 г. тобольский губернатор фон Брин сообщал в рапорте сибирскому генерал-губернатору Пестелю:

«Тобольский земский исправник и Туринский земский суд донесли мне, что обыватели волостей Тобольской округи... движимы будучи усердием к общему благу, сделали приговоры, что здешних волостей все вообще способные носить оружие, а Туринской же волости от каждых 55 душ по одному человеку, готовы вступить в ополчение для защиты отечества»¹.

В приговоре крестьян Тобольской округи, Абалакского комиссарства, вынесенном на собрании 395 человек, говорилось о готовности составить «вторую преграду из ополчения против стремящегося к разорению любезного нашего отечества неприятеля», что оборона «против вражеских замыслов и покушений открывает в сердцах вестьемлемо оказать усердие наше Родине».

Приговор заканчивался словами:

«Единогласно и совокупно желаем к поднятю оружия противу бодрствующего врага, на что всегда будем по востребованию сколько начальству угодно будет или и все готовы, оставя в домах наших только жен, малолетних детей и удрученных старостью старцев»².

9 октября 1812 г. иркутский губернатор сообщал Пестелю:

«По высочайшему манифесту, в 6 день июля сего года состоявшемуся, об общем против неприятельского нашествия ополчении—некоторые молодые люди здесь изъявили мне желание вступить в сие ополчение, представив здешнему начальству на волю назначение их и отправление»³.

31 октября сибирскому генерал-губернатору сообщал из Томска вице-губернатор: «...вдова, подпорутческая жена Татьяна Кошкарова словесно объявила, что она имеет у себя никуда еще не определенно-

го сына Михаила шестнадцати лет..., а ныне жертвует отдачею его для продолжения воинской службы на вечное служение в армейские полки... Ныне ее Михайло объявил таковое ж вышеописанное желание»⁴.

В октябре же 1812 г. сибирский генерал-губернатор сообщал министру полиции, что «желает поступить в ополчение отставной подполковник Битнер, проживающий теперь в Омске». У Битнера «по недостаточному своему состоянию» не было средств выехать в армию. И пока шла переписка о средствах, Битнер занял деньги и выехал за свой счет. 14 декабря тобольский гражданский губернатор сообщал, что Битнер, не дождавшись решения, «отбыл из Омска в Россию и определен уже в военную службу»⁵.

Так отвечали сибирские патриоты на опасность, нависшую над родиной.

К призыванию народа на борьбу с врагом правительственные сферы, боясь громадного, миллионного ополчения, подходили с большим колебанием, особенно в начале войны, так как опасались, что мощное общенародное движение может «развязать руки» крестьянству.

18 июля правительство выпустило новый манифест, которым в отличие от манифеста 6 июля ограничило сбор ратников ополчения шестнадцатью губерниями, причем сибирские губернии были исключены из округов формирования ополчений. Этот манифест полностью отвечал чаяниям санных дворян, которые с недоверием относились к созданию ополчений, боясь широкого привлечения масс к войне.

Крепостным крестьянам было вообще строжайше запрещено записываться в ополчение без особого разрешения помещиков. В Сибири такой же запрет был наложен и на всех без исключения ссыльных-посельщиков. За ними отрицалось даже право жертвовать своей жизнью на пользу родине. В этом отношении характерен рапорт тобольского губернатора фон Брина:

«Вызов желающих на пользу отечества не может распространяться как на дворовых людей и помещичьих крестьян, коими непосредственно располагают их владельцы, и от их воли зависит объявлять всякое пожертвование ко благу общему,—равно и на всех без исключения посельщиков, от коих таковые объявления принимать неместно и было бы противно правил, гражданину неопороченному принадлежащим»⁶.

4 октября 1812 г. Пестель писал министру полиции о стремлении многих иркутян вступить в ополчение. Пока шла переписка, патриоты из Иркутска сами выехали в Москву, но министр приказал «с дороги возвратить во свояси, буде они еще не прибыли в Москву, а впредь из сибир-

¹ Фонд сибирского генерал-губернатора, арх. № 192, л. 259.

² Там же, лл. 268—279.

³ Там же, л. 363.

⁴ Там же, л. 394.

⁵ Там же, л. 413.

⁶ Там же, л. 108.

ских губерний в ополчение не посылать»¹. Иркутцы, однако, прибыли в Казань и поступили в отряды внутреннего ополчения.

Так, ломая стену запретов, народ-патриот выражал силу и глубину своего благородного и глубокого патриотического чувства.

Народы Сибири, охваченные общим стремлением изгнать из родной земли иноземных захватчиков, отправляли своих сынов на поле брани, создавали отряды народного ополчения и оказывали всемерную материальную помощь «отечеству».

Замечательным проявлением народной любви к родине являлось добровольное пожертвование средств, сбор вооружения, тягловой силы, одежды и продовольствия для нужд воинов.

По всем губерниям Сибири проходили собрания крестьян и городского населения, выносившие решения об оказании материальной помощи армии и ополчению.

В Тобольской губернии к 31 декабря 1812 г. было собрано более 100 тыс. рублей, около 11 фунтов серебра, различные ценные вещи, холст, шерсть, нитки.

31 августа, как видно из сообщения тобольского гражданского губернатора, духовная консистория «по известной приверженности к благу общему» пожертвовала «на содержание новых сил, вооружаемых против супостатов... 5663 рубля»². Пожертвования средств и материалов поступали от всех слоев сибирского населения, причем активнейшее участие принимали наряду с русским населением и угнетенные коренные национальности Сибири — татары, казахи, вогулы.

Как ни тяжела была жизнь крестьянства и угнетенных народностей Сибири, не менее 80% всех пожертвований по Тобольской губернии было сделано именно ими.

В Томской губернии из 142 тыс. рублей, внесенных в качестве пожертвования на нужды Отечественной войны, основную массу внесло крестьянство.

В отчетах о сборе средств находится множество записей о пожертвованиях от крестьянских общин и отдельных крестьян, в том числе и от крепостных.

Крестьяне Подгорской, Ладейской и Частоостровской волостей провели подписку по 10 рублей с каждого человека, крестьяне Устюжской и Сухобузинской волостей внесли 1044 рубля, Частотравской — 571 рубль, Абаканской, Минусинской и Куригинской — 1909 рублей.

Губернаторы почти ежедневно рапортовали высшему сибирскому начальству о все новых и новых пожертвованиях на оборону родины.

22 августа 1812 г. томский гражданский губернатор сообщил, что население Каинского уезда, Верхнекаинской волости, состоящее «по последней ревизии из 1385 душ, пожертвовало по 10 рублей с каждой, всего 13 850 рублей, в то число за бедных

и неимущих поселян подписались взнести 14 человек крестьян из собственного достояния 3410 рублей». Здесь же сообщалось, что некоторые чиновники этого уезда, «на пример поселянам, к таковому пожертвованию сами подписали все получаемое ими третное жалованье» «на усиление ополчения против врага России»³.

В сообщении томского же губернатора от 24 октября говорилось, что «кузнецкие ясашные, сделавшие пожертвование 23 710 рублей, обязались подписками взнести их в самое ближайшее время. «Жертва таковая, — пишет губернатор, — судя по небогатству их, превзошла ожидание мое».

Население северных улусов жертвовало пушнину.

В Томской губернии при сборе добровольного пожертвования на нужды армии и ополчения выдвинулся город Красноярск, выславший 10 878 рублей 9 копеек⁴.

В указе иркутского губернского правления в августе 1812 г. выражалась уверенность, что население губернии, «видя участь свою несравненно благополучнейшую против жителей, обитающих во внутренних частях России, особенно в пограничных губерниях, близких к военным действиям... в доказательство преданнейшей любви к отечеству, призывающему ныне всех верных сынов своих на помощь против неприятельского нашествия, — поспешит усугубить добровольные приношения, не щадя ничего возможного к удалению от избытков своих»⁵.

Патриотический подъем масс превзошел все ожидания иркутской администрации. Тельминская суконная фабрика в Иркутской губернии, пользовавшаяся в основном подневольным трудом, пожертвовала 5908 рублей, что было сделано, по заявлению губернатора, без всякого с его стороны «возбуждения».

Служащие и солдаты караульной команды Нерчинских заводов внесли на нужды обороны 2112 рублей.

23 августа 1812 г. иркутский гражданский губернатор сообщил в рапорте, что «вдова умершего Хоринского Главного тайши надворного советника Ириндеева Чойжит Годокиева... предъявила..., что она жертвует от избытков своих 5000 рублей... Из сумм сей, — говорилось в рапорте, — 2000 руб. просит употребить на основании манифеста 1 июля на заплату рекрутских денег за недостаточных поселян, по усмотрению начальства, а 3000 рублей по манифесту 6 июля по предмету нового в государстве ополчения сил»⁶.

В Иркутской губернии особенно крупные пожертвования были сделаны бурято-могилами и другими национально угнетенными народностями Севера.

В сентябрьской ведомости о пожертвованиях сообщалось, что «кудинских братьев

¹ Там же, л. 272.

² Андриевич В. «Сибирь в XIX столетии». Ч. 2-я, стр. 144. Спб. 1889.

³ Фонд сибирского генерал-губернатора арх. № 192, л. 252.

⁴ Там же, лл. 255—256.

¹ Фонд сибирского генерал-губернатора, арх. № 192, л. 379.

² Там же, л. 259.

родов Главный тайша» внес 500 рублей, «верхоленских Братских родов тайша с шуленгами и родовичами» внес 800 рублей и т. д.

Самое большое пожертвование во всей Сибири (100 тыс. рублей) поступило в Иркутской губернии «от Хоринских братских родов Главного тайши — надворного советника Мардаева с шуленгами и родовичами»¹.

Кроме десятков тысяч рублей в Иркутской губернии было собрано много ценного меха, оружия, зерна, скота.

Для характеристики патриотического подъема населения Сибири интересно открытое признание иркутского губернатора Трескина в его сообщении генерал-губернатору. Он указывает, что деньги на народное ополчение поступили от населения «без всякого с моей стороны возбуждения, сверх всякого чаяния». Это же отмечает и тобольский гражданский губернатор:

«Я почитаю долгом донести... о том, что приношения в пользу отечества от жителей Тобольской губернии с начала воззвания о том поньше продолжаемые, отнюдь не принуждены; напротив того, все состояняя, ревнуя благу общему, предваряют всякое попечение о том местного начальства, и сила благонамеренности их к пользе общей происходит совершенно от собственных побуждений»².

Велика роль сибирских трудовых масс и в рядах регулярной армии, громившей врага.

Накануне Отечественной войны полевые кавалерийские и пехотные полки были выведены из Сибири, «дабы с лучшей пользою для государства они могли быть употреблены в других местах»³.

Вначале было выведено из Сибири 5 полевых кавалерийских и пехотных полков, а затем было сделано распоряжение «по безбужности там двух доселе остающихся, Селтинского мушкетерского и 18 егерского, вывести оттуда и сии последние».

Перед войной с Наполеоном правительственным указом было постановлено взять в сибирских губерниях по 4 человека с 500 душ. Тогда же было разрешено вносить по 2 тыс. рублей вместо рекрута повсеместно. В марте 1812 г. был объявлен набор по 2 человека с 500 душ. В июле этого же года был объявлен дополнительный набор в губерниях Европейской России по 5 рекрутов с 500 человек, а в Сибири взамен рекрута приказано было внести по 2 тыс. рублей, тоже из расчета 5 рекрутов с 500 душ. 7 августа 1812 г. царский указ предписывал набрать рекрутов с Сибири. Норма набора была оставлена без изменений: по 5 человек с 500 ревизских душ, — хотя в этом же году, непосредственно перед Отечественной войной, уже было набрано по два рекрута с того же количества.

Несмотря на всю обременительность рекрутского набора, в дни тяжелой войны он проходил с большим подъемом, быстро и энергично.

Вся страна боролась с Наполеоном. Сибирь находилась далеко от фронта, сюда не долетали раскаты грандиозных сражений. Тем не менее население сибирских городов и сел жило едиными помыслами со всей Россией, поднявшеюся на борьбу за свое существование.

Количество рекрутов, положенное на сибирские губернии правительственным указом, общества горожан и крестьян полностью представили. От Тобольской губернии было дано в армию 2152 человека, от Томской — 747 и от Иркутской — 653 человека⁴.

Всего по сбору рекрутов Сибирь дала 3852 человека, т. е. повышенную норму — по 7 человек с 500 ревизских душ.

К началу военной кампании в составе русской армии были сибирские пехотные и кавалерийские части, общее число солдат и командиров которых составляло 27 тыс. человек⁵.

Эти сибирские части в боях с неприятелем проявили глубокий патриотизм, выдержку и преданность национальным интересам всего русского народа.

Наполеоновское нашествие глубоко взволновало сибирское общество. В столицах и в далекой Сибири в это время выступали со стихами, сборниками, поэмами поэты, взволнованно откликавшиеся на каждое крупное событие в ходе военных действий, на каждое крупное явление текущей жизни.

Популярный в начале XIX в. писатель-сибиряк Ив. Тим. Калашников, прозванный современной ему критикой «сибирским Купером», восхваляя победы русских в Отечественной войне, сочинил большую торжественную оду на изгнание французов под названием «Торжество России». Эта ода, написанная в 1812 г. в державинском стиле, пользовалась большой популярностью в Иркутске и в других городах.

«Летит чудовище (Наполеон) — и свияет-
ром железным

Повсюду сеет страх и смерть.
Крылами рассекает бездны,
На вечной оси движет твердь;
Народы рабству покоряя
И в шепел грады обращаая,
Колеблет троны, силы власть.
Разверзла челюсти геена
Объята пламенем вселенна
И всюду бедствие, ягасть!..»⁶.

Наполеон рассчитывал неожиданным разбойничьим ударом ошеломить народы России, парализовать их сопротивление, раздробить население на враждующие группы и,

¹ Фонд сибирского генерал-губернатора, арх. № 192, л. 353.

² Там же, л. 362.

³ Полное собрание законов № 24331 от 26 августа 1810 года.

⁴ Фонд сибирского генерал-губернатора, арх. № 195, л. 6.

⁵ Фонд сибирского генерал-губернатора, арх. № 148, л. 696.

⁶ «Старая Сибирь в воспоминаниях современников», стр. 21. Иркутск. 1939.

сея провокацию и измену, овладеть нашей страной. Немало шпионов и провокаторов было заслано Наполеоном и в далекий тыл России — в Сибирь.

Во время Отечественной войны, а также в период, когда русские войска промели Наполеона уже в Европе, в Томске был составлен грандиозный заговор среди военнопленных поляков, высланных сюда с фронта и распределенных на службу в Томский гарнизонный батальон. Заговорщики ставили своей целью захватить в свои руки правительственную власть в Томске и двинуться из Сибири во внутренние губернии России «на помощь Наполеону, который вторгнется в Россию четырьмя армиями». Заговорщики рассчитывали, что по пути «будут приставать к ним многие и они возьмут Казань и дадут помощь Бонапарту»¹. Организатором заговора был, как видно из материалов следствия, томский ссыльный Мартин Вонсович, происходивший из шляхтичей Минской губернии. В заговоре принимал участие ряд военнопленных: Зеленский, Яков Шульц, Михаил Вербицкий, Иоганн Вольчук, Матеус Ольшевский и др.

Ряд указаний следственного материала дает повод думать, что район заговора не предполагалось ограничить одним только Томском. По словам Вонсовича, Книшпович рассказывал ему о том, что он «получил письмо из Омской крепости», в котором говорилось, что там «есть согласие сделать такое же возмущение, но только ожидают, когда оно в Томске начнется, потому что здешние пленники от России самые дальние, и когда отсюда пойдут, то в Омской и прочих крепостях учинят возмущение и будут присоединяться в совокупную комнату».

Пленные солдаты и офицеры наполеоновской армии уделяли в ссылке большое внимание и другим видам провокаторской работы, в частности распространению ложных слухов. В Ишиме, например, был задержан «прорицатель-ворожей» по имени Иезеф, по прозвищу «Неизвестный» (он был выслан в Омскую крепость). Этот «прорицатель» часто выходил по ночам с книгой в руках гадать по звездам. В своих «прорицаниях» этот шпион говорил военнопленным, что «французы о них не забыли», а русским, — что Наполеон, оставшийся победителем в войне со всеми державами, и на этот раз останется победителем, «возьмет над Русией поверхность». Иезеф Неизвестный убеждал военнопленных сплотиться между собой, обещая счастливую судьбу тем, кто не присягнет на подданство России.

Программой заговорщиков и отдельных шпионов, сеявших ложные слухи, был «манифест», составленный провокаторами от имени Наполеона. Манифест этот был найден женою одного солдата в доме Вонсовича и несмотря на решительное сопротивление семьи последнего доставлен «в часть», городничему. В манифесте говорилось о тя-

жести самодержавного и крепостнического гнета, налогов и делались указания на необходимость их ослабления или уничтожения. Это вполне совпадает с теми слухами, которые распространялись вообще в России, по всей вероятности агентами Наполеона, — о том, что он сын Екатерины II и идет опять у Александра свою законную корону, после чего и освободит крестьян.

Наполеон, содержащий в России целую ораву шпионов, через них хорошо знал о тяжести крепостного права и пытался, демагогически играя на этом, использовать крестьян в своих захватнических целях.

Но если в начале войны среди крепостных крестьян и ходили кое-где слухи о том, что Наполеон пришел освободить их, то очень скоро для крестьян, как и для всего русского народа, стало ясно одно, что в Россию пришел жестокий и хищный враг, несущий опустошение стране, разорение населения и усиление векового гнета.

О томском заговоре было сообщено губернатору одним из русских ссыльных, которого Вонсович намеревался завербовать в число заговорщиков. Сам Вонсович, скрываясь от розысков в окрестностях Томска, объяснял свое появление в деревнях разными вымышленными причинами: то он говорил, что поехал верхом на лошади искать корову, но лошадь, сбросив его, убежала, или, что у него взят подряд на поставку дров и т. п., — но нигде он не посмел прямо сказать крестьянам о своих намерениях.

В деревне Киргизке Вонсович был задержан крестьянами, которые заявили, что томский губернатор велел его «остановить».

Когда в одном из близких к Томску сел один из участников заговора, Влас Ханков, пытался подговорить крестьянина Казанцева идти в Томск на помощь взбунтовавшимся «французам» (т. е. военнопленным), то при помощи Казанцева заговорщик был задержан сельскими властями и обыскан.

В томском заговоре принимало участие небольшое количество русских ссыльных, но все они были уголовными, высланными «за воровство пчел», «за кражу разных вещей», «за развратное поведение и пьянство», «за воровство муки и лошади» и т. п.

Только такие уголовные выродки протягивали к Наполеону руки, и их он мог взять себе на потребу как торгашей родной.

Сибирь, как тыл в Отечественной войне 1812 г., жила с армией и со всем русским народом одними помыслами, одной целью — разгромить врага во что бы то ни стало. Сибирский тыл был устойчив и крепок.

Великая армия Наполеона не вынесла бурь военной непогоды в России и погибла под тяжестью своей кровавой авантюры, сметенная грандиозным взрывом оскорбленного народного чувства.

В дни Великой отечественной войны советского народа с немецко-фашистскими ордями советская социалистическая Сибирь с великой гордостью произносит имена сво-

¹ Архив сената, 1 отд., 5-й департамент, № 951, 1817. «Исторический вестник». Т. XXIX, стр. 622. 1912.

их прославленных героев—потомков славных сибирских ополченцев 1812 г.,—пришедших в Красную Армию из таежных суровых урманов, с низовьев Иртыша и Оби.

Трудящиеся Омской области в письме к бойцам, командирам, комиссарам и политработникам Ленинградского фронта писали:

«Мы горды и счастливы, что в ваших рядах сражаются тысячи и тысячи наших земляков. Слава о доблестных сибиряках—неуловимых лыжниках и метких стрелках—препят по всему фронту, нагоняя ужас на немецких бандитов и наполняя наши сердца законной гордостью. Наш Сибирский военный округ дал фронту закаленные, отлично подготовленные дивизии, некоторые

из них уже заслужили высокую честь именоваться гвардейскими».

Доблестные отряды героев Советского Союза Некрасова и Батракова покрыли себя неуязвимой славой при разгроме немецких войск под Ельней, тысячи сибиряков сражаются на всех фронтах за родную Сибирь, за солнечную Грузию, за Москву. В числе доблестных воинов-сибиряков есть уже немало Героев Советского Союза, награжденных орденами и медалями СССР, генералов, гвардейцев.

На героические победы фронтовиков сибиряки отвечают в тылу величайшим трудовым героизмом.

К УЧАСТИЮ СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

В. Дулов

В 1812 г., когда армия Наполеона вторглась на территорию России, Сибирь приняла активное участие в защите родины от врага.

Патриотические чувства малочисленного, но многонационального населения сибирской окраины выразились в самых разнообразных формах. Многие сибиряки приняли непосредственное участие в боях с неприятелем. Помимо 12-й сибирской дивизии численностью в 17 343 солдата, сформированной еще перед войной в основном из рекрутов-сибиряков¹, правительством в 1805 г. было решено создать в Сибири новый егерский полк². В 1808—1809 гг. сибирские части были отправлены в Европейскую Россию³ и сражались на полях Отечественной войны. В течение 1812 г. рекрутские наборы производились несколько раз, и тысячи сибиряков ушли в армию. При этом сильно увеличился процент добровольцев; по Иркутскому мешанскому обществу, например, он увеличился почти в два раза. Одновременно с формированием регулярных воинских частей и добровольческих отрядов создавались отряды народного ополчения, в которые принимались сибиряки, имевшие «полную законную свободу и право располагать собой» и были «крепки здоровьем и не слишком малолетки и престарелы». Такие ополченцы сначала «приучались и образовывались в первоначальных воинских искусствах»⁴ в сибирских городах, а затем

отправлялись на фронт и вливались в ряды московского ополчения.

Воины-сибиряки сражались исключительно храбро и отважно. В героической обороне Смоленска стойко держался Селенгинский пехотный полк, нанесший врагу значительный урон. За боевые заслуги в Отечественную войну 1812 г. сибирские полки были награждены знаменами, серебряными трубами (Сибирский уланский полк дважды) и другими знаками отличия⁵. Наиболее отличившиеся солдаты-сибиряки получили индивидуальные награды, в частности серебряные медали в честь занятия Парижа⁶.

С энтузиазмом откликнулись сибиряки, в особенности рабочие и крестьяне, на призыв создать фонд обороны отечества. Ярким примером патриотизма может служить по-

⁵ См. Алфавитный указатель части и войск, участвовавших в делах и сражениях Отечественной войны 1812 г., стр. 95—96, 104. Петербург. 1911.

⁶ В августе 1941 г. одна из таких серебряных медалей, полученная в свое время Яковом Латкиным за участие во взятии Парижа, была передана в Фонд обороны социалистического государства в великой отечественной войне против немецкого фашизма. Внесла ее внучка героя, жительница г. Абакана, Хакасской республики, А. М. Пастухова. Как сообщила газета «Правда» от 13 августа 1941 г., это пожертвование вызвало много подражаний. Передача в Фонд обороны страны серебряной медали «За взятие Парижа» символизирует глубокую связь между освободительной войной 1812 г. и великой отечественной войной советского народа против фашистских полчищ.

¹ Андриевич В. «Сибирь в XIX столетии». Ч. 1-я, стр. 85. Петербург. 1889.

² Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири И. В. Щеглова, стр. 362. Иркутск. 1883.

³ Там же, стр. 369.

⁴ Исторический архив Иркутской области, ф. Иркутской земской избы, арх. № 75, лл. 54—58.

ступок рабочего Барнаульского завода Белкина. Узнав о нашествии Наполеона, он немедленно сдал в казначейство заветанные ему отцом на «черный день» 5 руб. серебром, сопроводив свое пожертвование заявлением: «Слыща, в каком положении наша святая Русь, я рассудил, что для всех нас не может быть дней чернее нынешних, и потому, исполняя последнее желание родителя моего, прошу принять мои деньги»¹. Примеру Белкина следовали многие рабочие и крестьяне Сибири.

Иркутский губернатор, подводя итоги сбора средств для «отражения врагов отечества», отмечал, что все население «вверенной [ему] губернии спешит ознаменовать в настоящих обстоятельствах сыновнюю любовь свою и усердие к отечеству»².

Деньги в фонд отечественной обороны собирались городничими, земскими судьями, земскими избами, ратушами, городскими думами и другими учреждениями и лицами. Кампания сбора проходила при участии всех слоев населения.

«В числе сих усердствующих людей, — подчеркивает в своем отчете иркутский губернатор, — особенно отличились состоящие при Тельминской суконной фабрике не только чиновники, но даже и рабочие люди, имеющие все богатство свое в службе и тягостных трудах и принесшие на пользу отечества до 6000 рублей»³.

Такая сравнительно крупная сумма была собрана рабочими и служащими Тельминской фабрики в течение шести недель, несмотря на то что материальное положение рабочих Тельминской первой сибирской мануфактуры было отчаянное и бедность их доходила до крайности. Положение не только фабричных рабочих, но и широких народных масс Сибири в этот период было чрезвычайно тяжелым. В 1811—1812 гг. был неурожай, цены на хлеб сильно подыались. Обычная дороговизна предметов первой необходимости еще больше увеличилась. И все же взносы сибиряков в фонд обороны росли. Уже к 17 августа 1812 г. в Красноярске было внесено ремесленниками и купцами палатными 1375 руб., а всего к концу 1812 г. — 10 878 руб. 09 коп.⁴

23 августа 1812 г. селенгинский староста земских дел отправил в Иркутск 2270 руб., собранных им с жителей. Семь ремесленников внесли свои сбережения в сумме 70 рублей. Офицеры селенгинского гарнизона пожертвовали 115 руб., а бывший военный инвалид войны А. Л. Крулов отдал на оборону отечества 15 руб. золотом, скопленные им за десятки лет⁵.

Иркутские горожане в своем подписном листе писали: «Иркутские мещане, одушевленные ревностью к пользам государственным и любовью к отечеству, по убеждениям собственных чувств своих на всеобщее вооружение ополчившиеся для отражения врагов отечества нашего, при настоящих обстоятельствах всякой по мере сил и возможностей приносят в пожертвование»⁶.

Дальше идет список жертвователей: Григорий Шарангин — 25 руб., Азиз Шмулов — 50 руб., Алексей Ражкин — 25 руб., Петр Шукин — 2 руб., Коротаев — 3 руб., и другие. Всего иркутское мещанское общество внесло 5075 рублей. Больше взносы сделали каторжане и ссыльные. По всей бывшей Иркутской губернии к концу сентября 1812 г. было уже внесено деньгами, золотом, серебром и пушшиной более 50 тыс. рублей.

Иное отношение к организации фонда обороны проявило, однако, сибирское, в частности восточносибирское, купечество. Только небольшая группа купцов своевременно внесла в казначейство довольно крупную сумму, остальные не спешили со взносами или же вносили небольшие суммы. Так например крупнейший («способнейший») иркутский купец Михаил Мыльников пожертвовал... 5 руб., Иван Зайцев — 10 руб., Степан Попов — 15 руб., старшина гильдейского управления Личагов — 25 руб. (последнее он устыдился и внес еще 125 руб.). Такими же подачками отделались и другие купцы, а многие и вовсе уклонились от подписки. На этой почве между купечеством и иркутским губернатором произошел инцидент. Через полтора месяца со дня объявления сбора денег иркутский гражданский губернатор обратился со специальным указом к иркутской городской думе. В нем он выражал крайнее недовольство тем, что «купечество, преимущественно перед всеми прочими классами народа пользуясь многими дарованными выгодами и находя избыточное состояние, стяжаемое в недрах отечества под благодетельным покровом его законов, оправдующих от всякой опасности права и приобретения, остается без всякого в столь важном государственном деле достижения и не стремится с прочими участия в горячайшем стремлении на глас призывающего отечества»⁷.

По требованию губернатора, иркутские купцы вновь были созваны на собрание и после долгих уговоров согласились увеличить свои взносы.

Истинным создателем фонда государственной обороны в Отечественной войне 1812 г. были народные массы России — подлинные патриоты своей родины.

За август и сентябрь 1812 г. жители бывшей Иркутской губернии внесли в казначейство более 50 тыс. руб., а за весь год — более 170 тысяч. Кроме того в начале 1813 г. иркутянами было пожертвовано

⁶ Там же, д. № 74. Иркутская земская изба, 1812 г., л. 20.

⁷ Исторический архив Иркутской области. Иркутское гильдейское управление. 1812 г., № 1, д. № 97, св. 16, л. 271.

¹ Богданович Г. «История Отечественной войны 1812 года». Т. II, стр. 91. М. 1859.

² Исторический архив Иркутской области, фонд Иркутского гильдейского управления, д. № 97, св. 16, л. 271.

³ Там же.

⁴ Андреевич В. Цит. соч. Ч. 2-я, стр. 144.

⁵ Исторический архив Иркутской области, ф. Селенгинской городской ратуши, арх. № 174, св. 50, лл. 21, 36.

23 тыс. руб. на помощь населению, пострадавшему от нашествия Наполеона. Сумма, пожертвованная по Томской губернии, доходила до 120 500 рублей. Так что только по двум сибирским губерниям (по Тобольской губернии сведений не имеется) участие населения в фонде обороны отечества определяется крупной для того времени суммой — 300 тыс. руб., внесенных деньгами, волотом, пушшиной и другими предметами¹.

Нельзя не сравнить эту огромную сумму вклада в дело защиты отечества с пожертвованиями Библейскому обществу. Широкая кампания, проводившаяся правительством по сбору денег на издание библии в Сибири, явно провалилась. По рапорту одного сибирского чиновника, «желающих к такому пожертвованию ни одного не оказалось»².

Значительным историческим фактом Отечественной войны 1812 г. является широкое участие в создании фонда обороны многочисленных национальных «меньшинств» Сибири. Киргизы, казахи, татары, башкиры, буряты и другие азиатские народы плечом к плечу с русским народом ополчились в эту тяжелую годину на своего общего врага.

По свидетельству Иркутского губернатора, особенную активность и энтузиазм в

¹ Богданович Г. Цит. соч. Т. II, стр. 94.

² Исторический архив Иркутской области. Селенгинская городская ратуша, арх. № 174, св. 50, л. 70.

этом отношении проявило бурятское население, внесшее большое количество мяса, кож, рогатого скота и лошадей³. Так например хоринские буряты через кяхтинское казначейство передали русской армии тысячу лошадей⁴. Охотничьи племена Сибири жертвовали на дело защиты отечества пушнину.

В далекие стойбища енисейских тунгусов (эвенков) весть о захвате французами Москвы дошла только в 1814 году. Вооружившись луками и стрелами, эвенки собрались на ланях освобождать древний русский город⁵. Такого же готовности участвовать в борьбе с завоевателем Наполеоном выразили и другие народы Сибири.

Содружество народов Сибири, которое складывалось в процессе совместной жизни, в борьбе с классами-угнетателями и на почве защиты родной земли от врагов, еще больше укрепилось в годы Отечественной войны 1812 года.

³ Губернатор пишет, что «некоторые общества, особенно бурятские, частные лица и прочие состоящие, в здешней губернии обитающие, внесли в разные казначейства на предмет нового в государстве ополчения по настоящее время более 50 тыс. рублей». (Исторический архив Иркутской области. Иркутское гильдейское управление, № 1, д. № 97, св. 16).

⁴ Летописи хоринских бурят (Хроника Вандона Юмсулова), стр. 86. Изд. АН СССР. 1940.

⁵ Описание Енисейской губернии. Ч. 2-я, стр. 73. СПб. 1835.

УТОПИЯ ДЖЕРАРДА УИНСТЭНЛИ

В. Стальный

Джерард Уинстэнли, идеолог движения диггеров, является интереснейшим социальным мыслителем эпохи английской буржуазной революции XVII в., к сожалению, не достаточно еще изученным советской исторической наукой.

Не имея возможности в рамках небольшой статьи осветить деятельность Уинстэнли как руководителя истинных левеллеров, я совершенно оставляю в стороне памфлеты диггеров, принадлежащие перу Уинстэнли, и ограничусь анализом его главного произведения «Закон свободы»¹.

Небольшая группа бедняков во главе с Уинстэнли, называвших себя «истинными левеллерами», или диггерами («копателями»), выдвинулась весной 1649 г. на том этапе революции, когда трудящиеся

массы Англии стали резко проявлять недовольство и разочарование результатами революции, давшей власть буржуазии и новому дворянству — капиталистического типа.

Победа парламентской армии, казнь короля, упразднение палаты лордов и установление в начале 1649 г. республики не принесли массам никакого облегчения.

Конфискация земель кавалеров (дворян, сражающихся на стороне короля) и церковных владений и переход их в руки капиталистических элементов сопровождался насильственным захватом — со стороны новых собственников — общинных угодий, которые до того состояли в пользовании крестьян. Ряд хлебородных графств средней Англии и Севера был охвачен этими ограблениями.

Эти обстоятельства, а наряду с ними и другие, как например то, что несмотря на падение епископской власти и на торжество вначале пресвитериан, а затем и индependентов церковная десятина продолжала взиматься, как при короле, отнюдь не

¹ «The Law of Freedom in a Platform or True Magistracy Restored», London, 1651—1652. В библиотеке Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) имеется хорошо сохранившийся экземпляр.

способствовали привязанности широкой крестьянской массы к новому режиму.

Диггеры, отражавшие настроения пролетаризированной деревенской бедноты и выступившие с рядом памфлетов в графстве Серрей, недалеко от Лондона, первоначально требовали предоставления в распоряжение бедноты церковных и казенных земель. В дальнейшем они стали требовать прав на все общественные земли. Земля Англии, по их мнению, должна быть разделена на две части: все огороженные земли пусть остаются у «старшего брата» — в руках имущих классов, — земли государственные и общинные должны отойти к «младшему брату» — нищему люду. На своих землях «угнетенные бедняки» организуют общественное производство — на общественных землях они не претендуют — и просят лишь о том, чтобы государство не вмешивалось в их дела. Они надеются, что в конце концов тщеславие и жадность, помрачившие дух богатых, будут уничтожены, разум их прояснится — тогда все изгороди будут снесены и общественная обработка земель распространится на все слои населения. Диггеры сделали попытку создать свою общину на холме св. Георгия в графстве Серрей.

Аграрный коммунизм диггеров был проникнут эгалитарными тенденциями, характерными для всего крестьянско-плебейского движения в феодальном обществе. Эта «уровниловка», — указывает И. В. Сталин, — имеет своим источником крестьянский образ мышления, психологию делжки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского «коммунизма»¹. Требование предоставления «угнетенным беднякам» Англии прав на общинные земли, оближавшее диггеров с общинным коммунизмом религиозных сект средневековья, для Уинстэнли являлось лишь программой-минимум. Через два года после того, как все попытки диггеров осуществить свои идеи потерпели крах, Уинстэнли представил в развернутом виде свой план коренного переустройства Англии на основах коммунизма.

О самом Джерарде Уинстэнли сохранились крайне скудные биографические сведения. Исследователь движения диггеров Беренс, в книге «The Digger movement» сообщает, что, по его изысканиям, Уинстэнли родился 10 октября 1609 года в местечке Вигант в графстве Ланкашир. В метрических книгах под этим числом есть запись: «Gerrard Winstanlie, son of Edward Winstanlie». Некоторые указания о прежней жизни Уинстэнли мы находим в его памфлете «A Watchward to the city of London and army» («Предостережение городу Лондону и армии»), появившемся в августе 1649 года. Повидимому, первоначально он был мелким торговцем в Сити.

Обращаясь к Лондону, он пишет: «...некогда я был свободным гражданином, но бесчестные представители воровского искусства купли и продажи и обременительные налоги на войну заставили меня бросить свои занятия и принудили принять помощь друзей. Поэтому я вынужден жить в деревне, где налоги и солдатские посты оказались слишком тяжелыми для моей спины и довели меня до окончательного разорения»².

Все же, сообщает он, все эти прошедшие годы гражданской войны он готов был всеми средствами способствовать внешнему и внутреннему миру Англии. Но ему пришлось убедиться в том, что люди, называвшие себя на словах его единомышленниками, в конце концов оказывались его противниками. И вот «не больше года тому назад», — рассказывает Уинстэнли, — сердце мое наполнилось усладительными мыслями и мне открылось много, чего я никогда не читал в книгах и не слышал из уст людей, а когда я стал говорить об этом, некоторые не хотели слушать моих слов. Одной из этих мыслей была та, что земля должна быть превращена в общую сокровищницу всех людей без всякого различия... Тогда я написал небольшую книгу, называвшуюся «Новый закон справедливости», в которой провозгласил это. Затем я взял свою лопату и стал копать землю на холме св. Георгия»³.

Здесь же Уинстэнли сообщает, что, прежде чем был напечатан «The New Law of Righteousness», он в 1648 г. опубликовал ряд своих статей по религиозным вопросам.

Поскольку идеи, развиваемые Уинстэнли в этих статьях, дают известное представление о философских основах его мировоззрения, кратко на них остановимся.

В своих произведениях «The Mistry of God» («Гайна бога») и «The Breaking of the day of God» («Нарушение дня божия»), вышедших в 1648 г., Уинстэнли резко нападает на церковь и утверждает необходимость внутреннего созерцания (inward light) как способа непосредственного общения с богом. У него нередко встречается положение, что «бог — это разум». Мало того, человеческий разум рассматривается Уинстэнли как «эманация священного духа разума». Библия толкуется им крайне рационалистически. Библейские предания для него являются символами, аллегориями. Так, по его мнению, сад Эдем — это человеческий дух, змей — это себялюбие, под влиянием которого человеческий дух начинает служить плоти.

По отношению к религиозным воззрениям Уинстэнли вполне применимы слова Энгельса, сказанные им о Томасе Мюнцере: «Под христианскими формами он проповедует пантеизм, обнаруживающий замеча-

¹ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 37. Партиздат. 1937.

² Цит. по Berens. «The Digger movement», стр. 41—42.

³ Berens, op. cit., стр. 113.

тельное сходство с современными спекулятивными воззрениями и местами сопрягающийся даже с атеизмом»¹. Таких же, по существу пантеистических, воззрений придерживался и Уинстэнли. Особенно это ярко проявилось в его основном произведении — «Закон свободы». Здесь он полемизирует против учения о сверхчувственном (или, как он называет, «Divining doctrine») и вскрывает противоречие между теорией и практикой «спиритуалистических жрецов». Он доказывает, что учение о сверхчувственном возникло в результате слабости духа, что оно отупляюще действует на людей «и во многих случаях доводит их до безумия»². Он дает, далее, блестящую характеристику классовой сущности религии, рассматривая религию как социальный институт. Учение о сверхчувственном, по его мнению, превращено господствующими классами в политическое средство для того, чтобы отнять у «простодушного младшего брата земельные вольности»: «Это сверхчувственное, спиритуалистическое учение — не что иное, как обман, ибо в то время, как люди смотрят на небо, мечтая с блаженстве или опасаясь ада, ожидающего их после смерти, у них отнимаются глаза для того, чтобы они не могли видеть свои прирожденные права и задачи, ожидающие их во время земной жизни. Это учение — отвратительная фантазия, подобная туче без дождя» (стр. 62). Для познания мира совсем не надо обращаться к стоящему над миром духу. «Знать тайны природы, — пишет Уинстэнли, — это значит знать творения божьи, а познавать творения божьи — это значит познавать самого бога, ибо бог живет в каждой видимой вещи, в каждом видимом теле. В самом деле, знать сущность вещей — это знать, как дух или власть разума и жизни являются причиной движения и роста, как они пребывают внутри и управляют множеством звезд и планет на небесах и многими вещами на земле, как травы, растения, рыбы, звери, птицы и человечество» (стр. 59). В «Законе свободы» Уинстэнли выступает перед нами как мыслитель, чрезвычайно враждебно относящийся к тому, что он называет схоластической, книжной ученостью (knowledge of the scholars). В школах проектируемой им республики должна быть изгнана всякая «фантастика» и обучение должно основываться на передаче практических знаний.

Обращаясь к высказываниям Уинстэнли по социальным вопросам, надо отметить, что он чрезвычайно повторяется во всех своих произведениях. Одни и те же мысли, нередко выраженные в одинаковой формулировке, встречаются почти во всех памфлетах. О системе идеи Уинстэнли приходится говорить условно. Только в «Законе свободы» можно найти некоторую последовательность в изложении взглядов.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 137—138.

² «The Law of Freedom», стр. 61. В дальнейшем ссылки на «Закон свободы» и указания страниц будут даваться в тексте.

Литературные источники идеи Уинстэнли установить трудно. Сам он ссылается только на Библию. Судя по его произведениям, он был человеком начитанным и, по всей вероятности, был знаком с «Утопией» Томаса Мора. Все же основным источником, откуда он черпал свои идеи, являлась окружающая действительность с ее противоречиями, дававшая ему богатый материал для наблюдения и размышлений. Несмотря на очевидное влияние на Уинстэнли «Утопии» Мора, он является, несомненно, вполне оригинальным мыслителем.

Центральной идеей Уинстэнли, пронизывающей все его учение, является мысль о том, что основной причиной всех социальных зол: нищеты, войн, преступлений и т. п. — является частная собственность на землю, которая ведет за собой возможность порабощения одних лиц другими. Королевская власть существует только для того, чтобы охранять мечом и тюрьмами частную собственность. Наряду с этим мы встречаем утверждение, что творец — разум — всех людей создал равными; что право на землю для всех является прирожденным; что в начале творения не было ни бедных, ни богатых; что земля не покупалась и не продавалась: она принадлежала всем. Каким же образом человечество утратило это первоначальное состояние, когда любовь и благоденствие процветали над миром?

Начало разделения общества на классы иногда объясняется Уинстэнли совсем в духе французского рационализма XVIII в. — невежеством одних и хитростью других (стр. 27). Происхождение социального зла имеет у Уинстэнли как бы двойное объяснение. Одна теория гласит, что источником появления огороженной земли и королевской власти является завоевание Англии норманнами во главе с Вильгельмом Завоевателем, который роздал земли своим приближенным и превратил английский народ в зависимых держателей земли. Другая теория попросту повторяет библейскую легенду о грехопадении человечества, об изгнании его из земного рая, рассматриваемого Уинстэнли как эпоха, в которой земля была общей сокровищницей всех людей. В обеих концепциях Уинстэнли исходит из некоего естественного состояния, из идеи естественных (прирожденных) прав, утраченных человеком: в первом случае — в результате завоевания, во втором — после грехопадения. Следует заметить, что обе изложенные теории, а также учение о естественном праве имели широкое распространение в Англии XVII века. Мысль, что природа и разум человека обладают определенными свойствами, установленными искони, — свойствами, которым может соответствовать только «естественный порядок вещей», по тем или иным причинам утраченный человечеством, развивалась в эту эпоху и передовыми представителями буржуазии Нидерландов и Франции. XVII и XVIII века — время расцвета этой идеи. Все авторы, стоявшие на точке зрения естественного права, полагали, что задачей человечества является

устройство своей жизни соответственно понятой данным автором природе человека. Каждый публицист и философ вкладывал в понятие природы человека свое понимание общественного идеала. Если обратиться к писателям английской революции XVII в., то большинство из них для обоснования своей программы ссылаются на прирожденные права. Так, левеллеры, подчеркивая, что единственным источником власти парламента является воля народа, обосновывали это положение мыслью о первичном свободном существовании британцев. Ссылка на прирожденные права имеется и в тексте левеллерского «Народного соглашения, представленного совету армии» 28 октября 1647 года, и в других документах. Мысль об утрате исконных народных вольностей, как результате норманского завоевания, также часто встречается у левеллеров. На эту тему имелись даже специальные памфлеты John Hage под названием: «Дух св. Эдуарда или антинорманизм: патетическая жалоба нашей английской нации против грандов, все еще пренебрегающих жалобами на норманизм» и «Норманское иго, однажды установленное и т. д.»¹. Точно так же и идея грехопадения как источника всех бедствий для человечества была в те дни достаточно распространена. Такой крупный индепендентский публицист, как Мильтон, в своем трактате «О праве королей и сановников», написанном в 1648 г., говорит, что «нельзя найти глупца, который решился бы утверждать, что люди не рождены свободными. Созданные по подобию божию, они призваны повелевать земными тварями, а не повиноваться рабски. Вплотне свободными остались бы они навсегда, если бы не случилось грехопадения. Оно сделалось источником беззаконий и несправедливости»². Таким образом, можно констатировать, что подобными идеями Уинстэнли ничего нового не вносит. Они были общеизвестны в его время, ему оставалось лишь использовать их в своих целях. Но можно ли считать, что все эти теории были восприняты им, так сказать, механически, что они не были увязаны им в единую систему? В этом вопросе я не могу согласиться с В. П. Волгиным, который полагает, что у Уинстэнли «два срока» грехопадения остаются несогласованными³. Эти два, казалось бы, различных объяснения, имевшие широкое распространение в Англии XVII в., у Уинстэнли между собой увязаны. Прежде чем один народ мог быть завоеван другим, по мнению Уинстэнли, должно было уже произойти грехопадение человечества, т. е. появление купли и продажи земли, частной собственности, наси-

лия одних людей над другими, которые и привели к войнам одних народов против других. Так увязываются у Уинстэнли две, казалось бы, различные теории происхождения общественных зол. В том, что он отнюдь не считал идеальными порядки, царившие в Англии до норманского завоевания, не считал их тождественным с тем, что существовало до грехопадения, убеждает нас, например, его письмо генералу Ферфаксу от 9 июня 1649 г., которое заканчивается следующими словами: «Реформа, к которой стремится теперь Англия, должна не только уничтожить норманское иго и вернуть управление к тем законам, которые существовали до прихода Вильгельма Завоевателя, не это есть цель, которой мы добиваемся: нам нужна реформа соответственно миру бога и тому, что было чистым законом справедливости перед грехопадением»⁴. Собственность существовала и до норманского завоевания, мало того: имелась, очевидно, на основе общественного договора и королевская власть, которая, однако, еще не носила феодального характера. Что поместное землевладение и классы существовали и до завоевания, показывает следующий отрывок из «Нового подарка парламента и армии»: «Во время завоевателя, который пришел и правил властью меча, не только общинные земли, но и огороженные (inclosures) были пленены этим королем. Позднее король гарантировал свободу джентри, большую, чем они имели после завоевания; все же они находились еще в рабстве, и джентри и простой народ страдали под его игом»⁵. То есть Вильгельм Завоеватель установил не вообще собственность и власть, которые существовали до него, а лишь абсолютизм и феодальную реформу собственности. Хотя критика частной собственности вообще переплетается у Уинстэнли самым тесным образом с критикой абсолютизма, все же можно заметить, как в смутной форме требования возврата не к донорманским порядкам, а к порядкам, существовавшим до грехопадения, у него пробивается мысль о том, что происходящая революция должна быть направлена не только против феодального строя — с монополиями, прерогативой и властью лорда-манора, — но и против укрепляющегося капиталистического общества — с буржуазной собственностью и экспроприацией трудящихся масс. Здесь проходит водораздел, отделяющий Уинстэнли от вождя левеллеров Лильберна, который, представляя интересы мелкой буржуазной демократии, считал, что предлом революции является ликвидация остатков феодализма. Выставляя революционно-демократические требования, левеллеры в то же время категорически выступают в защиту частной собственности. «Парламент обязуется за себя и за будущие парламенты воздерживаться от уничтожения собственности, уравнивания состояния или введения коммунизма», — читаем мы в пе-

¹ См. M. James «Social problems and policy during the puritan revolution 1640—1660», p. 103. London. 1930.

² Цит. по Ковалевскому «От прямого народоправства к представительству». Т. II, стр. 259, 260.

³ См. Волгин В. «История социалистических идей». Ч. 1-я, стр. 170.

⁴ Letter to Lord Fairfax, стр. 13.

⁵ «A New year's gift to Parliament and the Army». 1650, p. 18.

тиции, поданной в сентябре 1648 г. лондонскими левеллерами в парламент. В одном из своих наиболее ярких манифестов (от 14 апреля 1649 г.) левеллеры заявляли: «У нас никогда не было в мыслях уравнять состояния людей, и наивысшим нашим стремлением является такое положение республики, когда каждый с наибольшей обеспеченностью пользуется своей собственностью»¹. Как известно, Лильберн, находясь в тюрьме, заявил энергичный протест против предположения, будто он разделяет «ошибочные взгляды бедных копателей на холме св. Георгия». Таким образом, мелкобуржуазные демократы спешили отмежеваться от коммунистических взглядов диггеров, или «истинных левеллеров». Предшественники современного пролетариата появлялись на исторической арене с идеями, не только глубоко враждебными господствующим классам, но отделенными резкой чертой от программы даже наиболее радикальной мелкобуржуазной демократии.

Замечательная книга Джерарда Уинстэнли, озаглавленная «Закон свободы, изложенный в виде программы, или восстановление истинной системы правления», вышла в свет в феврале 1652 года.

«Закон свободы» посвящается Оливеру Кромвелю, всем англичанам, а через них всем народам мира.

В этом сочинении, как гласит подзаголовок, объясняется сущность как королевского, так и республиканского правительств.

Памфлет начинается обширным предисловием (на 16 страницах), обращенным к Кромвелю. Здесь резко критикуется весь современный ему общественный строй Англии.

Большинство народа задает вопрос: «за что боролись» люди из народа, теряли свою жизнь в борьбе, разорялись, а господ над ними стало еще больше, чем было прежде? Некоторые из народа говорят, что обещания, присяги, обязательства делались только для того, чтобы втянуть простой народ в войну. Теперь, когда война закончена, народ обманут и обещания не выполнены. Ополчась на командиров армии, которые только кормили народ обещаниями, но ничего не дали ему, Уинстэнли восклицает: «Эти офицеры — неверные республиканские солдаты; они худшие воры и тираны, чем король, которого они изгнали» (стр. 6). Он яркими красками рисует картину все еще продолжающегося произвола помещиков, проявляющегося во взаимности с крестьян платы «за доступ» (fine) и платежей натурой (herriot), закрытии всякого доступа к земле иначе как под условием уплаты высокой ренты и в лишении права свободного пользования общинными землями. Наряду с картиной остатков старинного феодального гнета Уинстэнли рисует и другую, более недавнего происхождения. «В приходках, где находят-

ся общины, — указывает Уинстэнли, — богатые норманны-фригольдеры или новые, еще более жадные джентри чрезмерно переполняют (overstock) общинные пастбища овцами и скотом, так что давнешние держатели (tenants) и бедные труженики едва могут держать корову, так как она наполовину погибнет от голода. Итак, бедные, как были, так и остались бедными; они не имеют даже той помощи, на которую могли рассчитывать, когда король (или завоеватель) стоял у власти» (стр. 8). Революция ничего не принесла трудящимся массам: «Разве это — не рабство, говорит народ, если мы должны просить милостыню у своих братьев, делать на них за поденную плату тяжелую и грязную работу, или умирать с голоду, или красть, сбиться с пути и быть повешенными как люди, непригодные для жизни на земле, хотя в Англии земли достаточно, чтобы прокормить в десять раз больше народа, чем в ней есть...» (стр. 9). Далее, исходя из теории естественного права и победы революции, Уинстэнли обосновывает право простого народа на землю.

Однако для Уинстэнли как для утописта характерно, что, признавая необходимость насилия по отношению к королю, чтобы восстановить «прирожденные естественные права простого народа на землю», он не считает в то же время возможным применять насилие по отношению к «старшему брату», т. е. к имущим группам буржуазного типа. Никого не следует принуждать к вступлению в проектируемое коммунистическое общество, так как вначале многие будут против него (стр. 14). Сознывая довольно четко, что поведение общественных групп зависит от их интересов, Уинстэнли тем не менее считает, что «старших братьев» можно только убеждать в несправедливости существующего строя и в том, что все выиграют от уничтожения несправедливых порядков. Уинстэнли сообщает, далее, что он еще два года тому назад выработал предлагаемый план, на основании которого могут быть установлены справедливые порядки. Сперва он не собирался публиковать его, но в конце концов внутреннее горение заставило его сделать это. Возможно, что не все предлагаемое им правильно, но пусть Кромвель поступил подобно пчеле, высасывающей из цветка мед. «Хотя этот план подобен плохому обтесанному бревну, все же опытный рабочий может попытаться сделать на основании его прекрасную постройку» (стр. 11).

Уинстэнли выступает как типичный утопист, не видящий перед собой реальной исторической силы, способной осуществить его программу, и обращавшийся за этим то вообще к разуму человеческого, то к властям, то к отдельным влиятельным личностям. Уинстэнли обращается к Кромвелю с призывом немедленно принять меры к тому, чтобы «земли, почитаемые принадлежностью всего государства, эти старинные общие земли и пустоши всего английского народа, а также все недавние приращения к ним, как то: церковные земли, конфискованные у короля парки и лесные — были

¹ Джон Лильберн. Памфлеты, стр. 99. Соцэкгиз. 1937.

объявлены свободными для устройства общин тем, кто жертвовал кровью и имуществом для их завоевания, а также всем желающим примкнуть» (стр. 14). Если Кромвель не пойдет по этому пути, то слава, которую он снискал своей мудростью, поблекнет навсегда и честь его будет запятнана. Он погибнет сам или проложит дорогу еще большему рабству, чем то, которое господствовало до сих пор. Далее, Уинстэнли, обращаясь к «дружески настроенному и свободному от предрассудков (unbiased) читателю», заявляет, что считает необходимым дать краткое изложение своей системы в целом. Он говорит, что его программа «провозглашает правительство без купли и продажи земли и законы свободной и мирной республики... Каждое семейство будет жить порознь, как теперь... Каждое ремесло будет улучшено значительно больше, чем теперь, дети будут воспитываться и обучаться в подчинении родителям и старшим больше, чем теперь. Земля будет обрабатываться, и плоды будут сниматься и относиться в склады общими усилиями всех семейств. Богатство складов будет общей собственностью каждой семьи. Не будет ни ленивых, ни нищих в стране... Республиканское правительство соединит весь народ в одном сердце и уме» (стр. 15—16). На этом заканчивается обширное предисловие Уинстэнли, и он приступает к описанию будущего общества.

Детали коммунистического строя, однако, не очень интересуют его, и описание его в книге занимает гораздо меньше места, чем рассуждения. План общественного устройства он излагает только начиная с IV главы. Первые три главы «Закона свободы» посвящены исследованиям вопроса «в чем заключается истинная свобода». «Истинная свобода,— по словам Уинстэнли,— состоит в том, чтобы человек получал пищу и все, что нужно для сохранения жизни, другими словами, в пользовании землей... Лучше человеку не иметь тела, чем не иметь пищи для него. Поэтому отнятие земли одним братом у другого есть угнетение и рабство, а свободное пользование ею — истинная свобода» (стр. 17—18). В противоположность Т. Мору, который в «Утопии» совершенно не отводил места для рассмотрения вопроса о наилучшей форме правления, Уинстэнли подробно говорит «о сущности правительства вообще» (так озаглавлена у него II глава) и о том, «откуда оно произошло» (глава III). Уинстэнли не мыслит себе будущего общества без власти, однако она должна радикально различаться от существующей до сих пор. Он не является, следовательно, противником централизованного управления, как это можно было бы судить по выступлениям диттеров: он лишь против власти, угнетающей народ. Вообще же существование управления (magistracy), по его мнению, вполне целесообразно, когда оно направлено к общему благу. Осуществление коммунистических отношений Уинстэнли связывал с определенной политической формой — с рес-

публиканским строем, в котором все чиновники должны быть выборными.

«Истинные республиканские чиновники выбираются теми,— пишет Уинстэнли,— кто нуждается в них и кто судит их за их работу» (стр. 34). Все должностные лица в республиканском государстве должны ежегодно переизбираться: «Если общественные чиновники долго остаются у власти, они перестают быть скромными, честными и заботящимися о своих братьях и одеваются в одежды жадности, гордости и тщеславия. Больше посты в государстве и в армии изменили характер многих благородных людей. И природа учит нас, что вода портится, когда долго стоит, а между тем проточная вода всегда остается свежей и пригодной для общего пользования» (стр. 36). Однако во всеобщее избирательное право Уинстэнли вносит некоторые ограничения. Так, пассивного избирательного права должны быть лишены все негражданские личности, к каковым Уинстэнли причисляет пьяниц, смутьянов, трусливых, невежественных людей, которые боятся говорить правду, чтобы не рассердить других, и болтунов. Все эти бессодержательные люди не могут быть избираемы должностными лицами республики, но все же могут иметь голос при выборах. Однако есть категория, которая лишена и активного и пассивного избирательного права. Это, по определению Уинстэнли, «все те, кто заинтересован в монархической власти. Они не должны ни избирать, ни быть избранными, так как они не могут быть друзьями народной свободы» (стр. 37). Также те, кто так поспешно покупал и продавал республиканские земли, не должны ни избирать, ни быть избранными (стр. 38), т. е. в свободной республике должны быть лишены политических прав приверженцы старой власти и спекулянты. Здесь мы видим в зачаточной форме мысль о диктатуре трудящихся — идею, которую через полтора столетия развивает Бабеф.

На государственные должности Уинстэнли рекомендует избирать людей, страдавших при абсолютизме, так как они будут друзьями других угнетенных, а также тех, кто принимал участие в гражданской войне, рискуя своей жизнью и достоинством, освобождая страну от рабства; и, во всяком случае, «людей смелых, которые не боятся говорить правду, так как позор для Англия в наши дни, что многие имеют рабский страх перед людьми». Избирать имеют право все, достигшие 20 лет, быть избранными — только имеющие 40 лет. «Если будет избран бедный человек,— пишет Уинстэнли,— то следует оказать такому человеку ежегодную поддержку из общественных средств, пока не упрочится республиканская свобода, когда уже никто не будет нуждаться в такой поддержке» (стр. 39). Очевидно, Уинстэнли предполагал, что будет какой-то переходный период между современными ему общественными порядками и проектируемым им коммунистическим обществом, во время которого будут

действовать и ограничение избирательного права и поддержка бедноты.

IV глава посвящена описанию политического устройства нового общества. У Уинстэнли, так же как в «Утопии» Мора, семья, основанная на полной свободе брака, является основной ячейкой производственной и общественной жизни нового государства. В соответствии с этим отец семьи — это политическая должность, он является как бы низовым общественным чиновником, на него возлагается обязанность воспитывать своих детей, пока они вырастут, и обучать их ремеслам и обработке земли (стр. 40). Производство в республике носит характер мелкого производства, связанного с семьей, что понятно, так как крупные мануфактуры в эпоху Уинстэнли еще не были широко распространенным явлением. Правда, у Уинстэнли есть отступление. Для целей педагогических общество содержит мастерские, где получают подготовку мальчики, которые почему-либо не могут или не желают обучаться ремеслу в семье своего отца. Той грани, которую проводит Томас Мор между ремеслом и сельским хозяйством, у Уинстэнли нет. Каждый обязан трудиться до 40 лет в той отрасли, в которой он сам пожелает. Труд в республике Уинстэнли, будучи обязательным, но является индивидуальным: он организован в пределах общины. У Уинстэнли нет никаких указаний на то, что производство должно регулироваться в общегосударственном масштабе, — идея, которую мы находим у Мора. Община выделяет из своей среды специальных инспекторов-надсмотрщиков, постоянно наблюдающих за производством отдельных семей. Распределение продуктов носит общественный характер. Каждая семья поставляет продукты своего производства в общественные магазины и берет из них все, что ей необходимо как для личного потребления, так и для производства. Но Уинстэнли далек от практики мюнстерских анабаптистов с их потребительским коммунизмом. «Должен ли каждый человек считать дом ближнего как бы своим и жить с ним вместе, как в одной семье? Нет, — отвечает Уинстэнли, — хотя земля и склады общие для всех семей, но каждая семья должна жить отдельно, как и до сих пор; дом, жена, дети, домашняя утварь, все, что человек взял из складов для удовлетворения необходимых потребностей этой семьи, — все это составляет собственность этой семьи для мирного пользования им».

Уинстэнли ярко рисует картину нового общества: «Земля должна быть обрабатываемая, плоды ее должны быть собираемы и свозимы в склады и житницы трудами каждой семьи. Если какой-нибудь человек или семья нуждаются в зерне или других припасах, они могут идти в склады и получать там без денег. Если они нуждаются в лошади для езды, они едут летом в поле, а зимой в общественные конюшни и получают лошадь от надсмотрщиков; когда их поездка окончена, они отводят лошадь об-

ратно туда, где ее взяли, не уплачивая за это денег. Если кто-либо нуждается в пище или съестных припасах, он может пойти либо в лавку к мяснику и получить там, что ему нужно, без денег, либо к стадам овец или рогатого скота, где он может взять и зарезать, что ему нужно для его семьи, без покупки и без продажи. Все богатства земли, должны быть общим имуществом на следующем основании: уход за землей и все работы на ней производятся общим трудом всех семей, без купли и продажи... Повсюду в городах и деревнях должны быть устроены склады, куда сносятся все земные плоды и другие вещи, приготовленные ремесленниками, и откуда они выдаются для употребления по мере надобности отдельным семьям и лицам. Или же они отправляются на кораблях в чужие страны в обмен на те вещи, которые наша страна не хочет или не может производить. Ибо все труды земледелия и ремесел внутри страны и все сношения с другими странами должны производиться на пользу общественного имущества. И так как каждый работает на общественное имущество, то каждый должен свободно пользоваться всеми продуктами, находящимися на складах, для своего удовлетворения и счастливой жизни без купли-продажи и без какого-либо стеснения» (стр. 74—75). Таким образом, коммунизм Уинстэнли не уравнилельный: распределение продуктов происходит у него, так же как у Мора, по потребностям. Однако если замечено, что семья выработывает в течение известного промежутка времени меньше, чем она может произвести, и берет из складов больше, чем ей необходимо, то соответствующий надсмотрщик делает главе семьи первый раз простое замечание, а при повторении на виновного накладывается более существенное наказание. Такие же меры применяются к тем, кто портит материалы, орудия или инструменты. Из приведенного отрывка, далее, следует, что торговля воспрещена абсолютно. Денег не существует. Золото и серебро употребляются не для чеканки монет, а только для изготовления домашней утвари (стр. 85). Исключение делается для торговли с другими странами. Учреждается государственная монополия внешней торговли. Продукты вывозятся и ввозятся на судах, принадлежащих государству, за счет общественного капитала (stock). Прибылью пользуются общественные магазины.

Нарисовать картину обобществленной в крупных размерах внешней торговли Уинстэнли было нетрудно, так как практика тогдашних монопольных компаний дала для этого прекрасный материал. Несмотря на то что производство в республике Уинстэнли обобществлено только в пределах общины, коммунизм Уинстэнли должен быть признан централистическим, так как организация принудительной власти сохраняется и имеет централизованный характер. Основной административной единицей является город, местечко или община. Такая административная единица имеет следующих должностных лиц: троих, четверых или ше-

стерых мировых посредников (соответственно величине общины), четыре рода инспекторов-надсмотрщиков, солдат, так называемого мастера и палача. Мировые посредники управляют общими делами общины и выполняют судебные функции. Первые три категории надсмотрщиков наблюдают за общественным спокойствием, инспектируют ремесло и общественные склады-магазины. Четвертый род, надсмотрщиков — это люди, достигшие 60 лет и этим самым ставшие главными инспекторами (*general overseer*) над общественной жизнью вообще. Они следят за выполнением законов, они имеют право контролировать и привлекать всех должностных лиц к суду за невыполнение долга. Зовутся они «старши» (*elders*) (стр. 46). Солдаты, выполняющие в мирное время функции милиции, так же как и остальные должностные лица, ежегодно переизбираются, ибо «солдат — такой же чиновник, как всякий другой». Солдаты полностью подчинены гражданским властям. Обязанности так называемого мастера (*task-master*) заключаются в том, чтобы следить за выполнением приговора суда над теми, кто утратил свободу, назначать им работу и следить за ее выполнением (стр. 47). В связи с этим надо заметить, что в идеальной республике Уинстэнли имеется категория, несколько напоминающая рабов «Утопии». Это люди, лишённые по суду свободы и приговоренные к году принудительных работ за нарушение законов республики. Такого рода наказанию подвергается тот, кто соблазняет другого продать или купить что бы то ни было, кто продает свой труд или покупает чужой, кто называет землю «своей» (в последнем случае наказание усугубляется тем, что на лбу осужденного выжигаются его слова). Так же как Мор, Уинстэнли нередко называет этих людей «рабы» (*serves*), но чаще «слуги» (*servants*). Они обязаны исполнять всякого рода труд, какой им будет предложен, в том числе и обязанности прислуги в семье; они неправы вернуться к прежнему, свободному состоянию ранее чем через 12 месяцев. Во время отбывания наказания они обязаны носить белую одежду в отличие от прочих граждан (стр. 87). Существует также должность палача (*executioner*) (о котором не упоминают в своих работах о диктерах ни Эд. Бернштейн, ни Беренс), так как смертная казнь не уничтожена в республике Уинстэнли. Лишением жизни карается изнасилование женщины, открытое восстание с целью восстановления «королевской собственности» и продажа или покупка земли и ее плодов (стр. 84). Все это очень мало похоже на «непротравление злу», сторонником которого Беренс старается представлять Уинстэнли.

Следующей за городом или приходом административной единицей является графство. В пределах графства высшей властью является сенат или судебная палата (*Judge-court*), составленная из судей, мировых посредников городов, расположенных в графстве, надсмотрщиков и отряда солдат в за-

седающая поочередно четыре раза в год в различных округах графства (стр. 49). Таким образом, Уинстэнли ничего не изменяет в административном делении страны, существовавшем в его время. Он пользуется уже исторически сложившимися условиями. Это очень характерно для Уинстэнли. Он целиком стоял на английской почве и пытался строить будущее общество из того материала, который был у него под руками. Возглавляется республика «высшей палатой справедливости», — парламентом, который «наблюдает за всеми другими учреждениями и действиями должностных лиц и, обладая всей полнотой власти, являясь представителем всей страны, устраняет всякое недовольство и улучшает жизнь народа, который угнетен».

Основную задачу парламента Уинстэнли видит в поддержке социально-слабых элементов, так как, замечает он, «сильные, или пользующиеся тиранической властью, не нуждаются в защите» (стр. 50). В соответствии с этим в переходный период от тиранической власти к свободной республике парламент должен провести ряд мероприятий, которые тут же подробно перечисляются. Парламент должен также заботиться о сохранении мира. В случае нападения на Англию парламент, мобилизовав армию, должен в то же время послать своих представителей во враждебную страну, чтобы побудить ее к миру (стр. 55). Республиканская армия может быть направлена не только против внешних врагов, но против всех, кто покушается на республиканский порядок. «Как в дни монархии, — пишет Уинстэнли, — армия употреблялась для укрощения всех, кто боролся против королевской собственности, так же в дни свободной республики армия должна употребляться для сопротивления и подавления всех, кто пытается восстановить королевское рабство» (стр. 65).

Уинстэнли проектирует централизованную организацию республиканской прессы. Республиканской информацией должны заведывать так называемые почтмейстеры. В каждом приходе выбирается два таких «информатора». Они собирают повсюду сведения о замечательных происшествиях (о явлениях природы, о несчастных случаях, восстаниях, открытиях и т. д.) и отсылают их в столицу. Там имеется четыре главных «почтмейстера», которые эти сведения приводят в порядок, группируют помесячно и печатают в виде книг. Затем эти книги рассылают «информаторам» всех общин страны, которые обязаны сообщить содержание книг членам своей общины (стр. 63—64). В республике Уинстэнли господствует полная свобода религиозных убеждений. Его республиканское духовенство (*ministry*) — не служители какого-либо культа, а скорее своеобразные деятели политического и культурного просвещения. Республиканское духовенство должно заботиться о соблюдении еженедельного отдыха и устраивать в этот день собрания, на которых оно: 1) сообщает содержание

полученных «почтмейстером» отчетов о различных делах страны; 2) читает отдельные главы из свода законов страны, для того чтобы граждане всегда помнили их; 3) читает лекции по истории Англии и других стран, по вопросам искусства и науки, по естественной истории, о природе человека, о его слабостях и силе, «о внутреннем и внешнем рабстве» и т. п. Лекции не всегда должны читаться на английском языке, но иногда также и на иностранных языках, для того чтобы граждане английской республики могли учиться у своих соседей и приобрести любовь и уважение последних (стр. 55—57).

V глава «Закона свободы» посвящена «воспитанию человечества в школах и на производстве». Законы республики требуют, чтобы не только отец, но и все надсмотрщики и чиновники интересовались воспитанием детей и наблюдали, чтобы дети обучались тому или иному ремеслу и чтобы не было в общинах детей, проводящих время в праздности. До известного возраста дети обучаются отцом, а затем посылаются в общественные школы, где изучают законы республики, знакомятся с ремеслами и иностранными языками. Уинстэнли, как уже приходилось отмечать, весьма враждебно относился к книжной учености (knowledge of the scholars). Ни одна группа детей не должна заниматься только книжной наукой. Все без исключения должны получать также техническое образование. В обществе не должно быть касты чисто книжных ученых, считающих себя выше своих братьев. «Поэтому, — замечает Уинстэнли, — чтобы предупредить ленность и опасность макиавеллевского обмана, выгоднее для республики, чтобы дети вовлекались в ремесло и вообще в физические занятия так же, как в изучение языков или истории. И если мальчики занимаются изучением ремесла, то девочки — чтением, шитьем, вязанием, ткачеством, прядением льна или шерсти, музыкой и другими легкими работами. Они работают по снабжению общественных складов одеждой или по украшению частных жилищ» (стр. 68). Точно так же как многие более поздние социалисты-утописты, Уинстэнли развивает мысль о быстром росте производительных сил в проектируемом им обществе. Общество должно содействовать людям, способным совершенствовать ремесла и искусство. Надсмотрщики должны прилагать все усилия, чтобы новые изобретения были широко распространены (стр. 71).

В VI главе, которой заканчивается книга, Уинстэнли подробно рассматривает вопрос о роли закона в государстве и утверждает, что старые, королевские законы не могут служить свободной республике (стр. 76). Закон, по определению Уинстэнли, — «это правила, которыми люди управляют в своих действиях для сохранения общего мира» (стр. 78). Законы должны быть кратки и выразительны, чтобы их мог знать весь народ. Тут же Уинстэнли пытается дать пример такого законодательства.

Он предлагает в виде четко разработанных 62 параграфов проект основных законов, на которых должна быть построена республика (стр. 81—89). Законы Уинстэнли в сжатом виде резюмируют то, о чем уже говорилось в тексте. Все наиболее важные стороны общественной жизни охвачены законопроектом. Впервые в истории социалистической мысли идея коммунистического общества была изложена не в форме рассказа о строе, существующем в какой-то фантастической стране, а в виде детального, разделенного на статьи законопроекта. Тут Уинстэнли на сто лет опередил Морелли с его «Образцом законодательства, согласно с намерениями природы» и на 150 лет — Бабефа, предлагавшего на другой день после переворота ввести в действие проекты своих декретов.

Система взглядов Уинстэнли своими исходными теоретическими положениями имела идею естественного права об исконном равенстве всех людей, о праве каждого человека на землю и признание труда единственным источником богатства. Если идея естественного права была широко распространена в его время, то мысль о труде как единственном источнике богатства вряд ли могла быть почерпнута Уинстэнли из какой-либо литературы. Во всяком случае, обе эти идеи привели его к мысли, являющейся для него центральной, — признанию частной собственности на землю основным источником всех социальных зол и бедствий. Однако не следует думать, что коммунистическая система Уинстэнли возникла из какого-либо логического рассуждения. Сама живая действительность, с ее противоречиями, наталкивает Уинстэнли на мысль, что корни классового расслоения общества на богатых и бедных, на управляющих и подчиняющихся, что причину всех народных страданий надо видеть в частной собственности на средства производства, и главным из них — земли. Экспроприация крестьянства, принявшая к XVII в. значительные размеры, давала Уинстэнли яркие примеры. Но он не остановился на этом. Отрицание частной собственности привело его к утверждению необходимости восстановления утраченного, по его мнению, некогда человечеством коммунистического владения основным средством производства — землей. Земельная община в английской деревне XVII в. являлась еще реально, вокруг которой развертывалась жестокая классовая борьба. Община, приход, так и остается основным ядром проектируемого им коммунистического общества. В этом он близок к коммунистическим сектам средневековья. Да и аргументация в памфлетах Уинстэнли имеет много общего с анабаптистской. В. П. Волгин совершенно справедливо замечает, что у Уинстэнли наблюдалось «переплетение струй религиозной и струй рационалистической»¹.

¹ Волгин В. «История социалистических идей». Ч. 1-я, стр. 179.

Уинстэнли является фигурой переходной эпохи, и это отразилось на его мировоззрении. В нем нет той цельности, которая характеризует коммунистов-рационалистов XVIII века. Все же его идеи принадлежат больше будущему, чем прошлому. Он сумел подняться над примитивным крестьянским «коммунизмом» религиозных сект и в том числе над общинным коммунизмом диггерского движения и нарисовал стройный план социалистической республики. Историческая ограниченность его системы заключается в разрыве между идеалом и способом его осуществления. Но это не его вина, а беда того социального строя, который он отражал и в котором пролетариат являлся лишь угнетенной, страдающей массой, неспособной к самостоятельному политическому действию¹. В этом он примыкает к утопическому социализму, для которого еще не существовало реальной исторической силы, способной бороться за коммунистический строй и осуществить его. И все же у Уинстэнли мы встречаем ряд намеков на некий переходный период, когда все эксплуататорские элементы должны быть подавлены властью, осуществляющей интересы трудящихся классов,—идея, которую мы встретим только спустя 150 лет в бабувистском движении. Такое предвосхищение не является случайным. Энгельс отмечал, что «англий-

ская революция XVII века представляет точный прообраз французской революции 1789 года... Жиронде, Горе и эбертистам с бабувистами соответствуют пресвитериане, индепенденты и левеллеры². В основе идей «истинных левеллеров», или диггеров, лежало социальное движение «того слоя, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата»³,—движение, породившее и бабувизм.

Развить последовательно мысль о диктатуре трудящихся мешала Уинстэнли социальная слабость того пролетаризированного крестьянства, выразителем чаяний которого он являлся и которое было способно в своей беспомощности ждать избавления только от какой-нибудь внешней, высшей силы. «Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории»⁴.

Коммунистическая утопия Уинстэнли появилась на стыке крестьянско-плебейских еретических движений средневековья и рационалистического социализма нового времени, самые ее противоречия отражают перелом в истории социалистических идей.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. II, стр. 351.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 18.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 512.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 260—261.

ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С ФРОНТОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ТРОФЕИ ВОЙСК ЗАПАДНОГО ФРОНТА ЗА ПЕРИОД С 6 ФЕВРАЛЯ ПО 5 МАРТА 1942 ГОДА.

За период с 6 февраля по 5 марта войсками Западного фронта захвачены у противника следующие трофеи: танков — 43, орудий — 285, минометов — 83, пулеметов — 491, автоматов — 236, винтовок — 3.804, самолетов — 28, планеров — 4, автомашин — 794, мотоциклов и велосипедов — 189 и 1 вагон с велосипедами, тракторов и тягачей — 13, повозок и саней — 653, лошадей — 1.012, раций — 6, седел — 153, проволоки — 50 тонн, бензобочек — 13.361, бронеплощадок — 2, снарядов артиллерийских — 10.400, кроме того 249 ящиков со снарядами, 2 склада со снарядами (еще не подсчитаны) и 160 вагонов со снарядами, мин — 4.166 и 113 ящиков с минами, гранат — 2.915 и 14 ящиков с гранатами, патронов — 991.000 и 35 ящиков с патронами, авиабомб — 10 вагонов и неподсчитанный склад с авиабомбами, гильз снарядных — 7.090, паровозов — 16, вагонов — 599.

За это же время немцы потеряли в районе Западного фронта убитыми не менее 40 тысяч солдат и офицеров.

Освобождено от противника войсками Западного фронта 263 населенных пункта, в том числе города Сухиничи, Юхнов, Дорогобуж.

Совинформбюро.

«Правда» от 7 марта 1942 г.

ТРОФЕИ ВОЙСК КАЛИНИНСКОГО ФРОНТА ЗА ПЕРИОД С 5 ФЕВРАЛЯ ПО 8 МАРТА 1942 ГОДА

За период с 5 февраля по 8 марта войсками Калининского фронта захвачены у противника следующие трофеи: танков — 78, орудий разных калибров — 172, минометов — 209, станковых и ручных пулеметов — 824, противотанковых ружей — 181, автоматов — 568, винтовок — 3.432, автомашин — 1.177, повозок — 300, кухня — 8, радиостанций — 30, паровозов — 2, гранат — 9.000, мин — 10.500, снарядов — 7.000, патронов винтовочных — 2.000.000, 2 эшелона и 2 склада с боеприпасами, 2 вешевых склада.

За это же время сбито в воздушных боях, огнем зенитной артиллерии и уничтожено на аэродромах 277 немецких самолетов, подорван бронепоезд с десантом автоматчиков, уничтожено 39 танков, 142 орудия, 70 пулеметов, 2.629 автомашин, 27 мотоциклов, 1.374 повозки, 2 паровоза, 104 железнодорожных вагонов, 17 цистерн, склад горючего и 7 складов со снарядами.

За период с 5 февраля по 8 марта немцы потеряли в районе Калининского фронта убитыми 49.700 солдат и офицеров.

Освобожден от немецких оккупантов 161 населенный пункт.

Совинформбюро.

«Правда» от 12 марта 1942 г.

ТРОФЕИ ВОЙСК СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ЗА ПЕРИОД С 22 ФЕВРАЛЯ ПО 10 МАРТА 1942 ГОДА

За период с 22 февраля по 10 марта войсками Северо-Западного фронта захвачены у противника следующие трофеи: орудий — 157, танков — 20, минометов — 75, пулеметов — 329, противотанковых ружей — 26, винтовок — более 2.000, один самолет, автомашин — 617, мотоциклов и велосипедов — 354, радиостанций — 12, мин — более 5.000, снарядов — 6.000, гранат — 1.345, винтовочных патронов — около 1.500.000, несколько ящиков взрывчатки, один прожектор, парашютов — 109, лыж — 300 пар,

тракторов-тягачей — 8, походных кухонь — 8, лошадей с повозками — 226, 300 железных бочек и 70 бидонов с бензином, один бензозаправщик, паровозов — 2, железнодорожных вагонов с военным снаряжением — 14, 5 складов с разным военным имуществом и много другого военного имущества и снаряжения.

За это же время уничтожено: 91 немецкий самолет (из них 60 трехмоторных транспортных самолетов), 67 орудий, 27 минометов, свыше 150 пулеметов, 14 танков, 17 железнодорожных вагонов с грузом, 169 автомашины, 78 повозок, 18 складов, в том числе склад горючего и 3 склада с боеприпасами.

За период с 22 февраля по 10 марта немцы потеряли в районе Северо-Западного фронта убитыми не менее 14.000 солдат и офицеров.

Освобождено от немецких оккупантов 84 населенных пункта.

С о в и н ф о р м б ю р о .

«Правда» от 14 марта 1942 г.

ТРОФЕИ НЕКОТОРЫХ ЧАСТЕЙ ВОЙСК ЮГО-ЗАПАДНОГО И ЮЖНОГО ФРОНТОВ ЗА ПЕРИОД С 7 ПО 12 МАРТА 1942 ГОДА

За период с 7 по 12 марта некоторыми частями войск Юго-Западного и Южного фронтов, ведущими наступательные бои, захвачены у противника следующие трофеи: орудий — 129, минометов — 113, пулеметов — 394, автоматов — 173, винтовок — 1.485, пистолетов — 127, противотанковых ружей — 22, снарядов — 20.000, винтовочных патронов свыше 3 миллионов, ручных гранат — 4.000, мин — 22.500 и отдельно 115 ящиков, танков — 2, радиостанций — 27, телефонных аппаратов — 58, телефонного кабеля — 121 километр, противотанковых и противопехотных мин — 25 штабелей, складов с боеприпасами — 19, вещевых складов — 12, продовольственных складов — 14.

Взято в плен 539 солдат и офицеров.

За этот же период уничтожено: танков — 49, орудий — 58, пулеметов — 142, минометов — 60, складов с боеприпасами — 2, повозок с боеприпасами — 320, автомашины — 370, цистерн с горючим — 1, железнодорожных вагонов с имуществом — 15, ДЗОТ — 43.

За период с 7 по 12 марта немцы потеряли в районе наступательных действий Юго-Западного и Южного фронтов убитыми около 10.000 солдат и офицеров.

С о в и н ф о р м б ю р о .

«Правда» от 15 марта 1942 г.

ТРОФЕИ ВОЙСК КАЛИНИНСКОГО ФРОНТА ЗА ПЕРИОД С 11 ПО 21 МАРТА 1942 ГОДА

Войсками Калининского фронта в боях с противником за период с 11 по 21 марта захвачены следующие трофеи: орудий разных калибров — 66, танков — 5, минометов — 54, пулеметов — 257, автоматов — 88, винтовок — свыше 1.000, радиостанций — 7, повозок с боеприпасами — 42, гранат — более 2.000, снарядов — более 5.000, патронов винтовочных — свыше 200.000.

За это же время уничтожено: 23 немецких самолета, 240 автомашины, 17 орудий, до 200 повозок с грузом и 2 склада с боеприпасами.

За период с 11 по 21 марта немцы потеряли в районе Калининского фронта убитыми около 12.000 солдат и офицеров.

С о в и н ф о р м б ю р о .

«Правда» от 23 марта 1942 г.

ТРОФЕИ ВОЙСК ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА ЗА ПЕРИОД С 9 ПО 22 МАРТА 1942 ГОДА

Войсками Ленинградского фронта в боях с противником за период с 9 по 22 марта захвачены следующие трофеи: орудий — 68, танков — 7, бронемашин — 2, минометов — 90, пулеметов — 424, автоматов — 169, противотанковых ружей — 107, винтовок — 1.749, снарядов — 6.040, мин — 15.481 и 16 ящиков с минами, винтовочных пат-

ронов — 482.200 и 300 ящиков с патронами, ручных гранат — 4.170, стереотруб — 14, радиостанций — 16, телефонных аппаратов — 19.

За это же время уничтожено: 86 самолетов противника, 24 орудия, 4 склада с боеприпасами, 173 грузовых автомашины с различным грузом.

За период с 9 по 22 марта противник потерял убитыми свыше 16.000 солдат и офицеров.

С о в и н ф о р м б ю р о .

«Правда» от 25 марта 1942 г.

ИТОГИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПАРТИЗАН ЗА 8 МЕСЯЦЕВ

За 8 месяцев отечественной войны партизаны Ленинградской области нанесли немецким оккупантам огромный урон в живой силе и боевой технике. Партизанскими отрядами за этот период уничтожено 16.075 солдат, 629 офицеров, 11 полковников и 3 немецких генерала, расстреляно 67 агентов гестапо, 163 шпиона и предателя. Взято в плен 116 немецких солдат и 11 офицеров.

Партизаны организовали 114 крушений поездов, в результате чего было разбито свыше 700 вагонов с боеприпасами, техникой и гитлеровскими солдатами.

За 8 месяцев войны партизаны разгромили 8 штабов воинских частей и соединений противника, уничтожили 89 немецких самолетов, 98 танков и танкеток, 25 бронемашин, 1.693 грузовых автомашины и автобусов, 188 легковых автомашин, 99 цистерн с горючим, 362 мотоцикла, 235 велосипедов, 64 трактора-тягача и дрезины, 27 орудий, 69 пулеметов и минометов, 274 повозки с боеприпасами, продовольствием и военным имуществом, 359 лошадей. Повреждено и уничтожено 529 узлов и линий связи.

За это же время ленинградскими партизанами взорвано и подожжено 2 вагона с боеприпасами, 125 складов с боеприпасами, горючим и обмундированием, 5 железнодорожных станций, 388 шоссеиных и железнодорожных мостов, взорвано железнодорожное полотно в 77 местах, разрушено 18 телефонных и радиостанций.

В боях с гитлеровцами партизаны захватили трофеи: самолет, 2 орудия, 54 пулемета, 5 минометов, 75 автоматов, свыше 200 винтовок, 54 пистолета, 3 автомашины, 2 мотоцикла, 54 подводы с продовольствием и военным имуществом, 113 лошадей, 8 радиостанций, свыше 27.600 ружейных патронов, 3.000 снарядов, 300 мин, 230 гранат и, кроме того, десятки ящиков с различными боеприпасами, 150 пар лыж и другое военное имущество.

С о в и н ф о р м б ю р о .

«Правда» от 30 марта 1942 г.

ОБРАЩЕНИЯ К ПОРАБОЩЕННЫМ ФАШИЗМОМ НАРОДАМ

К ЛАТЫШСКОМУ НАРОДУ

Братья и сестры! Рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция Латвии! Преследуемые, униженные и ограбленные сыновья и дочери нашей любимой Латвии!

Уже девятый месяц бушует военная буря на огромном фронте от Баренцова до Черного морей. Разбойничьи орды немецких фашистов, предательски напав на великую Советскую страну, навязали миролюбивому советскому государству и его народам эту кровавую войну.

Суровый урок получили фашистские орды на нашей земле. Измотав гитлеровские банды в активных оборонительных боях, героическая Красная Армия, чье могущество и сила оружия с каждым днем выростали и продолжают расти, в начале декабря перешла в стремительное контрнаступление и гонит назад на Запад вшивое немецкое войско. Недалек день, когда советские народы вместе со всем прогрессивным, свободлюбивым человечеством заставят подлого захватчика оплатить суровый счет за разоренные города и села, за разграбленные земли, за невинно убитых и обесчещенных наших братьев и сестер, за муки детей и стариков, за все те унижения и издевательства, какие терпели от немецких фашистов отдельные люди и целые народы. В этот день и латышский народ заставит фашистов расплатиться за все то, что ему пришлось выстрадать под игом гитлеровской фашистской оккупации.

Товарищи! Год советской власти в Латвии — это время бурного прогресса во всех областях хозяйственной и культурной жизни. Ворвавшиеся в Латвию немецкие

бандиты первым долгом задушили все прогрессивное, задушили всякое проявление национальной культуры. Они закрыли школы и театры, они разграбили наши музеи и прочие хранилища латвийского искусства, они жгли книги, они осквернили места памяти деятелей латышского народа. Латышский народ убедился, что гитлеровский «новый порядок» — это массовые убийства, ограбление мирных жителей, высылка тысяч рабочих на принудительные работы в Германию. Фашисты отняли у латышских крестьян землю, которую им дала советская власть. Нужда и голод царят в Латвии, их последствия — эпидемии — собирают обильную жатву в наших городах и селах.

Братья и сестры, все честные люди нашей любимой Латвии! Велики ваши страдания, неизмеримы ваши бедствия. Нам известны все унижения, каким сегодня подвержена наша любимая родина. Ничто не будет забыто и ничто не будет прощено нашим многовековым врагам!

Пламя святой ненависти и жажды справедливого возмездия горит в сердцах латышских людей. Пламя партизанской борьбы пылает над селами и городами Латвии. В латышском народе не умер еще дух мужественного Лачплесиса. Гордый, воинственный латвиец не будет гнуть свою спину перед отвратительной породой гитлеровских псов-рыцарей.

В рядах Красной Армии, плечом к плечу с борцами других советских народов, героически борются полки латышских стрелков, лучшие сыны и дочери нашего народа. Скоро они придут — ваши освободители. Будьте готовы к этому дню! Способствуйте и ускоряйте его приближение своей активной деятельностью в тылу врага!

Расширяйте партизанскую борьбу в Латвии! Пускайте под откосы поезда с военными материалами и продовольствием для вражеских армий! Истребляйте фашистов и их наемников на каждом шагу! Саботируйте все распоряжения и начинания врага! Не позволяйте ему разграбить Латвию, препятствуйте отправке в Германию награбленного добра нашего народа! Военной промышленности гитлеровской Германии нужны рабочие-рабы. Пусть ни один молодой человек в Латвии не следует призыву фашистских вербовщиков направиться на трудовые работы в Германию! Отвергайте эти отвратительные предложения с возмущением!

Немецкие грабители требуют крови латышей. Они хотят насильно загнать латышей в разбойничью гитлеровскую армию.

Братья и сестры! Всеми средствами мешайте вербовке латышских мужчин в ряды немецких наемников. Родители, жены, не пускайте своих сыновей и мужей служить фашистским насильникам! Девушки, не допускайте, чтобы ваших женихов загнали в гитлеровскую армию! Не допускайте, чтобы латвийская молодежь погибала позорной смертью. Всеми средствами помогайте мобилизованным бежать и скрываться. Не допускайте, чтобы орда грабителей связала вашу судьбу со своей судьбой. Их судьба — быть разбитым и уничтоженным. Победа будет за нами! Вместе с нами великий русский народ и все прогрессивное, свободолюбивое человечество!

Час освобождения близок! Близко возмездие за те насилия, которые причинил вам враг. Пусть дрожит враг и грязные отбросы — горсточка предателей, кто связал свою судьбу с судьбой фашистских насильников! Волна народного гнева смоеет их, как гной, и вновь чистым и здоровым будет тело латышского народа!

Мы с вами, наши дорогие братья и сестры. Мы делаем все, чтобы освободить вас от ига немецких грабителей.

Будьте достойными патриотами нашей родины и отдайте все силы этой борьбе, которая решит вашу судьбу.

Никто не должен стоять в стороне, каждый должен делать то, что в его силах и что он может. Общими силами мы будем ковать победу над немецкими захватчиками!

Смерть немецким оккупантам!

Все силы на разгром врага!

Да здравствует свободная советская Латвия!

Да здравствует неразрывная дружба народов Советского Союза!

Да здравствует наша могучая Красная Армия!

Да здравствует наш друг и вождь, организатор всех побед — товарищ Сталин!

Принято 1 марта 1942 г. на митинге представителей латышского народа.

«Правда» от 3 марта 1942 г.

ОБРАЩЕНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПЛЕННЫХ МЛАДШИХ КОМАНДИРОВ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ

К германской армии и народу Германии

Мы, делегаты конференции лагеря № 95, представляющие 1.242 немецких военнопленных, от их лица подтверждаем правильность фактов, изложенных в ноте Народного Комиссара Иностранных Дел Союза ССР В. М. Молотова от 6 января 1942 г.

Для нас, немецких рабочих, крестьян и служащих, одетых в солдатские мундиры, теперь ясно, что грабежи, гнусные насилия, издевательства и массовые убийства мирных советских жителей являются злодейскими преступлениями, которые по-

зорят германскую армию и весь германский народ в глазах всего цивилизованного человечества.

Немецкие офицеры и солдаты самым гнусным и зверским образом разрушают создаваемые веками материальные, культурные и национальные ценности русского народа, насилюют женщин и девушек, убивают стариков, женщин и детей, зверски мучают и уничтожают попавших в плен советских воинов. Все это документально установлено в ноте Народного Комиссара. Мы сами были живыми свидетелями многих подобных фактов.

Эти чудовищные преступления могли быть потому, что гитлеровская государственная система и германское верховное командование сознательно развязывают у офицеров и солдат самые низменные инстинкты.

Гитлер и его преступная шайка, затеяв несправедливую, грабительскую войну против СССР, прививали необузданную и звериную ненависть по отношению к свободолюбивому и демократическому великому советскому народу. Они нагло обманывали нас, заявляя, будто бы советские власти уничтожают всех немцев, попадающих в плен.

Наша жизнь в лагере военнопленных и тот факт, что мы свободно обсуждаем такие важные государственные документы,— яркое свидетельство тому, что нас самым гнусным образом обманывали.

Такого справедливого и гуманного отношения к нам, военнопленным, сражавшимся на стороне гитлеровской Германии, мы никогда не ожидали и не могли себе представить! Благодаря этой гуманности и справедливому к нам отношению советских людей и советского военного командования, исходящих из общих основ советской демократии, мы научились честно и справедливо, а также объективно оценивать происходящие события и имеем полную возможность свободно выражать свои чувства и мысли.

Мы заявляем: пора, наконец, всем честным немцам понять, что Гитлер и вся его клика — это бесконечная, варварская и жестокая война; вся гитлеровская система — это сплошной обман, ложь и беспросветные страдания, голод и нищета трудящихся масс.

Гитлеровская клика восстановила против себя весь демократический мир и все прогрессивное человечество, сила и воля которых сметут с лица земли эту коричневую чуму.

Мы, немецкие военнопленные лагеря № 95, обращаемся ко всем честным, здравомыслящим немецким мужчинам и женщинам, находящимся на родине, ко всем товарищам на фронте с призывом вести беспощадную борьбу против гитлеровского режима, против германского командования, против тех озверевших офицеров и солдат, которые бесчестят немецкий народ и поддерживают фашистский строй.

Мы призываем вас сделать все для того, чтобы покончить с преступной войной и чтобы тем самым немецкий народ занял свое место в семье цивилизованных и свободолюбивых народов.

Долой Гитлера и его банду!

За новую, свободную Германию, основанную на великих принципах демократии, свободы и международного содружества!

Далее следуют 236 собственноручных подписей делегатов и гостей первой конференции младших командиров немецкой армии, находящихся в лагере для военнопленных № 95.

«Правда» от 19 марта 1942 г.

ОБРАЩЕНИЕ АНТИФАШИСТСКИХ НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ К ГЕРМАНСКОМУ НАРОДУ

НЬЮ-ЙОРК, 21 марта. (ТАСС). Известные немецкие писатели Генрих Манн, Лион Фейхтвангер и Бертольд Брехт опубликовали обращение к германскому народу.

В обращении говорится:

«Наше обращение является призывом к спасению всего человечества, в том числе вас, немцев. Вы ввергли мир и самих себя в безмерное несчастье. Это несчастье невозможно устранить в кратчайший срок, если вы не покончите с ним сами. Вы одни можете положить конец этой опустошительнейшей и бессмысленнейшей войне. Все остальные народы вынуждены всеми своими силами защищать то, что им принадлежит, ради чего они живут,— их страны, детей, свободу, их моральные и социальные достижения. Все это подверглось нападению. Агрессором является ваш фюрер, за которым вы до сих пор слепо шли по пути к гибели. Нельзя больше терпеть эти преступления. Вы можете заставить его уйти, чего бы это ни стоило. Вам может обойтись гораздо дороже, если вы ему позволите и впредь сеять по всей земле смерть и уничтожение.

Германия не представляет собой какого-то исключения. Она испытывает те же страдания, которые она готовит миру, и ее участь, как следствие совершенных ею ошибок, будет наиболее ужасной. Вы не имеете возможности выбирать между побе-

дой и поражением. Победить вам не дано. Не вам суждено завоевать победу, и вы не способны ее добиться. Поход в Россию должен был вам показать это. Поражение ваших армий, воюющих против рабочих и крестьян Советского Союза, было предопределено ранее того дня, когда они вступили в Россию. Еще когда ваш фюрер начал в августе 1939 года войну, неизбежность поражения была ясно видна. Планы завоевания мира всегда терпели неудачу. Нужно быть невеждами или дойти до отчаяния, как ваш фюрер, чтобы обманываться на этот счет. Теперь вы понимаете, что одно дело двигаться моторизованными силами по странам, ставшим жертвами предательства, и другое дело — изгнать народ с его земли, которую он считает священной. Теперь вы убедились, что вас отбрасывают назад с большей силой, чем вы двигались вперед. Всякий завоеватель в конце концов встречает своего победителя, всякая ложь в конце концов уничтожается правдой. А истина заключается в том, что поражение, понесенное вами на русской земле, непоправимо, что оно скорее превратится в поражение на немецкой земле, если вы не порвете с вашим фюрером, который ведет вас по пути гибели. Истина заключается в том, что каждый, выступающий против вас, преисполнен твердой воли положить конец германской агрессии. К этому стремится Британская империя, к этому стремятся Соединенные Штаты Америки. Обе великие державы обладают также силой. Посмотрите на Красную Армию, и вы поймете, что воля к победе над агрессором означает и силу. Истина состоит в том, что вас ненавидят в покоренных странах Европы, как не ненавидели еще ни одного захватчика. При той огромной ненависти, которую вы вызвали благодаря фюреру, вы никогда не добьетесь покорения народов и сотрудничества, вы узнаете только их месть. Бойтесь не только мести других, бойтесь вашей совести. Она зовет к вам. Мы лишь повторяем то, что диктует вам собственная совесть. Вы это слышите. Вы не можете победить, говорит ваша совесть, так как ваш фюрер представляет зло.

Ваш фюрер — коварный убийца людей, а так как вы — люди, он уничтожает и вас. Он жертвует вами, не считаясь с числом жертв, и не задумывается над этим. Он никогда не задумывался над тем, что делает. Вам он запрещает думать, ибо сам не может мыслить, он может только лгать.

Ныне, после всех совершенных насилий, ваш фюрер спрашивает: почему хотят уничтожить его систему? Он, мол, никогда не навязывает ее другим народам. Но у него нет никакой системы. Он хочет только навязать миру свою ничтожную личность, представляющую собой соединение злобы и глупости. Вы слишком долго терпели его. Свергните вашего фюрера, который лишил вас чести и ведет к гибели. Осуществите в решающий час это единственное, что вам остается сделать, чтобы примириться с человечеством, которое никогда не хотело иметь вас своими врагами, — единственное, что еще могло бы спасти Германию».

«Правда» от 22 марта 1942 г.

К ЭСТОНСКОМУ НАРОДУ

Летом 1940 года эстонский народ добился свободы при братской поддержке народов Советского Союза. Эстония стала Советской Социалистической Республикой.

Впервые в своей истории она добилась действительной и полной государственной независимости и самостоятельности. Эстонский народ стал пользоваться величайшими свободами, предоставленными ему Сталинской Конституцией.

Эстонское народное хозяйство и эстонская культура получили невиданную доселе возможность бурного развития. Продукция промышленности выросла только за первый год советской власти более чем на 60 проц. Десятки тысяч рабочих вырвались из тисков безработицы. Более чем пятьдесят тысяч крестьян получили землю от советской власти. Все источники образования и культурные ценности стали доступными широчайшим массам народа.

Во время советской власти быстро возросло материальное и культурное благосостояние широких масс народа.

В разгар работы по построению социализма немецко-фашистские захватчики вероломно напали на Советский Союз. Им удалось временно захватить территорию Эстонской ССР.

Они нагло растоптали национальную государственность эстонцев и уничтожили подлинную политическую и экономическую независимость Эстонии. Эстонцы больше не хозяева на своей родине.

Эстония превращена в колонию фашистской Германии, где повелевают гитлеровские сатрапы и распоряжается кровавое гестапо. В Эстонии царит разнузданный фашистский террор. Двадцать тысяч человек загубили фашисты в Эстонии. Свыше тридцати тысяч томится в тюрьмах и концлагерях. В одном только городе Тарту фашистские оккупанты арестовали свыше двух тысяч невинных людей. Немецкие фашисты на каждом шагу выказывают свое презрение и ненависть к эстонскому народу.

Фашисты разрушили эстонскую промышленность. Десятки тысяч рабочих, оставшихся без работы, переживают страшные муки голода и холода. Земля отбирается

у эстонских крестьян и передается в руки немецких помещиков. Один за другим в Эстонию возвращаются прежние бароны, все эти Тизенгаузены, Ренненкампы и другие. Эстонским крестьянам снова угрожает судьба крепостных, судьба батраков немецких баронов.

Фашистские оккупанты нагло грабят Эстонию. Вывозятся все промышленные товары и прочее добро. У крестьянина отбирают последние продукты питания.

Во всей Эстонии проводится планомерное онемечение. Немецкие фашисты все силы прилагают к тому, чтобы смести эстонскую культуру с лица земли. Они хотят физически уничтожить эстонский народ, доведя его до голодной смерти, убивая его руками гестапо, распространяя среди него болезни, вывозя самых жизнеспособных из них в Германию в качестве рабов или посылая на фронт в качестве пушечного мяса.

Эстонский народ никогда не свяжет своей судьбы с немецким фашизмом. Он не хочет быть рабом немецкого фашизма. Он хочет стать и станет снова свободным и независимым. Он снова восстановит в Эстонии власть трудящихся.

Эстонский народ не одинок в этой борьбе против немецко-фашистских оккупантов, которую он сейчас ведет не на жизнь, а на смерть. Он борется плечом к плечу со всеми народами Советского Союза, и прежде всего с великим русским народом, с которым эстонцев связывает давняя дружба и совместная борьба против немецких поработителей в прошлом. Вместе с Советским Союзом против гитлеровской Германии борются Великобритания и США. Эстонский народ борется вместе со всеми свободолюбивыми народами мира против фашистского варварства и насилия.

Недалек тот день, когда Красная Армия освободит эстонский народ от гнета немецко-фашистских оккупантов. Она несет эстонскому народу освобождение из когтей фашистских хищников.

Приближается час освобождения эстонского народа.

Эстонцы!

Дорогие сестры и братья!

Рабочие, крестьяне и работники умственного труда! Эстонская молодежь! — Все, кому дорога и близка судьба эстонского народа!

В этот исторический момент нашей величайшей, священной задачей является освободить свою дорогую родину из-под власти фашистов, выгнать из Эстонии и уничтожить фашистских оккупантов.

Рабочие! Не производите для немецкой разбойничьей шайки ни оружия, ни чего-либо другого! Замедляйте темпы работы! Делайте брак! Выводите из строя оборудование на предприятиях!

Крестьяне! Не выполняйте возлагаемых на вас со стороны фашистских властей повинностей по извозу и иной работе! Прячьте продовольствие и прочее добро от фашистских разбойников! Не давайте его фашистам.

Работники умственного труда! Не давайте онемечить Эстонию и эстонский народ! Не поступайте на службу к немецко-фашистским палачам — поработителям и угнетателям нашего народа! Саботируйте, срывайте все мероприятия фашистских властей!

Пусть ни один эстонец не вступит в немецкую армию или фашистскую полицию! Пусть ни один эстонец не поедет в Германию на трудовую повинность.

Эстонские патриоты!

Поддерживайте Красную Армию, которая несет нашему народу свободу! Поддерживайте героических советских партизан! Развивайте партизанскую борьбу против фашистских захватчиков! Всеми средствами боритесь против немецких оккупантов!

Из столицы Советского Союза — героической Москвы мы шлем горячий привет своим дорогим братьям и сестрам в Эстонию, всему эстонскому народу, стонущему под тяжелым игом фашистской оккупации. Мы понимаем и знаем ваши страдания и горести. Думы наши днем и ночью с вами! Мы клянемся, товарищи, дорогие братья и сестры, что мы до тех пор не перестанем бороться, пока эстонский народ снова не станет свободным и счастливым и пока он снова не станет хозяином своей судьбы!

Наш горячий привет эстонским советским партизанам, ведущим героическую борьбу против фашистского режима насилия и террора.

Долой кровавого Гитлера!

Долой кучку предателей эстонского народа во главе с Хьялмаром Мязэ!

Да здравствует свободолюбивый эстонский народ!

Да здравствует героическая Красная Армия, которая несет эстонскому народу свободу!

Да здравствует Советский Союз и непоколебимая, крепкая, как скала, дружба его народов!

Да здравствует партия большевиков!

Да здравствует лучший друг эстонского народа, великий вождь народов Советского Союза и Красной Армии — товарищ Сталин!

Принято 22 марта 1942 г., на митинге представителей эстонского народа.

«Правда» от 24 марта 1942 г.

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ АВСТРИЙЦЕВ — СОЛДАТ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ

К австрийскому народу, к австрийцам —
солдатам германской армии

Мы, австрийские военнопленные в Советском Союзе, обращаемся к вам, нашим товарищам в германской армии, к нашим друзьям и родственникам в Австрии, ко всему австрийскому народу. Прошло четыре года с тех пор, как гитлеровские войска, нарушив договор, ворвались в Австрию и поработили ее. Истекшие четыре года показали нам, какое огромное несчастье принес Гитлер нашей стране. Крупные капиталисты и плутократы Германии, слугой которых является Гитлер, захватили в свои руки все народное хозяйство Австрии. Наш народ обнищал, зато колоссально возросли прибыли Герингов, Круппов, Геббельсов и других крупных капиталистов. Когда Гитлер насильственно присоединил Австрию к Германии, он утверждал, что пришел помочь нам. Но теперь уже каждый знает, что это была за «помощь». Он оторвал нас от наших семей, послав австрийцев помирать на Восточный фронт, а наши семьи обрек на голод и нищету. Он бросил десятки тысяч наших лучших людей в тюрьмы и концлагери. Он отнял у нас наши добротные товары, нашу мануфактуру, обувь и дал нам взамен всего этого карточки. Продуктовые магазины, некогда переполненные товарами, сегодня встречают стоящих в очередях наших матерей и жен пустыми полками и витринами. Наши дети голодают, в то время как фашистские бонзы обжираются. Пиффке и коричневые рубахи заняли все теплые местечки в Австрии. Нашей страной управляют наместники Гитлера во главе с Бальдуром фон Ширах — растлителем немецкой молодежи. Гитлер разрушает нашу старую культуру, наше высокое искусство, созданные лучшими людьми нашего народа.

Многие выдающиеся артисты, композиторы, поэты и художники Австрии вынуждены были покинуть страну и находятся в изгнании, разогнаны общественные и рабочие организации, закрыты сотни газет, запрещены лучшие книги и фильмы, всякое проявление национальных чувств нашего народа жестоко подавляется. Гитлер принес нам нечеловеческие страдания и нужду!

Уже с первых дней оккупации гитлеровцы превратили Австрию в колонию, а нас, австрийцев, объявили людьми второго сорта.

Гитлер погнал нас на самую кровавую и самую преступную войну — войну против Советского Союза, против страны рабочих и крестьян.

Безнадежность этой войны очевидна. Весь мир поднялся против Германии. Вести войну против объединенных сил Америки, Англии и России — это безумие! Наши жертвы бессмысленны и беспредельны! Продолжая участвовать в этой войне, мы только увеличиваем страдания нашего народа. Поэтому священная обязанность каждого честного австрийца, который любит свою страну и хочет видеть ее свободной и счастливой, — сделать все для свержения Гитлера.

Гитлер хочет увлечь нас с собою в пропасть. Он хочет нас убедить, будто судьбы немецкого и австрийского народа неотделимы от его собственной судьбы. Это наглая ложь. Австрийский народ не имеет ничего общего с Гитлером. У нас другой путь — через свержение Гитлера к свободной, независимой Австрии!

Совместно со всеми народами, стонущими под игом фашизма, мы должны вести борьбу до полного уничтожения гитлеризма.

Изо дня в день, с часу на час возрастает ненависть народов оккупированных стран к своим поработителям. Дух сопротивления угнетенных народов крепнет. Они видят уже зарю приближающегося освобождения! Успехи Красной Армии на всех участках фронта приближают тот желанный час, когда народы, изнемогающие под игом гитлеризма, поднимутся на освободительную отечественную войну. Австрийский народ не может оставаться в стороне от этой великой борьбы за свободу и независимость! Теперь уже мало выражать свое недовольство и ненависть к гитлеровскому режиму. Пора перейти от слов к активной борьбе против гитлеровцев.

Австрийские рабочие! Австрийские крестьяне! Помните — каждый танк, каждый самолет, каждое орудие, которое вы делаете своими руками, каждый центнер хлеба и мяса, которые вы отдаете нацистам, способствуют затяжке войны и оплачиваются кровью ваших братьев, мужей и сыновей. Саботируйте распоряжения гитлеровских властей! Каждым действием, направленным против военного производства и против фашистского принудительного хозяйства, вы приблизите окончание войны и спасете жизни многих родных и близких вам людей.

Австрийцы — солдаты германской армии! Товарищи по фронту, с которыми мы еще недавно шагали плечо к плечу! Мы призываем вас: не стреляйте в красноармейцев, следуйте нашему примеру, сдавайтесь в плен русским! Мы убедились, что русские рабочие и крестьяне являются искренними друзьями австрийского народа. Не выполняйте приказы нацистских офицеров! Стреляйте в тех, кто насильственно гонит вас в бой.

Солдаты, находящиеся на родине! Рекруты! Вас хотят послать на Восток в качестве пушечного мяса. На фронте вас ожидает верная смерть. Отказывайтесь идти на фронт! Дезертируйте, еще находясь на родине! Соединяйтесь для вооруженного восстания против гитлеровских бандитов! Этим вы не только спасете свою жизнь, этим вы поможете всему австрийскому народу!

Матери и женщины нашей родины! Слезами вы не спасете жизни ваших мужей и сыновей. Вы должны действовать! Не допускайте отправки солдат на фронт! Осаждайте и громите нацистские учреждения! Требуйте возвращения из России ваших мужей и сыновей!

Австрийцы на фронте и на родине! Никогда не забывайте: имя злейшего врага австрийского народа — Гитлер! Он несет нам всем гибель и смерть, он отнял у нас родину и дал нам взамен войну. Объединяйтесь на борьбу против Гитлера и его разбойничьей клики!

Поднимайтесь против преступной войны!

Боритесь за освобождение родины от нацистского чужеземного ига!

Да здравствует свободная Австрия!

Далее следуют 86 собственноручных подписей делегатов первой конференции военнопленных австрийцев — солдат германской армии.

«Правда» от 27 марта 1942 г.

К МОЛДАВСКОМУ НАРОДУ

Товарищи рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки, трудовая интеллигенция Молдавии!

В грозные дни тяжких испытаний нашей родины к вам, сынам и дочерям молдавского народа, обращаем мы наше слово.

Больше восьми месяцев прошло с тех пор, как немецко-румынские захватчики вторглись в нашу страну. Они опустошают наши цветущие города и села, превращая все в пепел и руины.

Горами трупов наших родных братьев, сестер, стариков, детей устилают свой кровавый путь фашистские захватчики. Зверинные орды палачей грабят страну, поганят нашу землю. Они насилюют, убивают, позорят честь наших жен и дочерей. Фашистские варвары хотят искоренить молдавскую культуру. Они разрушают наши молдавские школы, институты, театры, уничтожают национальную литературу и лучшие памятники культуры и искусства.

Веками мечтал наш молдавский народ о национальной государственности. В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции мечта молдавского народа осуществилась. В свободной семье народов СССР росла и крепла Молдавская республика. Немецко-румынские фашисты уничтожили государственную самостоятельность Молдавии, они захватили нашу родную землю.

Стонет под игом немецко-румынских захватчиков истерзанная молдавская земля, обогрелая кровью ее сынов и дочерей. Стонет под тяжестью террора, грабежа и насилия молдавский народ.

Товарищ Сталин в своем обращении к советскому народу по радио 3 июля 1941 года сказал:

«Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление паризма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белоруссов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их немечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов».

Немецко-румынские оккупанты восстанавливают на захваченной территории Молдавии самые гнусные порядки, они восстанавливают власть помещиков, отнимают у крестьян омытую потом и кровью землю, отнимают цветущие сады и виноградники, передают тунеядцам предприятия, принадлежащие народу, восстанавливают давно забытый советским народом рабский труд.

Но наш свободолюбивый народ никогда не покорится власти поработителей. В нем свежи и ярки воспоминания радостной жизни и творческого труда на своих фабриках, заводах, в колхозах.

Глубоко памятни нашему народу исторические дни освобождения Бессарабии от румынских оккупантов.

Глубокий след оставила в сердцах наших братьев и сестер, трудящихся Бессарабии, лучезарная перспектива дальнейшего расцвета жизни трудового народа в единой семье советских республик.

Кровавая рука фашистских разбойников временно оборвала этот счастливый путь, оборвала наш мирный созидательный труд. Полон гнева наш народ, он полон жажды мести за пролитую кровь, за украденное счастье, за сожженные города и села, за замученных братьев, сестер, детей.

Братья и сестры! Хвастливый людоед Гитлер и хищный ублюдок Антонеску уже предвкушали торжество победы и порабощения нашей родины, но эти изверги позорно просчитались. Наша героическая Красная Армия, поддерживаемая всем народом страны Советов, возглавляемая великим полководцем Сталиным, не только вправа разрушила все сумасбродные замыслы Гитлера, но и отбросила оккупантов на запад.

Очищены уже тысячи населенных пунктов от немецко-румынских орд. Под мощными ударами нашей доблестной Красной Армии фашистские полчища откатываются назад, неся огромные потери в живой силе и технике. Немецкие оккупанты потеряли убитыми и ранеными миллионы солдат. Десятки румынских дивизий наголову разбиты и нашли себе могилу под Одессой, в Крыму, Донбассе. Громят этих грабителей и наши славные бесстрашные партизаны в тылу.

Родные братья и сестры!

Неисчерпаемы силы советского народа. Они растут изо дня в день. Все народы Советского Союза поднялись на священную войну за полное истребление оккупантов, за очищение нашей священной земли от этой звериной погани. И недалек час полного разгрома озверелого врага. Недалек час, когда со всей территории, оккупированной фашистскими захватчиками, будет изгнана немецко-румынская грабьярмия и снова над Советской Молдавией высоко будет реять красное знамя — символ народной свободы.

Мы всех призываем к мужеству и самоотверженной борьбе против смертельных врагов советского народа, против ставленников Берлина — Антонеску и его банды.

Готовьтесь к радостной встрече наших доблестных воинов Красной Армии, создавайте больше партизанских отрядов. Идите в партизаны, помогайте Красной Армии громить зарвавшихся фашистов.

Беспощадно истребляйте оккупантов. Уничтожайте изменников родины. Разрушайте мосты, железные дороги, телеграфные и телефонные линии, прячьте хлеб, скот, одежду от фашистских захватчиков.

Не выполняйте приказов бухарестских холопов и их немецких господ. Уничтожайте провокаторов, агентов сигуранцы и гестапо. Помните, что ваша активная борьба в тылу ускорит победу Красной Армии над нашими поработителями.

Вперед, на борьбу за полное уничтожение оккупантов! Чем крепче удар по врагу, тем ближе час освобождения нашей родной земли, тем ближе час возрождения нашей счастливой жизни.

Смерть оккупантам!

Да здравствует Советская Молдавия!

Да здравствует нерушимая дружба народов Советского Союза!

Да здравствует наша героическая Красная Армия!

Да здравствует великий Сталин!

Принято 29 марта 1942 г. на митинге представителей молдавского народа.

«Правда» от 31/III 1942 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ОФИЦЕРОВ И СОЛДАТ 9 РОТЫ 427 ПЕХОТНОГО ПОЛКА, ДОБРОВОЛЬНО ПЕРЕШЕДШИХ НА СТОРОНУ СОВЕТСКИХ ВОЙСК

На одном из участков Калининского фронта 27 марта 1942 года солдаты и офицеры 9 роты 427 пехотного полка 129 немецкой пехотной дивизии добровольно перешли на сторону советских войск. Солдаты и офицеры этой роты обратились со следующим призывом к солдатам и офицерам 427 немецкого пехотного полка:

«К вам, наши друзья по оружию и испытаниям, обращаемся!

Мы, командиры и солдаты 9 роты 427 ПП, как и все вы, в течение девяти месяцев участвуем в бессмысленной кровопролитной войне, затеянной против народов Советского Союза. 27 марта мы, остатки девятой роты в количестве 25 человек, во главе с командиром роты обер-лейтенантом Густавом Ферман и его адъютантом, добровольно перешли на сторону советских войск и тем самым избавились от того ада, в какой ввергли нас Гитлер и его клика.

Друзья! А ведь в нашей роте к началу войны было 190 человек, теперь 50 из них убито, 30 обморожено и около 100 человек ранено. Нас осталось всего 25 человек, несмотря на то, что наша рота несколько раз получала пополнение. Такое положение мы сами видели во всех ротах нашего батальона и всего полка. Что же ждет нас завтра? Об этом обязан подумать каждый солдат и офицер, если он хочет остаться живым.

Нас все время пугали, что советские войска не берут в плен, а расстреливают на месте. Каждый из нас должен констатировать, что все, что нам говорила наша пропаганда о том, как относятся к нашим солдатам в советском плену, есть дикая ложь. Нас очень хорошо приняли, посадили в теплое помещение, накормили, а раненых наших — перевязали. Теперь нас ожидает отправка в глубокий тыл, где мы будем находиться до конца войны, когда мы сумеем вернуться к своим семьям на родину. Мы в это теперь твердо верим, так как воочию убедились, что советские войска точно выполняют приказ Сталина, где говорится: «Красная армия берет в плен немецких солдат и офицеров, если они сдаются в плен, и сохраняет им жизнь».

Мы убедились также в силе, могуществе Красной Армии и ее неисчислимых резервах. К нам же в германскую армию правительство вынуждено сейчас призывать стариков и детей и даже снимать рабочих с оборонных заводов. Это мы знаем по нашей роте, в которой последнее пополнение из 10 человек целиком призвано с оборонных заводов Бранденбурга и других городов.

Друзья! Нет смысла дальше продолжать эту кровопролитную войну, мы уже по горло сыты войной. Последуйте нашему примеру и примеру солдат и унтер-офицеров десятой, одиннадцатой, двенадцатой и тринадцатой рот нашего полка, а также солдат и унтер-офицеров третьей роты 110 саперного батальона и 3 роты 110 дивизиона противотанковых орудий 110 немецкой пехотной дивизии, также добровольно сдавшихся в плен. Кончайте с войной, сдавайтесь в плен, и вы спасете свою жизнь».

Обращение подписали: обер-лейтенант — командир роты Ферман Густав; обер-фельдфебель — командир взвода Грюн Август; старший ефрейтор — солдат Каде Вильгельм; унтер-офицер — командир отделения Ридель Юлиус; унтер-офицер — командир отделения Гертман Якоб; унтер-офицер — командир отделения Коланд Ганс; ефрейтор-стрелок Рилицкий Отто; ефрейтор-стрелок Циммерман Эрнст; ефрейтор-стрелок Зелец Фриц; ефрейтор-стрелок Хенсидаль Иоган; ефрейтор-стрелок Эрнст Единн; солдат-стрелок Ре Вильгельм; старший ефрейтор-стрелок Росс М.; старший ефрейтор-стрелок Люкоф Рейнгольд; ефрейтор-стрелок Экарт Вилли; старший ефрейтор-стрелок Ульбах Карл; старший ефрейтор-санитар Перче Антон; солдат-стрелок Аридт Карл; старший ефрейтор-стрелок Шульц Иоган; ефрейтор-стрелок Коль Курт; солдат-стрелок Худер Петер; старший ефрейтор-стрелок Хетцер Гуго; солдат-стрелок Макхохт Курт; солдат-стрелок Пишбиля Хельмут; старший ефрейтор-стрелок Леонхард Яков.

С текстом обращения 9 роты 427 немецкого пехотного полка ознакомились добровольно сдавшиеся на-днях в плен солдаты и унтер-офицеры 10, 11, 12, 13 и штабной роты 427 полка в количестве 22 человек, а также солдаты и унтер-офицеры 3 роты 110 саперного батальона и 3 роты 110 дивизиона противотанковых орудий 110 немецкой пехотной дивизии в количестве 39 человек. Все они целиком одобрили опубликованное выше обращение, единодушно присоединились к нему, скрепив это обращение своими подписями.

«Правда» от 31/III 1942 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ВЫСТУПЛЕНИЯ тов. ЛИТВИНОВА и ЛОРДА ГАЛИФАКСА В НЬЮ-ЙОРКЕ

НЬЮ-ЙОРК, 17 марта. (ТАСС). 16 марта тов. Литвинов выступил с речью в «Экономическом клубе Нью-Йорка» на приеме, на котором выступили также английский посол лорд Галифакс, китайский посол Ху Ши и др.

Рузвельт обратился к участникам этого приема с посланием, в котором приветствует «выдающихся представителей объединенных стран, связанных между собою клятвой обеспечения победы справедливости над силами зла, стремящимися к установлению мирового господства».

Тов. Литвинов указал, что целью его выступления является освещение того вклада, который вносит Советский Союз в общее дело. Тов. Литвинов заявил, что своей борьбой против гитлеровских армий в течение 9 месяцев Красная Армия лишила Гитлера возможности предпринять какие-либо значительные военные операции где-либо в другом месте. Красная Армия уничтожила легенду о непобедимости гитлеровской армии, нанесла ей колоссальные потери людьми и техникой, подорвала моральное состояние германской армии и тыла.

«Мы отогнали гитлеровские армии не так далеко, — заявил тов. Литвинов, — но совершенно очевидно, что если бы наши силы можно было увеличить или же, — а этого еще легче достичь, — если германские силы могут быть расколоты, либо ослаблены на советско-германском фронте путем отвлечения их в другое место, то было бы возможным отогнать их еще дальше назад, до германской границы, до Берлина и дальше него. Чем дальше германская армия будет отогнана, тем больше в ней будет деморализации, тем больше будет брожения в ее рядах и тем сильнее будет недовольство внутри Германии, тем большая активность будет проявлена населением оккупированных стран, ненавидящим Гитлера, населением, которое только и ждет сигнала для решающих действий. А единственный сигнал, который оно признает, это — серьезный разгром германской армии».

Говоря о совместной борьбе свободолюбивых народов против гитлеризма, тов. Литвинов предостерег от увлечения общими заявлениями о том, что «в конце концов победим, так как добро неизбежно торжествует над злом». «Мне кажется, — продолжал тов. Литвинов, — что впервые появились на горизонте практические пути обеспечения победы над Гитлером, являющимся основной пружиной держав оси. Нельзя отрицать ту истину, что практические пути к победе связаны с риском. Но разве Гитлер не обязан своим значительным успехом в высшей степени рискованной попытке в Норвегии? Не исключено, что, проводя политику ожидания, не предпринимая ничего и упуская одну возможность за другой, мы подвергаемся еще большему риску. Между тем действия, связанные с риском, имеют во всяком случае некоторые шансы на успех, в то время как бездействие, которое также связано с риском, практически никогда не приводило к успехам».

«Мы склонны думать, — сказал в заключение тов. Литвинов, — что каждый новый год войны дает дополнительные шансы на победу. Мы призываем время стать нашим союзником. Но мне кажется, что время является коварным союзником, который готов сражаться на любой стороне. Для стран, борющихся с гитлеризмом, конечно, было бы весьма выгодно проводить выжидательную политику, пока будут созданы резервы и вооружения в больших размерах, чем это может сделать противник, если бы он поклялся бездействовать в течение этого времени. Но именно этого он и не допустит, он извлечет выгоды из своих нынешних успехов для дальнейшего продвижения с целью оккупации новых пунктов, обеспечивающих захват дополнительных источников сырья для порабощения еще больших миллионов людей, для приобретения, а это может случиться, новых союзников. Эти преимущества могут более чем уравновесить любое превосходство вооружения, какое антигитлеровские страны могли бы создать в период такого рода одностороннего перемирия».

Английский посол лорд Галифакс в своей речи, в частности, заявил: «В истории человечества никогда не было такого стихийно возникшего союза, как объединенные страны, обязавшиеся сотрудничать в качестве истинных товарищей во имя одного общего дела — разгрома и уничтожения тирании. Географические факторы будут определять участок каждой из стран в общем деле». Остановившись на роли Китая, лорд Галифакс заявил: «Мир далеко не сразу осознал, что борьба Китая является частью общего дела сопротивления беззаконию и агрессии. Мир находится в долгу перед Китаем, благодаря тому мужеству, с которым он выполнял эту гигантскую задачу».

«За последние девять месяцев, — продолжал английский посол, — на фронте протяжением в несколько тысяч миль Россия приняла на себя всю силу удара германской армии. Доблестью своей организованной армии, действиями своих храбрых отрядов, оперирующих в германском тылу, героизмом русских летчиков и изумительным хладнокровием гражданского населения Советская Россия показала всем нам великолепный пример».

Лорд Галифакс заявил далее, что союзники не намерены ограничиваться оборонительной стратегией, «которая никогда не может обеспечить полного разгрома Гитлера и его сообщников».

Весной и летом потребуются много мужества и выдержки. «Мы много потеряли и можем потерять еще больше». Тем не менее, сказал в заключение Галифакс, противник уже почти достиг предела своей военной и промышленной мощи, в то время как объединенные страны обладают огромными военными и промышленными резервами, а также многочисленными союзниками, в том числе в лице народов всех оккупированных и порабощенных стран. Мы никогда не должны забывать, что, выиграв войну, мы должны выпустить мир.

Китайский посол Ху Ши в своем выступлении подчеркнул, что успешное героическое сопротивление советских армий и всего советского народа радикальным образом изменило характер войны в Европе.

«Правда» от 19/III 1942 г.

РЕЧЬ МАЙСКОГО

ЛОНДОН, 26 марта. (ТАСС). 25 марта при вручении советских орденов английским летчикам советский посол в Англии Майский произнес следующую речь: «От имени Советского правительства, от имени Красной Армии, Красного воздушного флота и Красного военно-морского флота сердечно поздравляю четырех храбрых членов Королевского воздушного флота с пожалованием им высшего знака отличия СССР — ордена Ленина. Это достойная награда за проявленные ими мужество, выдержку, боевое искусство, преданность общему делу. Они хорошо дрались с врагом. Они дали прекрасные образцы того, как надо очищать небо от фашистских стервятников. Страна, родившая и воспитавшая их, может по праву гордиться своими сыновьями».

Но это пожалование орденов является вместе с тем важным и многообещающим символом. Четыре члена Королевского воздушного флота заработали свои ордена в СССР. Они дрались на нашем фронте. Рука об руку со своими советскими коллегами они бились против нашего общего врага. Советские и британские летчики вместе поднимались в небо, вместе сражались, вместе уничтожали самолеты противника. Они были товарищами по оружию в самом полном и лучшем смысле этого слова. Британские летчики оставили хорошую память о себе среди своих советских коллег и советского населения. В то же время боевое содружество советских и британских летчиков дало пример того, какими должны быть отношения между нашими обеими странами в грозную годину новой мировой войны.

Это особенно важно понять и осознать теперь. Целый ряд симптомов заставляет думать, что война приближается к решающему моменту и что 1942 году суждено

стать поворотным пунктом в ее развитии. И если в эти, полные величайшего значения дни товарищество по оружию между союзниками, особенно между СССР и Англией, будет столь же совершенным, как то, которое сложилось между британскими и советскими летчиками на нашем фронте, то все мы сможем смело смотреть в лицо будущему.

Я твердо верю, что военное сотрудничество наших стран в 1942 году будет именно таким. Я верю также, что оно будет построено на правильных принципах. Для этого надо твердо помнить о четырех основных вещах.

Первая — это то, что мы ведем сейчас современную войну. Не войну XIX века, даже не войну 1914—18 года, а войну 1939—42 года. Сущность же современной войны состоит в том, что она является, как недавно выразился Сталин, войной моторов. Высокая техника современной войны побивает время и пространство. Быстрота становится лозунгом дня. Операции, раньше требовавшие многих месяцев для своего выполнения, теперь укладываются в несколько дней. Расстояния, которые раньше считались непреодолимыми, теперь покрываются в несколько часов. Тому, кто недооценивает значение этих огромных перемен, приходится дорого расплачиваться за свое неумение думать и действовать по-современному.

Вторая вещь, которой никогда нельзя забывать, — это то, что простое арифметическое превосходство одной стороны над другой в населении, территории, естественных богатствах, промышленных возможностях само по себе еще не гарантирует победы. Конечно, все это очень важно. Однако в борьбе прежде всего учитываются не потенциальные, а фактически мобилизованные ресурсы. В истории можно найти примеры, когда меньшее государство, но с хорошо мобилизованными ресурсами одерживало верх над большим государством, но с плохо мобилизованными ресурсами. Секрет победы состоит в том, чтобы в решающий момент на решающем участке иметь решающее превосходство над противником. Необходимой предпосылкой для этого является наступательный дух в генеральной стратегии войны (включая политическую и экономическую войну). Союзникам не помогут никакие, даже самые грандиозные цифры их потенциальных человеческих, промышленных и естественных ресурсов, если они не будут мобилизованы с быстротой, соответствующей требованиям современной войны, и если союзники не научатся в решающий момент на решающем участке концентрировать силы, превосходящие силы противника.

Третья вещь, которая имеет серьезнейшее значение, — это вопрос об инициативе. На Советском фронте инициатива вырвана из рук Гитлера, и мы не собираемся ему эту инициативу возвращать. Однако на некоторых других фронтах инициатива все еще находится в руках врага. Вот почему именно враг во многих случаях определяет время, место и темп военных операций. Союзники должны ликвидировать такое положение. Они должны взять инициативу в свои руки. Для этого они должны превзойти противника во всех отношениях. Если противник смел, они должны быть еще смелее. Если противник упорен, они должны быть еще упорнее. Если противник полон наступательного духа, они должны быть еще более преисполнены этим духом. Только так можно прийти к победе.

Наконец, четвертая вещь, которую надо ясно осознать. — это то, что положение будто бы «время на нашей стороне», отнюдь не является аксиомой. Конечно, если бы враг был статичен, а союзники динамичны, время было бы другом союзников. На деле это не совсем так. Союзники имеют огромные ресурсы. Они их быстро мобилизуют, но ведь и противник не стоит на месте. Он завоевывает новые страны, расширяет свою сырьевую базу и свои промышленные возможности. Между обоими лагерями происходит гонка за выигрыш времени. Кто кого обгоняет? Тот, кто проявляет больше смелости, быстроты, решительности. Несомненно; союзники в 1943 году будут иметь больше танков, самолетов, чем имеют их сейчас, но если тем временем враг захватит еще несколько новых территорий — где гарантия, что соотношение сил, в конечном счете, изменится в благоприятную для союзников сторону?

Вывод из всего сказанного ясен. Враг ставит ставку на 1942 год. Именно весной и летом этого года он собирается сделать «сверхчеловеческое» усилие, чтобы победить. Задача союзников очевидна: они тоже должны поставить ставку на 1942 год и весной и летом именно этого года сделать свое «сверхчеловеческое» усилие для того, чтобы разбить врага. Такова наилучшая из всех возможных стратегий.

Часто можно услышать: но союзники еще не закончили своей подготовки. Я не знаю, был ли в истории какой-либо главнокомандующий, который накануне боя сказал бы, что он вполне к нему подготовлен. Но, если даже допустить, что приготовления союзников еще не вполне закончены, все-таки нельзя отрицать, что ими за последние 2 года достигнуты громадные успехи. Все союзники, взятые вместе, уже сейчас имеют все необходимое для победы: войска, самолеты, танки, оружие. Нельзя ждать, пока последняя пуговица будет пришита к куртке последнего солдата. Времена слишком грозны. К тому же история — не тротуар Пикадилли. Иногда приходится принимать бой не в тех условиях, которые желательны, а в тех условиях, которые неизбежны. В этом случае приходится быстро переделывать планы и приспособляться к обстоятельствам. Сейчас именно такой случай. Сейчас решающий

момент — 1942 год, решающий участок мирового фронта — СССР. Из этого надо исходить. Если союзники действительно хотят победы (а в этом я не сомневаюсь), то они должны суметь сконцентрировать в данный момент и на данном участке фронта силы, превосходящие силы неприятеля. Как, когда, в каких формах это должно быть осуществлено — дело союзных штабов. Важно лишь то, чтобы вся работа штабов была проникнута одной мыслью, одним лозунгом — 1942 год, а не 1943.

Если, как я твердо надеюсь, союзники пойдут по этому пути, становой хребет гитлеровской Германии будет перебит уже в нынешнем году. Останется лишь добить бешеного зверя. И тогда будущие поколения отметят 1942 год как начало новой и лучшей эпохи в истории человечества».

«Правда» от 28 марта 1942 г

ВЫСТУПЛЕНИЕ ИДЕНА

ЛОНДОН, 30 марта. (ТАСС). Как передает английское министерство информации, министр иностранных дел Иден выступил в Уэльсе с речью. Иден остановился на достижениях Красной Армии.

«Оказавшись внезапно лицом к лицу со всей военной мощью Германии, — сказал он, — русские солдаты с боями отступали по своей земле, оказывая упорное и организованное сопротивление. На каждом шагу они причиняли потери германским армиям. В тот самый момент, когда Гитлер хвастал, что через несколько дней он будет в Москве, русские начали контрнаступление. В мировой военной истории найдется мало более замечательных достижений. Мы должны оценивать эти достижения не с точки зрения одной стратегии, а с точки зрения индивидуальных человеческих усилий, когда мы отдаем русским должное за их мужество и выдержку, которые могли бы столь сильно пострадать во время длительного отступления; в тот самый момент, когда противник считал, что сопротивление, наконец, сломлено, русские нанесли ответный и победоносный удар. Прошлым летом Гитлер хвастал, что через несколько недель русские запросят мира. Когда этого не произошло, Гитлер осенью заявил, что через несколько дней русская столица будет в его руках. Когда и этого не произошло, Гитлер, хваставший, что его кампания закончится задолго до наступления зимы, заявил, что его наступление будет продолжаться, несмотря на зиму. Все это оказалось пустым хвастовством. Хваленая интуиция Гитлера привела его к колоссальным ошибкам. Миллионы молодых немцев заплатили за эти ошибки своей жизнью и отмо- рожженными конечностями».

Далее Иден коснулся вопроса об английской помощи СССР и воздал должное рабочим английских предприятий, морякам военно-морского и торгового флота, обеспечивающих непрерывную погрузку и доставку в СССР посылаемых из Англии военных материалов.

— Приятно, — говорит Иден, — читать сообщения, поступающие к нам о прекрасных действиях самолетов «Харрикейн», которые находятся в руках русских летчиков-истребителей во многих секторах советско-германского фронта. Эти самолеты не в малой степени способствуют противовоздушной обороне Москвы. Они принимают участие в обороне Ленинграда. Русские пилоты, являющиеся чрезвычайно способными и опытными летчиками, уничтожили много германских самолетов на английских машинах и высоко оценивают их качества даже в чрезвычайно трудных условиях арктической зимы. Мы получили также благоприятные сведения о действиях английских танков на русском фронте.

Дав высокую оценку состоянию английской армии и военно-воздушных сил, Иден продолжал: «Мы переживаем наиболее напряженный период войны. В Европе союзники и державы оси готовятся к сражению, которое может оказаться решающим. При подобных обстоятельствах красивые речи совершенно неуместны. Необходимы упорные и неослабевающие усилия. Мы привыкли говорить себе, что победа неизбежна. Но победа неизбежна только для тех, кто ее заслуживает».

«Не так давно, — сказал в заключение Иден, — я был обязан сказать палате общин о Гонконге. Это была неприятная обязанность. Гонконг находится далеко от Англии. Польша, Норвегия, Бельгия и Греция также, кажется, далеко отстоят отсюда. Однако то, что произошло там, совершится и здесь, если мы будем разбиты. Их судьба поистине тяжела и ужасна. Мы полны решимости сделать так, чтобы эта судьба была проходящим явлением и чтобы солнце мира, свободы и счастья вновь засияло в этих несчастных, страдающих странах. Оно засияет также и в Англии».

«Правда» от 31 марта 1942 г.

КОНСУЛЬТАЦИЯ

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

В. Бочкарев

I

В многовековой истории героической борьбы русского народа с иноземными агрессорами и захватчиками за свою независимость одно из первых мест занимают страницы, посвященные Александру Невскому, доблестному защитнику земли русской от шведов и немцев, пытавшихся семь столетий назад вторгнуться в ее пределы.

Семь столетий назад в результате распада Киевского государства русская земля представляла собой множество расчлененных мелких княжеств — уделов. Процесс феодального дробления захватил также, хотя и в меньшей степени, и обширные владения Великого Новгорода, а также его главного пригорода, позднее его «младшего брата», — Пскова. Князья и бояре, владевшие такими уделами и боярщинами, т. е. населенными территориями с городами и селами, были заинтересованы только в том, чтобы удержать свои вотчины и расширить их за счет соседнего феодала-землевладельца. Об интересах русской земли они мало думали. Такая территориальная раздробленность и как следствие ее феодальные несогласия и кровавые междоусобицы удельных князей не могли не ослаблять страны и ее обороноспособности.

«Слово о полку Игореве», эта героическая поэма борьбы южнорусских князей с половецкими полчищами в XII в., так рисует тогдашнее состояние русской земли:

«...Земля сеялась и росла усобицами, в княжих крамолах век человеческий сократился. Тогда по русской земле редко были слышны крики пахарей, но часто каркали вороны, деля между собой трупы. Сказал брат брату: это мое, и это мое же, и на малое стали князья говорить большое, начали они на себя ковать крамолу, а поганые язычники, т. е. половцы, приходили с победами на землю русскую».

Правда, все то, что вскрывает автор «Слова о полку Игореве», относится главным образом к южнорусским княжествам — Черниговскому, Северскому и Киевскому, — но, в сущности, то же можно сказать и о других удельно-княжеских территориях, где

были те же усобицы, те же нескончаемые кровавые схватки.

Осенью 1237 г. на русской земле появились с востока, из-за Каспийского моря, монголо-татарские полчища под предводительством хана Батые.

Нашествие Батые обрушилось сперва на Центральную; Владимиро-Суздальскую Русь, на Оку и на верхнюю Волгу (современные области: Рязанская, Московская, Ивановская, Ярославская, Калининская и др.), а затем, в 1240—1241 гг., — на южнорусские княжества — Черниговское, Киевское и Галицко-Волынское, — т. е. на территорию современной Украины. В разоренных ими местах татары оставили пепелища и пожарища; города были в развалинах, многие из них навсегда исчезли с лица земли. После батыева погрома на Руси осталась лишь одна десятая часть населения. Те из горожан и сельчан, которые успели спастись, укрывались в лесных, болотистых местах. Но здесь большинство из них умерло голодной смертью. Татарское иго, тяготевшее над Русью более 200 лет, обескровило страну тяжкими поборами и частыми разорениями, сильно подорвав ее производственную мощь.

Только один большой район в Восточной Европе не подвергся в 1237—1241 гг. опустошению от татар. Это был покрытый густыми лесами озерный и болотистый Новгородско-Псковский край, лежавший в северозападном углу русских земель того времени.

В апреле 1238 г., разгромив города по верхней Волге, Батый двинулся было к Новгороду, но начавшаяся распутица и половодье помешали татарским полчищам идти дальше. Не дойдя приблизительно 100 км до Новгорода, Батый повернул обратно.

Но Новгородско-Псковскому краю, избежавшему татарского нашествия, на рубеже 30—40-х гг. XIII в. угрожала опасность с другой стороны — с запада, с берегов Балтийского моря. И как раз то обстоятельство, что вся остальная Русь, и в центре и на юге, лежала в развалинах и истекала кровью после страшных потрясений батыева нашествия, сделало эту опасность вполне реальной.

II

На восточном побережье Балтийского моря, на всем пространстве современных Финляндии, Эстонии, Латвии, а также отчасти Литвы и Пруссии, в конце XII и в начале XIII в. укрепились шведы, датчане и немцы, проникшие сюда с благословения римско-католической церкви в виде рыцарских крестоносных ополчений.

На всех этих землях издавна обитали славянские, литовские и финские племена.

Юговосточное побережье Балтийского моря было заселено пруссами, латышами, летгалами, курами, ливами и эстами. Маркс писал, что здесь «от Вислы до устья Невы [жили]: эсты, ливы или латыши, куры, литовцы и пруссы, принадлежавшие, за исключением эстов финской народности, к славянам»¹.

Область ливов в устье Западной Двины, как наиболее крупного водного пути из Балтийского моря к верховьям Днепра и Волги, имела наибольшее значение, поэтому по имени ливов всю эту Восточную Прибалтику называли Ливонией. Среди всех этих племен развиты были земледелие и скотоводство. Большое значение в их экономике имели бортничество (лесное пчеловодство) и рыбная ловля как в море, так в реках и озерах. Племенные вожди, или старейшины, имели у этих народов Восточной Прибалтики власть над довольно значительными территориями. У старейшин были дружины, вместе с которыми они вели свои межплеменные войны. Из перечисленных племен эсты, жившие вдоль южного побережья Финского залива, раньше других вступили в торговые сношения со скандинавами и русскими. Русское влияние среди эстов начинается еще с первой половины XI в., когда Ярослав Мудрый основал здесь город Юрьев и стал взимать с эстов дань. Одно из наиболее старинных русских княжеств — Полоцкое — в XI—XII вв. господствовало на всем протяжении Западной Двины и взимало с ливов и эстов умеренную дань. Однако прибалтийские племена хотя и уплачивали русским князьям дань, но, по видимому, сохраняли свою независимость, так как памятники не говорят ни о каких восстаниях с их стороны. Культурное влияние русских сильно сказывалось в языке и быте этих племен. Есть указания на частичное распространение среди эстов и ливов христианства по восточному, греческому обряду.

Новгородские князья с половины XI в. не раз предпринимали походы на соседние прибалтийские племена, которых русские летописи называют «чудь», и облагали их данью.

На территории к северу от Финского залива издавна проживали финские племена, основными из которых были сумь, емь и карелы. К XII в. среди этих

племен уже заметно разложение первобытно-общинного строя. Выделяются вожди и старейшины, управляющие отдельными финскими племенами. Основным занятием населения Финляндии в XI—XIII вв. было подсечное земледелие, а рыболовство и охота являлись главными подсобными промыслами. Еще в IX в. самое восточное из финских племен — карелы — входило в состав новгородских владений, к началу же XIII в. Карелия стала неотъемлемой частью территории Великого Новгорода. С конца XI в. новгородцы стали проникать и дальше, в глубь Финляндии.

Зависимость финских племен от Новгорода не приводила к их порабощению. Новгородцы сохраняли среди финнов местный уклад жизни и племенной административный строй. Таких же приемов колониальной политики Новгород держался и в других местах, ограничиваясь лишь сбором дани с подчиненных ему племен. Благодаря таким приемам своей колониационной экспансии новгородцам при их весьма ограниченных людских ресурсах удалось освоить и закрепить за собою колоссальную территорию от Финляндии до Уральских гор и от Волги до Ледовитого океана.

Уже в начале XII в. с Восточной Прибалтикой, вплоть до самого Новгорода, начинают вести торговлю немцы. Эту торговлю стремились захватить в свои руки купцы города Бремена. На острове Готланд ими был основан город Висби, который стал центром западной торговли в Прибалтике. В начале 60-х гг. XII в. немецкие купцы обосновались в устье Западной Двины. Кроме Новгорода они проникли также в Полоцк и Смоленск. Так положено было начало продвижению немцев в Восточную Прибалтику.

Вооруженное продвижение в Восточную Прибалтику начали в XII в. шведы, причем их чисто разбойничьи удары направлены были на мирные племена сумь и емь, проживавшие в югозападной части современной Финляндии.

Завоевание Финляндии шведами представляло собой длительный, полный кровавых неистовств процесс, затянувшийся почти на 150 лет. Свои грабительские экспедиции скандинавские рыцари подобно другим западноевропейским феодалам того времени облекли в форму крестовых походов. Эти крестовые походы направлены были не только против язычников-финнов, но и против русских, давно принявших христианство.

В 1157 г. шведский король Эрик «святой» с благословения римского папы предпринял первый крестовый поход в Финляндию. Насильно окрестив покоренное приморское население и оставив для окончательного подчинения финских племен сильные гарнизоны в ряде укрепленных пунктов, Эрик вернулся в Швецию. Шведы требовали от покоренных племен дани, поголового крещения в католическую веру, особых податей для католической церкви и передачи церкви земельных угодий; они вводили по

¹ Архив Маркса и Энгельса. Том V, стр. 340. Госполитиздат. 1938.

всей стране шведскую администрацию и стремились к превращению местного населения в феодально зависимых крестьян. Вполне понятно, что все это вызывало среди финского населения резкий отпор. В 1158 г. финнами был убит шведский епископ Генрих, в дальнейшем той же участи подверглось еще несколько епископов и других высших представителей шведской католической церкви.

Финны обращались за помощью к новгородцам, которые и сами были заинтересованы в том, чтобы выгнать шведов из Финляндии. В 1198 г. новгородцы прошли огнем и мечом по шведским опорным пунктам в Финляндии и осадили замок Або. Замок был взят, а захваченный в нем епископ Фольквин убит. Этим был нанесен шведам весьма серьезный удар, от которого они долго не могли оправиться.

Одновременно с проникновением шведов в Финляндию юго-восточное побережье Балтийского моря подверглось завоеванию со стороны немцев.

В конце XII в. в Прибалтийском крае появляются немецкие католические миссионеры. С 1186 г. здесь возникает первое епископство, находившееся в иерархической зависимости от бременского архиепископа. Первым епископом Ливонии был августинский монах Мейнард. Однако проповедь христианства не имела успеха среди местного населения. Новая вера становилась источником его закабаления, что вызывало со стороны эстов и ливов упорное сопротивление. В помощь Мейнарду папой был организован крестовый поход. В 1198 г. в устье Западной Двины высадились большие войско крестоносцев из Северной Германии, вместе с которыми прибыл и вновь назначенный епископом в Ливонию после смерти Мейнарда — Бертольд; но он был вскоре убит ливами, дружно поднявшимися против этих «апостолов»-поработителей. Однако победа все же осталась за крестоносцами, и ливам пришлось заключить с ними мир и принять крещение. Но как только ослабевал военный нажим на местное население, оно быстро отказывалось от новой веры.

Новый епископ Альберт, этот, по выражению Маркса, «паршивый бременский каноник», вступил в Ливонскую землю с новым рыцарским ополчением. В 1201 г. в самом устье Западной Двины он построил город Ригу, куда и была перенесена епископская резиденция. С постройкой Риги вся внешняя торговля Прибалтики оказалась под контролем епископа, который получал с нее большой доход в виде десятины. Полоцкие и смоленские купцы лишены были теперь возможности вести непосредственную торговлю с Готландом.

Для упрочения немецкого влияния в Ливонии Альберт стал добиваться образования нового рыцарского ордена, специально для Восточной Прибалтики. В 1202 г. с благословения римского папы был основан Орден меченосцев. Прекрасно вооруженный и организованный по классовому принципу, этот Орден явился в руках епископа Аль-

берта мощной военной силой для окончательного покорения всей Ливонии. Ливы, вооруженные лишь стрелами и дротиками, действовавшие к тому же вразброд в силу своей племенной разобщенности, не могли дать рыцарям дружного отпора. В 1208 г. земли ливов по нижнему течению Западной Двины были окончательно покорены меченосцами. Население Ливонии, недавно еще свободное, стало крепостным. Строились новые замки и крепости, и с еще большим упорством взималась десятина. В духовных и светских имениях крестьяне отбывали тягелую барщину.

Вслед за ливами той же участи подверглись и эсты. Но меченосцы, не имея флота, долго не могли справиться с эстами, у которых были корабли. Тогда Альберт обратился к датскому королю, который при помощи своего военного флота довольно быстро покорил Эстонию. Опорным пунктом своих вооруженных экспедиций датчане сделали город Ревель. К 1228 г. закончилось покорение эстов, хотя они и после этого не раз восставали против своих поработителей. Здесь также насильственно проводилась христианизация, причем центром Эстонии в церковном отношении стал Дерпт, где имел свое пребывание особый епископ. Вся Ливония оказалась в вассальной зависимости от германского императора.

Одновременно с покорением Ливонии немцы-крестоносцы утвердились и в южной части Восточной Прибалтики, в земле пруссов, занимавших территорию от нижнего течения Вислы до устья Немана. Здесь стал орудовать другой немецкий рыцарский орден — тевтонов, — приглашенный сюда в 1226 г. одним из соседних с Пруссией польских князей — Конрадом Мазовецким.

Маркс дает яркую картину тех жестоких, кровавых приемов, которыми тевтоны приобщали к благам христианской культуры язычников-прусов: «Рыцари» неистовствуют, как испанцы в Мексике и Перу; пруссы храбро сопротивляются, но все более и более изнемогают; чужеземные завоеватели провишают в глубь страны, вырубая леса, осушают болота, уничтожают свободу и фетишизм коренного населения, основывают замки, города, монастыри, сеньерии и епископства немецкого образца. Там, где жителей не истребляют, их обращают в рабство»¹. Героическая борьба пруссов продолжалась столетия, но все же немцам удалось их окончательно поработить.

Оба немецких ордена стремились к одной цели — германизировать обширные пространства на восток от Балтийского моря. Вслед за эстами меченосцы предприняли покорение куров и литовцев. На последних, как мы знаем, наседали и тевтоны. Однако попытка ливонских тевтонских рыцарей совместно двинуться на восток

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. V, стр. 342—343.

против Литвы потерпела неудачу. В 1236 г. Ливонский орден меченосцев понес при Шауляе поражение от литовцев, а в следующем, 1237 г. с согласия папы произошло окончательное объединение меченосцев с тевтонцами, чем должно было быть усилено вооруженное продвижение немцев на восток.

III

Внедрение немецких «тисов-рыцарей» в Восточную Прибалтику представляло собой непосредственную опасность и для русских земель, в частности для Полоцкого княжества и Новгородско-Псковского края. Уже захватом Герцике и Кукенюйса, двух укрепленных пунктов по нижнему течению Западной Двины, принадлежавших полоцким князьям, меченосцы политически сильно ослабили Полоцкое княжество. В связи с этим произошло подчинение Полоцка Смоленску. Однако в 1223 г. объединенными усилиями полоцких и смоленских феодалов немцам был препражден путь на территорию Руси.

В борьбу с Ливонским орденом еще раньше втянут был и Новгород. В 1214 г. в Чудскую землю, как русские называли Эстонию, предпринял поход с 15-тысячным войском новгородский князь Мстислав. Известен также поход новгородцев на Ригу в 1216 году. Под 1217 г. летописи сообщают о битве с немцами соединенных ополчений новгородцев и поковичей: «И с немцы бишася, и убише две воеводе, а третьего руками яша, а лошадей отняли 700, и приидоша вси здрави»¹. После этого рыцари вынуждены были заключить с Новгородом мир. Около 1220 г. рыцарями опустошены были окрестности Пскова, причем захваченных в плен православных они принуждали к переходу в католичество.

Наступление татар с востока, из Азии, и битва на Калке 1223 г., в которой было нанесено поражение южнорусским князьям и половцам, были использованы Орденом для вторжения в Новгородскую землю. Орден стремился отомстить Новгороду за ту помощь, которую последний не раз оказывал эстам в их упорной, героической борьбе против немецких и датских крестоносных ополчений. Однако новгородцы быстро прогнали немцев и, преследуя рыцарей, достигли владений Ордена. Вступление новгородцев в Эстонию немедленно вызвало восстание востов, расправившихся со своими насильниками. У немцев отбит был Юрьев, но в том же, 1224 г. Юрьев был снова взят немцами, и его героические защитники были все вырезаны. Новгородцы и поковичи не смогли им своевременно прислать подмогу. Переименованный в Дерпт, Юрьев, этот старинный русский город в Эстонии, стал в руках рыцарей опорным пунктом для дальнейшего наступления на русские земли. На корот-

кий срок немцами был занят псковский пригород Изборск. В 1234 г. Ярослав Всеволодович, отец будущего неевского героя Александра, княживший тогда в Новгороде, совершил с новгородцами большой поход в Эстонию. Рыцари были жестоко побиты и вынуждены были заключить мир. Юрьев обязался вновь платить дань русским. Это поражение ливонских меченосцев было одной из причин их дальнейшего объединения с Тевтонским орденом.

Объединение двух немецких орденов в конце 30-х гг. XIII в. значительно укрепило силы рыцарей, тогда как батыева нашествие как раз в этот момент обессилило русские княжества. По инициативе римского папы Гонория, для покорения русских земель предпринят был новый крестовый поход, причем для нападения были выбраны три пункта: устье Невы, бассейн реки Наровы и Псковская земля. Католическая, римская церковь прилагала все усилия к тому, чтобы объединить силы немецких рыцарей и шведов для совместного удара на Русь.

Ливонский немецкий орден, пресполенный самыми агрессивными стремлениями, готовил план полного порабощения всех русских земель. Рыцари, по словам современника-летописца, говорили: «Укорим словенский язык». Шведы же стремились отрезать новгородцев от моря и захватить Неву как основную речную магистраль новгородской внешней торговли.

В 1240 г., когда было почти закончено завоевание монголо-татарами всей княжеско-удельной Руси, могущественный шведский герцог Биргер предпринял и лично возглавил новый крестовый поход на карельско-финские земли и на Русь, а в сторону Пскова устремились одновременно ливонские рыцари.

IV

В это трудное для нашей родины время, когда со всех сторон ей грозили враги, среди русских людей нашелся человек, показавший себя подлинным государственным деятелем, выдающимся полководцем и горячим патриотом. Это был новгородский князь Александр Ярославич, внук знаменитого владимиристо-суздальского великого князя Всеволода III, Большое гнездо.

У Всеволода III, умершего в 1212 г., было несколько сыновей, в том числе Юрий, занимавший во время батыева нашествия владимирский великокняжеский стол и погибший в марте 1238 г. в битве с татарами на реке Сити, в дремучих лесных местах к северу от Волги. После Юрия великим князем владимирским стал его брат, отец Александра, Ярослав, — первый из русских феодалов, признавший власть Золотой Орды, но тем не менее, как говорят современники, отравленный татарами, когда ездил на поклон к великому хану в далекую Монголию.

Александр родился 20 мая 1220 г. в Переяславле Залесском, где в это время удельным князем был его отец Ярослав. Почти

¹ Полное Собрание Русских Летописей (П. С. Р. Л.). IV, стр. 177.

вся ранняя молодость Александра протекла в Новгороде, в котором несколько раз подряд по приглашению веча княжил его отец, неоднократно отражавший опасность, грозившую новгородским владениям с запада от немцев и шведов. В 1236 г. Ярослав перебрался в Киев, а княжить в Новгороде вместо себя оставил своего шестнадцатилетнего сына Александра. Через два года, в 1238 г., Александр женился на дочери одного из полоцких князей, Брячислава торопецкого, причем торжественный брачный пир отпразднован был в Новгороде.

Молодой князь был высок ростом, красав собой, а полус его, по выражению современника, «гремел перед народом как труба».

Софийская летопись в специальном повествовании «О великом князе Александре» говорит о нем как «о умном и кротком и смысленном, о храбром, тезименитом царя Александра Македонского, подобнике царю Алевхысу, крепкому и храброму»¹. Современники ставили Александра чрезвычайно высоко как полководца: «Побеждая везде, а не победим николу же». Один из побывавших в Новгороде иностранцев, именем Андриаш, отзывался об Александре так: «Проходих многы страны и языки не видех такова ни в царих царя, ни в князих князя»².

Умный и осторожный Александр прерасходно понимал невозможность вести борьбу на два фронта. Поддерживая мирные отношения с Золотой Ордой, он старался обеспечить себе тыл для борьбы с немцами и шведами. Прекрасно учитывая опасность нападения литовских и шведских рыцарей на Русь, особенно на Новгородско-Псковский край, Александр Ярославич еще в 1239 г. начал строить укрепления на западных рубежах русской земли по реке Шелони³.

Нападение с запада, к отпору которого готовился Александр, произошло в 1240 году. За болезнью шведского короля фактическим правителем Швеции был герцог Биргер, который к этому времени тщательно разработал грандиозный план завоевания не только Приладожья, но и всей Новгородской земли. «Шатаюся безумием своим», Биргер лелеял мысль захватить в плен самого Александра Ярославича. Софийская летопись так передает планы Биргера и прочих шведских агентов в отношении князя Александра и всех жителей Новгородской земли: «Помысли в себе победити его или руками яти, а Великий Новгород пленити и вся грады их и людя Словенские к себе в работу сотворити», — или, как сказано в другом месте: «Хотя въсприяти Ладогу, простоже рку и Новгород и всю область Новгородскую».

Для похода на Русь Биргер собрал огромное войско. Помимо шведов в его войске были норвежцы и покоренные шведски-

ми завоевателями финские племена. С Биргером двигались также католические миссионеры и епископы, так как своему вторжению в русские земли шведы и римская церковь придавали характер крестового похода: «И събра силу велику, — пишет летописец, — местيري и бискупы свои... и Свея, и Сумь, и Емь»⁴.

Летом 1240 г. многочисленные полки Биргера, ядро которых составляли прекрасно вооруженные шведские бароны и рыцари, провибри на кораблях в Неву и стали в устье реки Ижоры, одного из ее левых притоков. Об этом Новгородская летопись сообщает: «И наполни корабля многи zelo полков своих и подвижеса в силе велице, пыхая духом ратным. И прииде в реку Неву и сташе Усть Жеры». Не ожидая нападения со стороны новгородцев, шведы расположились здесь лагерем и раскинули свои шатры, в центре которых высилась шатер самого Биргера, увенчаный издали бросающимся в глаза красивым, вызолоченным стягом. О прибытии шведов в Неву и о больших размерах их войска князю Александру в Новгород немедленно дал знать Пелгусий, один из старейшин Ижорской земли (так называлась прилегавшая к Неве часть Карелии). Одновременно в Новгород к князю Александру Ярославичу пришли и шведские послы с высокомерным заявлением от Биргера: «Аще можеша противитеса, то се есмь zde уже и пленю землю твою»⁵.

Хотя Новгород по своему политическому устройству был похож на демократическую республику, но, по существу, вся власть в нем находилась в руках боярско-ростовщической верхушки. Новгородское вече часто было ареной острой классовой борьбы. Боярские дворы то и дело подвергались разгрому со стороны закабаленных плебеев, или так называемых «черных людей». Однако перед лицом угрозы поражения иноземными завоевателями народные массы как в Новгороде, так, и в его пригородах проявили подлинный патриотизм и нашли в себе силы дать дружный отпор захватчикам. Войско, вышедшее навстречу шведам и состоявшее из перьяславской дружины Александра Ярославича, а также ладожских и новгородских ополченцев, было полно решимости защищать русскую землю.

Получив известие о высадке шведов на берегах Невы и о месте расположения их лагеря, Александр «не умедли нимадо», т. е. не теряя времени, с сравнительно небольшим отрядом конных и пеших воинов выступил из Новгорода. Часть его войска плыла в ладьях, а часть шла сухим путем вдоль берега Невы. Прекрасно используя полученные сведения, Александр под прикрытием тумана утром 15 июля 1240 г. напал на шведов.

Удар был настолько молниеносным, что шведы, погруженные в глубокий сон, не успели опомниться и взяться за оружие. Как говорит летописец, новгородцы не дали

¹ П.С.Р.Л. V, стр. 176.

² Там же, стр. 177.

³ Там же, X, стр. 114.

⁴ П.С.Р.Л. V, стр. 177.

⁵ П.С.Р.Л. III, стр. 53; V, стр. 177.

шведам «опоясать мечи на чресла свои». Русская рать теснила шведов к реке, рубила их мечами и колола копьями.

В этой битве Александр проявил мужество и силу, подлинное героичество и большое военное дарование. Он лично сразился с Биргером и нанес ему тяжелое ранение в лицо. «Самому королю взложи печать на лице острым своим мечем»,— говорит об этом подвиге Александра современник-летописец¹.

Но в Невской битве было немало и других героев, имена которых как доблестных защитников родины сохранили современные новгородские летописи. Наряду с дружинниками Александра стяжали себе славу и многие простые «вои» из новгородцев и ладожан. Дружинник князя Гаврило Олексич, преследуя бегущего Биргера, ворвался на коне по сходням на палубу шведского корабля. Сброшенный в воду, он вместе с конем благополучно выбрался на берег, врезался снова во вражеские ряды и изрубил насмерть двух знатных шведов—воеводу и епископа. Новгородец Сбыслав Якунович, вероятно один из местных бояр, вооруженный лишь топором на длинном древке, неоднократно наступал на врагов, «не имея страха в сердце», и сразил немало шведских рыцарей. Яков Полочаннин, дружинник князя Александра, заслужил личную похвалу его за то, что шахал на полк врагов с мечом «и мужествовав крепко». Младший княжеский дружинник Савва пробился к златоверхому шатру Биргера и подрубил столб, на котором укреплен был этот шатер. Шатер рухнул, «шюлци же великого князя Александра,—говорится в летописи,—видевше падение шатра того и възрадовашася». Новгородец Миша вместе с отрядом пеших ополченцев разгромил три вражеских корабля. Особую храбрость проявил в этой битве личный слуга Александра, его ловчий Ратмир. Он бился пешим, порубил немало врагов, но под конец боя, окруженный шведами, пал смертью храбрых.

Новгородцев в этой Невской битве пало всего 20, потери же Биргера были неисчислимы. Все берега Ижоры и Невы усеяны были вражескими телами. Две большие ямы доверху заполнены были трупами простых шведских воинов, «а добрых», т. е. павших в бою рыцарей, «повезоша два корабля»². Жалкие остатки войска Биргера с наступлением ночи поспешно бежали. Биргер, считавшийся ранее непобедимым, потерпел полный разгром. Слава о военной доблести молодого, двадцатилетнего Александра еще более укрепилась, и за эту победу над шведами уже современники прозвали его Невским.

Невская битва стала навсегда знаменательной вехой в истории борьбы русского народа с иноземной агрессией за свою независимость. Шведы были посрамлены, их крестовый поход на Русь потерпел полное крушение. По словам летописи, шведский король особой прамотой торжественно обя-

зался впредь не нападать на русские земли: «Даст Магнули король Свейской на себя писмо и клятву отнюдь никако не приходитьи на Русь войною».

V

Разгром биргеровских полчищ на Неве не укрепил, однако, положения Александра Ярославича в Новгороде. Популярный в низах, в широких массах «черных людей», Александр возбуждал недоверие к себе боярско-ростовщической верхушки землевладельцев и богачей, которые держали в своих руках всю власть в Новгороде и в его обширных колониальных владениях. Сам Александр, овеянный славой своей блестящей победы, непрочь был усилить свое политическое влияние в Новгороде, быть в нем не только военачальником и защитником его рубежей, но правителем, государем в полном смысле этого слова. На этой почве между ним и новгородской знатю, с посадниками и тысяцкими во главе, произошли нелады, в результате которых Александр уже в 1240 г., вскоре после Невской битвы, покинул Новгород и уехал к отцу в Суздальщину, где и получил от него в удел Переяславль.

Тотчас после ухода Александра из Новгорода интервенты осмелели и раскрыли свои карты. Узнав, что Александра в Новгороде нет, немецкие рыцари разработали план вторжения из Прибалтики в Новгородский край, в первую очередь готовя нанести удар по Пскову. При явной поддержке псковского боярина изменника Твердылы Иванковича немцы захватили Изборск. Пскова силой они взять не смогли. Но на помощь им пришла боярская верхушка города. С помощью изменников-бояр немцам удалось поставить в городе немецкий гарнизон. Твердыло, оставшийся попрежнему посадником Пскова, действовал как прямой ставленник немцев, которые держали себя победителями и сурово расправлялись с псковичами, чиня над ними всякие насилия. Сыновья многих видных псковичей взяты были рыцарями в заложники.

Хозяйничанье немцев в захваченном ими псковском пригороде Изборске и в окрестностях самого Пскова описано в летописи так: «Посад зажгоша весь, и много зла бысть, погореша и церкви... многы же и села пусты сотвориша около Пскова; стояще же под городом неделю, но города не взяша, но много детей у добрых муж поямаша и отведоша в полон, и отъидоша прочь опять».

Зимой 1240 г. ливонскими рыцарями предпринято было дальнейшее продвижение в пределы Новгородской земли, ближе к Неве, где проживало финское племя воль. И здесь появление немцев-рыцарей отмечено было грабежами и насилиями: «Повоеваша все и дань на них возложиша».

Беспрепятственно перейдя реку Лугу, немцы в новгородском погосте Копорье заложили крепость, которую намерены были сделать опорным пунктом для своего дальнейшего продвижения на восток. В начале 1241 г. рыцари снова подошли ко

¹ П.С.Р.Л. V, стр. 178.

² П.С.Р.Л. IV, стр. 35—36; III, стр. 53; V, стр. 178—179.

Пскову и взяли его; в городе после этого стали править их наместники, или фохты. Летом 1241 г. в немецкие руки попал новгородский пригород Тесово. Рыцари были уже в 30 верстах от Новгорода.

Документы того времени отмечают обычные приемы этих германских «культуртрегеров» с крестом в одной руке и с мечом в другой. Они грабили купцов, нападали на русских крестьян, убивали, насиловали, отбирали у них детей, скот, коней. Все западные владения Новгорода были разорены. «Не на чем и орати по селам», — как говорит летописец¹.

Все завоевания ливонских рыцарей в пределах Новгородского края — Водь, Ижора, берега Невы и Карелия распоряжением римского папы заранее были подчинены ведомству эзельского епископа. Последний 13 апреля 1241 г. заключил с рыцарями договор, по которому себе брал десятину от десятины со всего производимого, а им отдавал все прочее: рыбные ловли, управление и все вообще мирские доходы с будущих владений.

Через год после невоской победы над Новгородом нависла еще более грозная опасность, чем во время вторжения Биргера. Рыцари безнаказанно хозяйничали на ближайших к нему подступах. Бояре и присланный великим князем Ярославом его другой сын, Андрей, не могли защитить Новгород от немецкого вторжения. Весной 1241 г. правящая новгородская верхушка, на настоянию веча, то есть широких масс населения, где было много сторонников Александра, вынуждена была снова обратиться к нему, для чего была отправлена ими во Владимир и Переяславль особая делегация во главе с епископом Спиридоном. Этой делегации удалось убедить Александра вернуться в Новгород. Забыв неприятности, причиненные ему новгородскими боярами, Александр, горячо любивший свою родину, не противился и снова проявил себя подлинным русским патриотом.

Вернувшись в Новгород и примирившись с боярами, Александр стал энергично готовить отпор зарвавшимся немецким захватчикам. Довольно скоро было взято Копорье и разрушены все его укрепления. Было взято много пленных, главные изменники были перевешаны. В этом походе Александру помогало местное карело-финское население. Летопись говорит об этом так: «Приеха князь великий Александр Ярославич в Новгород, и изиде вскоре с Новгородци, и с Ладожаны, и с Карелою, и с Ижеряны на град Копорию, и изверже град из основания, а самих Немець избивша, а ови с собой приваде в Новгород, а иных пожаловал отпустил, бе бо милостив паче меры... и отъеха в Русь».

Разгромив немцев в Копорье, Александр Ярославич стал готовиться к освобождению Пскова. Выбить немцев из Пскова удалось «изгоном», т. е. внезапным нападением. В освобождении Пскова прини-

мало участие вспомогательное войско из Суздальской земли, состоявшее из множества «воев» и прибывшее в марте 1242 г. с братом Александра Андреем. В руки победителей попало много пленных, в том числе два немецких фохта, которые в оковах были отправлены в Новгород.

Русская земля умелыми, хорошо рассчитанными ударами Александра Невского была очищена от захватчиков. Александр перенес войну во владения Ордена: «И поиде на землю немецкую, хотя мстити кровь христианскую»².

VI

Вторгнувшись в пределы владений Ливонского ордена, Александр задумал дать решительный бой рыцарям на льду Чудского озера. В свою очередь рыцари, получив к этому времени большое подкрепление из Германии, готовились не только дать мощный отпор войску Александра Ярославича, но рассчитывали захватить и покорить все русские земли.

Орден собрал большую силу: здесь были почти все его рыцари, с «местером, со всеми бискупы своими и со всем множеством языка их и власти их, и с помочию королевою». Против Александра собрались почти все германские рыцари Ордена, было призвано и подчиненное им население, или, по летописной терминологии, чудь. Прислал помощь также и датский король.

Узнав о движении сил врага, Александр решил стянуть все свое войско к Чудскому озеру, чтобы дать бой на льду его. Дело шло уже к весне; было начало апреля, и лед на озере стал заметно подтаивать. Ясно, что тяжелая, закованная в доспехи немецкая рать должна была подломить этот лед и в значительной своей части погибнуть на дне озера. Таков был вполне правильный расчет талантливое русского военачальника XIII века. 5 апреля 1242 г. у Воронова Камня, близ урочища Узмени на Чудском озере, произошло то знаменитое сражение, которое вошло в историю под именем Ледового побоища.

Излюбленным тактическим приемом немцев было наступление плотной массой пехих воинов, окруженных закованными в железные доспехи конными рыцарями. Все это построение имело вид клина, или треугольника, направленного острием вперед. Такую германскую боевую колонну русские называли «свиньей». Все это рассчитано было на то, чтобы, вбив такой клин в центр расположения неприятеля и расстроив его ряды, ударить затем по его флангам, развернув наступление вправо и влево.

Эта тактика немцев Александру была хорошо известна. Против этой-то «свиньи», которая своим рылом должна была подорвать ряды русской армии, Александр Ярославич задумал свой блестяще осуществленный им тактический прием. Свое

¹ П.С.Р.Л. IV, стр. 179; V, стр. 179; VII, стр. 149.

² П.С.Р.Л. IV, стр. 37; III, стр. 53; X, стр. 124; VII, стр. 149—150.

войско на противоположном берегу Чудского озера он расположил так, что его центр был преднамеренно ослаблен; оба же крыла русского расположения были чрезвычайно сильны, и здесь были сосредоточены наиболее опытные и наилучше вооруженные части русской армии. Выдвигнув на значительное расстояние вперед небольшой авангард, который заранее рассчитанным отступлением должен был заманить немцев на лед Чудского озера, Александр для решительного удара выделил отборную часть своей дружины в виде вспомогательного «заслона». Этот отряд скрыт был за Вороновым Камнем — той скалой, которая находилась как раз на берегу Чудского озера. В нужную минуту он должен был ударить в тыл неприятеля и довершить его разгром.

На передовой русский отряд под начальством Домата Твердиславича и Кербета немцы ударили чуть ли не всеми своими силами. Домат был убит, немало погибло и других русских воинов в этом «разгоне», как летопись называет передовой отряд. Часть его ратников взята была немцами в плен, но остальные стали быстро отступать, увлекая за собой рыцарей. Первая схватка с немцами была для русских как бы неудачна.

Опыленные этим успехом, немецкие рыцари на полном скаку врезались в русские полки. Разорвав русский фронт на две части, немцы думали развернуть нападение на оба фланга войска Александра Ярославича, в котором преобладали пешие отряды новгородцев и псковичей. Но сильные русские фланги сжали немецкую рать стальными клещами. От их дружного, массового наступления рыцарям нельзя было броситься в атаку; их коннице податься было некуда, и она стала пятиться назад, сжимая и давя свою собственную пехоту. Сгрудившись на небольшом пространстве, рыцари, закованные в тяжелые доспехи, на конях, покрытых железными панцырями, представили собой такую грузную массу, что под ней лед стал давать трещины и ломаться. Открылись полыньи, куда стали погружаться и конные и пешие немецкие воины. «И бысть ту сеча зла и велика», — пишет летописец, давая яркую, полную драматизма картину разгрома немецкой рыцарской рати. «И труск от копий ломления и звук от мечного сечения!» — восклицает он, добавляя: «Якоже морю померышю двыгнутися и не бе видети леду, покрылю бо есть все кровию».

Разгром «псов-рыцарей» довершен был теми дружинниками, которые конным строем ринулись им в тыл из-за Воронова Камня. Ряды немцев совсем смешались, и они, давая друг друга, искали спасения в паническом бегстве. Русская рать преследовала бегущих немцев и чудь «и биша их на 7 верстах по леду до Суболичьского берега».

Ледовое побоище снова показало Александра прекрасным стратегом и тактиком. «Кованая» рыцарская рать благодаря его талантливому руководству была посрам-

лена и разгромлена русским войском, гораздо хуже вооруженным, в котором преобладали пешие отполченцы, набранные из простых, «черных людей» в Новгороде и во Пскове. Но они бились за родину, преисполнены были горячей любовью к ней и проникнуты подлинным энтузиазмом. Современниками прекрасно подмечен необыкновенный подъем духа, царивший в русском войске перед битвой. «Воя великого князя Александра исполнишася духа ратна, бяху бо сердца их аки львом», — пишет автор сказания «О великом князе Александре», «самовидец возраста его». Русские воины готовы были «положить главы своя». Их настроение перед битвой видно из следующих слов, с которыми они, как сказано в Софийской 1-й летописи, обратились к Александру: «О княже наш честный и драгий, ныне приспе время положити главы свои за тя»¹.

На льду Чудского озера в 1242 г. одержана была победа еще более блестящая, чем на Неве за два года перед тем. «И паде немец 500, а чюди бесчислено множество», — пишет современник, — а руками няша немец 50 муж нарочитых воевод и приведоша я в Новгород, а иных вода потопа».

Новгородцы три дня «стояша на костях» неприятеля, празднуя победу. «Пря» разрешилась в пользу русского народа. С торжеством возвращался Александр в освобожденный Псков. Близ коня его вели знатных рыцарей, за ним гнали толпу простых пленных. «Ведяхуть бо я подле коня иже именуются ритори». Навстречу победителю вышло духовенство. Псковичи радостно приветствовали своих освободителей «от иноязычных и от иноплеменных».

В связи с победой русских на Чудском озере, началось восстание против немецкого господства в Ливонии. Тогда «божьи ритори», забыв о своей спеси, поспешно запросили мира, «прислаша с поклоном в Новгород». Их послы от имени всего ордена торжественно заявляли, «что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсков, Лотыголу, мечем то ся всего отступаем; а что есмы изымали мужики ваших а теми ся розменим, мы ваши пустим, а вы нашу пустите»². Мир, таким образом, был заключен на условиях обмена пленными и полного отказа германских рыцарей от захваченных ими раньше русских земель.

Остановив наступление «псов-рыцарей» на русскую землю, Ледовое побоище открыло невского героя новой славой. «Прохвосты», по выражению Маркса, были окончательно отброшены от русской границы.

Средневековые «варвары-болваны», как называет Маркс немецких дворян-рыцарей, долго помнили этот урок, полученный ими от русского народа.

VII

Заслуги Александра Ярославича перед русской землей не ограничивались лишь

¹ П.С.РЛ. IV, стр. 180; IV, стр. 37.

² П.С.РЛ. III, стр. 53—54; IV, стр. 37; V, стр. 180.

победами на Неве и на Чудском озере. Он и в дальнейшем был стражем безопасности русского народа и беспощадно громил новых и новых агрессоров и интервентов.

В том же, 1242 г., когда датско-немецкое рыцарское войско разгромлено было в Ледовом побоище, Александр, находясь еще в пределах Новгородско-Псковской земли, одержал блестящую победу над Литвой. Победа эта высоко подняла военный авторитет Александра в глазах литовских племен и их кунигасов, т. е. князей. Это видно из краткой, но весьма выразительной заметки летописца: «И отгуду князя блюстися имени его»¹.

Еще больший боевой успех выпал на долю Александра Невского в 1256 г., когда им предпринят был поход против шведов и датчан в глубь Финляндии.

К этому времени Финляндия была окончательно завоевана шведами, лучшие ее земли розданы шведским колонистам, а население было обложено тяжелыми податями в пользу государства и церкви.

Ослабленный последствиями татарского завоевания, Новгород не мог в это время оказывать помощи финскому племени емь, проживавшему вдоль побережья Финского залива вплоть до устья Невы. Но после того как шведы и ливонские рыцари сделали попытку укрепиться в устье реки Наровы и тем подорвать новгородскую торговлю по Неве, против них был предпринят в 1256 г. новый поход. Его организатором и руководителем был также Александр Ярославич, занимавший в это время владимирский великокняжеский стол. Успеху этого похода Александра Невского способствовали восставшие финны. Конечно, об изгнании шведов из Финляндии речи быть не могло. Александр ограничился лишь тем, что разгромил шведские укрепления и поселки вдоль северного побережья Финского залива. В стратегическом и политическом отношении это было, однако, весьма крупным успехом.

Подводя итоги этому походу Александра Ярославича в южную часть Финляндии и его крупным успехам там в 1256 г., летописец говорит: «Славна же бысть земля страхом и тровою его»².

В результате всех этих блестящих успехов боевая слава Александра с каждым годом возрастала. Вот почему в 1-й Софийской летописи мы находим такую пространную и вельеречивую характеристику его как непобедимого полководца и бесстрашного защитника русской земли: «И нача имя слыти великого князя Алек-

сандра Ярославича по всем странам, от моря Варяжского и до моря Понтыского, и до моря Хулоожского, и до страны Тиверийския, и до гор Араратских, об ону страну моря Варяжского и гор Аравитских, даже и до Рима великого; распространи бо ся имя его пред тмы тмами и пред тысящи тысящами»³.

Александр Невский умер 14 ноября 1263 г. по дороге из Орды, куда он ездил для предотвращения нового татарского погрома.

Уроки, данные Александром шведам и немцам его блестящими над ними победами в 1240 и 1242 гг., навсегда обеспечили нашу родину от грозившего ей завоевания со стороны ее западных соседей. Дальнейшие попытки шведских и немецких феодалов вторгнуться в русские пределы всегда встречали должный отпор.

В 1268 г. при Раковоре в Эстонии новгородское и суздальское ополчения разбили войско немецких рыцарей. В 1269 г. рыцари подошли ко Пскову «и не успеха ничтоже, но большую рану восприяша... и побегоша за реку»⁴. Не помогали уже и разбойничьи набеги, как это было в 1271 году. В конце XIII в. был предпринят новый крестовый поход против русских земель, повторявший в общих чертах план прежнего. Немецкие рыцари сделали набег на Псков и выжгли неукрепленный посад, но были отброшены псковичами во главе с князем Довмонтом в 1300 году.

Напряженная борьба между Новгородом и шведами из-за Карельского полуострова как подступа к Неве возобновляется в 90-х гг. XIII в., после того как шведам удалось в 1293 г. соорудить крепость Выборг. Взять эту крепость новгородским полкам не удалось, но когда в 1300 г. шведы высадились к северу от устья Невы и соорудили здесь постоянную крепость, названную ими Ландскроне, то новгородцы взяли эту крепость и уничтожили ее гарнизон.

Борьба Новгорода со шведами из-за Невы временно была закончена Ореховским миром в 1329 г., по которому русская граница шла по реке Сестре. Новую неудачную попытку утвердиться в устье Невы сделал в 1348 г. шведский король Магнус.

Так, в течение более 100 лет после блестящих побед Александра Невского новгородцы и псковичи, верные его заветам, наносили удар за ударом немецким и шведским агрессорам.

¹ П.С.Р.Л. X, стр. 129.

² Там же, стр. 141.

³ П.С.Р.Л. V, стр. 181.

⁴ П.С.Р.Л. X, стр. 147.

ПРЕПОДАВАНИЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ В ДНИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

От редакции

Великая отечественная война советского народа против германо-фашистских захватчиков предъявила к преподаванию истории в средней школе новые, повышенные требования. От преподавателя требуется вооружить учащихся пониманием происходящих событий, раскрыть перед ними звериное лицо современных варваров — фашистов, — воспитать учащихся на примерах героического прошлого своего и других народов в духе патриотизма, любви к родине, ненависти к поработителям и угнетателям.

Для облегчения преподавателям средней школы выполнения этой задачи Институт истории АН СССР разработал подробные методические указания к проведению отдельных тем программ по истории.

Публикуемые ниже статьи в сжатой форме излагают основные установки методических разработок.

История древнего мира

Преподаватель истории древнего мира может многое сделать в идеологической борьбе с фашизмом. Давая правильное, марксистско-ленинское освещение историческим проблемам и фактам, руководствуясь в своем преподавании теми указаниями, которые даны в «Кратком курсе истории ВКП(б)», учитель внесет свою долю труда в великое дело воспитания новых молодых поколений советских граждан, как подлинных патриотов великой Страны советов. Вместе с тем, чтобы сделать свои уроки интересными и поучительными, преподаватель должен приближать свое преподавание к острым вопросам современности. Углубляя и расширяя учебный материал, учитель сможет повысить качество своего преподавания и тем самым поднять общий уровень преподавания древней истории в средней школе.

Преподавание истории древнего мира кажется на первый взгляд трудным и несколько оторванным от современности. Эти трудности осложняются, если принять во внимание возраст учащихся (11—14 лет) и необычный, далекий от их мировоззрения учебный материал. Поэтому в преподавании истории древнего мира учитель должен учесть все ее основные проблемы, внимательно их продумать и изложить просто и ясно. Само собой разумеется, что важнейшее значение имеют те принципиальные, узловые вопросы, которые поставлены в введении к учебнику (§ 2, стр. 6—10). Однако и эти основные проблемы должны быть изложены не схематически и не в общих, отвлеченных выражениях, а на живых, конкретных примерах. В дальнейшем преподавании истории древнего Востока, Греции и Рима учитель должен постоянно возвращаться к этим основным вопросам, иллюстрировать и углублять их на новом историческом материале.

В методическом пособии, которое предлагается вниманию учителей, дается поэтому не полный очерк всей древней истории, а лишь методические указания и добавочный материал к тем важнейшим вопросам, которые в связи с отечественной войной

приобретают особое значение для советской школы.

Важнейшим вопросом древней истории является проблема рабовладения. Только изучая историю древнего мира под углом зрения классовой борьбы, можно понять основные формы эксплуатации рабского труда и громадное значение революции рабов.

О том, как закономерно возникло рабовладельческое общество, Ленин писал в своей лекции «О государстве»: «Развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов — первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем — общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое... Рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы. Первая группа владела не только всеми средствами производства — землей, орудиями, как бы примитивны они тогда ни были, но она владела также и людьми. Эта группа называлась рабовладельцами, а те, кто трудился и доставлял труд другим, назывались рабами»¹.

Необходимо подчеркнуть, что рабовладельческий строй в свое время был прогрессивным по отношению к предшествующему ему первобытно-общинному строю. Он изжил себя и был уничтожен более полутора тысяч лет назад. Поэтому идея фашистов о восстановлении рабства в современном обществе является реакционнейшей идеей, обреченной на провал.

Первый этап в развитии рабовладельческого общества в истории древнего Востока мы наблюдаем в ту эпоху, когда еще прочно существовали пережитки родового строя и когда «древний общинный быт... служил целые тысячелетия основанием самых грубых государственных форм восточного деспотизма» (Энгельс).

Одновременно с этим следует отметить и проблему возникновения классового рабо-

¹ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 366.

владельческого государства как аппарата насилия и гнета над рабами и бедняками. Рассказывая ученикам о происхождении и значении деспотии, учитель должен объяснить, что этот термин означает государство, возглавляемое царем, власть которого считалась неограниченной и приравнивалась к власти богов. Это даст возможность учителю коснуться вопроса о государственном строе, местном управлении и религии древних египтян. Конечно, учитель не должен при этом забывать, что абсолютно неправильны попытки фашистских «историков» идеализировать рабовладение и рабовладельческое государство древнего Востока, ибо подобная идеализация резко противоречит историческим фактам.

С указанными проблемами теснейшим образом связана и тема нашего пособия, касающаяся восстания рабов и бедняков в древнем Египте. Учитель должен обратить внимание на то, что сохранившийся текст папирусов образно рисует яркие картины классовой борьбы в древнем Египте. Это самым наглядным образом разрушает фашистскую легенду о том, что на древнем Востоке существовало «идеальное государство». Подобные утверждения фашистских историков совершенно необоснованны. Рассказывая о классовой борьбе на древнем Востоке, учитель должен указать, что восстания рабов происходили в ту же эпоху и в других странах, но лучше всего они описаны в египетских текстах¹.

Значительно лучше известны нам крупные восстания рабов, происходившие в древней Греции и древнем Риме. В качестве наиболее типичных, хорошо известных и красочных эпизодов острой классовой борьбы в древнем Риме можно привести восстание в Сицилии, происходившее в 137 г. до н. э., и знаменитое восстание Спартака. Особенно существенно установить здесь тесную внутреннюю связь между тяжелой эксплуатацией рабского труда и военной политикой Римского государства. Важно отметить, что захватнические войны приводили к увеличению количества рабов и к усилению рабовладения, а военные неудачи и поражения римских войск создавали обстановку, которая благоприятствовала восстаниям рабов, как это было в Сицилии в 137 г. до нашей эры.

Конечно, учитель должен объяснить ученикам причину неудач восстаний рабов, но в то же время на конкретных примерах показать им, как восстания рабов и бедняков подтачивали и разрушали все рабовладельческое общество в целом. Он должен показать им, как в недрах рабовладельческого общества росли силы, которые должны были рано или поздно его уничтожить, и как «стихийный процесс развития уступает место сознательной деятельности людей, мирное развитие — насильственному перевороту, эволюция — революции».

Проблема военной истории в наше время приобретает особенно важное значение. В древности, как и в другие эпохи мировой истории, одни войны были захватническими, грабительскими, несправедливыми и реакционными, а другие — отечественные, освободительные, справедливые — играли громадную прогрессивную роль. Войны ассирийских царей с соседними народами, хотя и способствовали образованию мощного ассирийского государства, были войнами грабительскими и захватническими и в конечном счете привели к крушению военную державу ассирийских царей. Такой же захватнический характер носил и завоевательный поход Александра Македонского, хотя он и имел большое историческое значение. Резко выраженную агрессивную политику вели как Римская республика, так и Римская империя. Очень яркие эпизоды из истории римских провинций — угнетение римлянами галлов, бриттов и многих других европейских народов, острые вспышки восстаний против римского господства в подвластных странах — все это ясно обнаруживает ложность фашистских попыток изобразить Римское государство в качестве величественного надклассового государства, в котором царит «внутренняя гармония и идеальный порядок». Кровавые людоеды — фашисты, возрождая кошмар мирового рабовладения, во многом подражают древним захватчикам, залившим кровью плодородные страны Европы.

При изучении образования восточных деспотий, а также походов Александра Македонского и завоеваний Рима, следует резко подчеркнуть мысль, что все попытки при помощи оружия создать мировые империи неизменно кончались крахом в силу сопротивления завоеванных народов.

Особенно подробно следует остановиться на греко-персидских войнах, которые показывают нам прекрасный пример античных освободительных войн, имевших огромное прогрессивное значение, воспитавших в греках чувство благородного патриотизма и национальную сплоченности. Недаром имена Леонида, Мильтиада и Фемистокла вошли в мировую историю как имена великих патриотов свободолюбивого греческого народа, всегда боровшегося за свою независимость.

При описании древних войн учитель может остановиться на технике и организации военного дела, на зарождении древнейшего военного искусства. Подобного рода содержательный и наглядный материал, легко доступный для школьников, усилит их интерес к изучаемой эпохе.

Особая тема посвящена важнейшей проблеме культурного наследия античного мира. Недостаток места не позволил нам выделить в особую тему древневосточную культуру, которая, кстати сказать, достаточно подробно описана в соответствующих главах учебника.

При изучении греческой и римской культуры следует отметить все прогрессивные моменты в их развитии. Учитель должен проявить мысль о том, что древне-

¹ См. Туряев «История Древнего Востока». Т. I, стр. 236—243.

восточная культура легла в основу античной, что греки многое заимствовали на Востоке и в свою очередь многое дали Риму. Античная культура оказала, далее, сильное влияние на культуру средневековой и новой Европы. Классики марксизма в своих трудах дали высокую оценку высшим достижениям античной культуры, признавая за ними всемирно-историческое значение. Так, касаясь материалистического взгляда древнего философа Гераклита, по которому «мир, единый из всего, не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим», Ленин писал, что у Гераклита «очень хорошее изложение начал диалектического материализма»¹.

При изучении проблемы культурного наследия каждому становится ясным, насколько бессмысленны, неисторичны и ложны утверждения фашистских историков о том, что «нордическая раса» есть «высшая героическая раса» и что якобы она одна создала всю мировую культуру. Это утверждают те дикие хищники, которые, называя себя «чистокровными арийцами нордического мира», так бесчеловечно уничтожают лучшие памятники мировой культуры!

Древняя история, в частности история Средней Азии, ясно показывает нам, что мировая культура имеет общечеловеческие корни и что многие народы сделали неоценимые вклады в сокровищницу мировой культуры. И именно для того, чтобы спасти и сохранить эту мировую культуру, мы, следуя словам Сталина, «должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага»².

В. Авдиев

История средних веков

При изучении в школе истории средних веков преподаватель должен возможно теснее связать свое преподавание с вопросами, которые ставят перед нами Великая отечественная война и борьба свободолюбивых народов с германо-фашистской агрессией. Преподаватель должен зажечь в учащихся патриотизм, веру в победу нашего правого дела и ненависть к жестоким и коварным насильникам, топчущим лучшие культурные ценности человечества, заливающим землю кровью мирного населения, стремящимся возродить самые худшие и тяжелые формы рабства и крепостничества. История средних веков дает для этой цели обширный материал.

В то же время учитель должен разоблачить вздорность и нелепость фашистских «теорий» о расовом превосходстве немцев — как якобы представителей высшей «северной», или «нордической» расы, «расы го-

спод и повелителей», о якобы неполноценности других рас, особенно славян, годных будто бы быть лишь рабами немцев. Учителю нет необходимости излагать учащимся сущность «расистских» измышлений. Достаточно лишь указать на эту основную установку фашистских писак. Учитель должен помнить, что средневековые представляют излюбленный фашистами период истории. При этом их привлекает в этом периоде не то, что было в нем прогрессивного, что ставило его выше рабовладельческой античности, но то, что заключало в себе зерна дальнейшего развития, а все темное, застойное, мракобесное, жестокое. Фашисты идеализируют грубую воинственность средневековых рыцарей, их беспощадность к побежденным, их насилия, видя в этом проявление истинного «нордического», «германского» духа. Они восхваляют крепостное право, когда одни считались «прирожденными господами», а другие — «прирожденными слугами», обязанными всю жизнь в поте лица работать на господ. Они прославляют жестокость, казни и пытки средневековья и скорбят, что оставлен древний германский обычай убивать слабых детей. Они восхваляют невежество, суеверия и умственный застой. Они ненавидят Возрождение с провозглашенными им принципами гуманности и свободы человеческой личности. Они пеняют от злости при самых словах «прогресс», «гуманность», «культура». Словом, в средних веках их привлекает варварская дикость, от которой человечество освобождалось в течение веков, и они стремятся ее возродить в настоящее время.

В противоположность этому грубому, злобному, человеконенавистническому искажению истории учитель должен научить учащихся марксистско-ленинскому пониманию истории средних веков. Это был период прогрессивного развития человечества, переходящего постепенно на высшую ступень. Учитель должен поэтому подчеркнуть в средних веках процесс постепенного освобождения человека от слепого подчинения силам природы, от власти церкви и суеверия, рабской зависимости от господ. Учитель должен показать, что фашисты желают взять и берут у прошлого все самое темное, жуткое, жестокое. Наша задача — противопоставить этому победоносное шествие человечества к высшим идеалам культуры, гуманности, справедливости, свободы, во имя которых в настоящее время все свободолюбивое человечество, с Советским Союзом во главе, ведет великую освободительную борьбу с фашистскими гадами.

При прохождении курса учитель должен постепенно подчеркивать различие между справедливыми и несправедливыми войнами, вызывать у учащихся ненависть к насильникам, ведущим захватнические войны, и сочувствие к народам, героически отстаивающим свою свободу в войнах справедливых. Вообще учитель должен в большей степени, чем это делалось раньше, останавливаться на вопросах военной истории, тактике сражений, на характеристике выдаю-

¹ «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 106. 1938.

² Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина 3 июля 1941 г., стр. 6. М. 1941.

шихся полководцев. Все это позволит ему приблизить излагаемый материал к запросам текущего времени и к тем темам, которые всего больше волнуют в настоящее время учащихся. В сущности, весь материал учебника истории средних веков может быть использован учителем для этих целей. Надо только в большей степени, чем это было сделано в учебнике, подчеркивать только что отмеченные стороны истории средних веков.

В помощь учителю дается кроме того дополнительный материал по некоторым темам, представляющим особую важность в условиях Великой отечественной войны. Такова тема о германцах и славянах и о падении Римской империи. Учитель должен показать ложность измышлений фашистов об исторической неравноценности германцев и славян. И те и другие сыграли аналогичную роль в падении рабовладельческого античного мира: одни — на Западе, другие — на Востоке. В одинаковой мере участвовали они в создании нового феодального мира. Разница лишь в том, что варвары-германцы разрушили античную культуру вместе с Западной Римской империей, а варвары-славяне на Востоке обновили общественный строй Византии без разрушения восточноримского государства и его культуры.

Здесь уместно указать, что, называя современных германских фашистов «варварами», мы несправедливы по отношению к варварам. Варвары раннего средневековья разрушили рабовладельческую империю и положили начало новому периоду в истории человечества, для которого характерны несколько более мягкие формы эксплуатации и который открыл возможность прогрессивного развития для народов Европы. Фашистские же «варвары» хотят вернуться к рабовладельческой империи, восстановить худшие формы эксплуатации, повергнуть человечество в безысходный мрак. «Варварами» они являются лишь в смысле их жестокости и разрушения ими культурных ценностей. Но варвары раннего средневековья делали это бессознательно, фашисты же творят свои зверства и разрушают величайшие культурные ценности человечества сознательно и систематически. Этим «вандализм» германо-фашистских орд отличается от дикости вандалов.

Особого внимания заслуживает тема о ранней истории славянских государств. Она должна опровергнуть нелепое фашистское измышление о неспособности славян к государственной жизни, которую будто бы создает только высшая, «нордическая» раса. Характеристика европейской и азиатской культур в раннее средневековье должна окончательно рассеять нелепую фашистскую теорию о превосходстве «нордической» расы над другими, особенно неевропейскими, и показать, насколько в это время Восток в культурном отношении стоял выше Запада, как много Западу приходилось учиться у Востока. В этой связи учитель должен внимательно остановиться на разделах, посвященных культуре арабов, а

также культуре Китая при Танской и Сунской империях.

При прохождении раздела, посвященного империи Карла Великого (Учебник. Гл. II, § 3), надо иметь в виду, что фашистские историки не опелись между собой в оценке его деятельности. Некоторые из них оценивают личность и деятельность Карла резко отрицательно. Его империя не была немецкой «национальной» империей, говорят они, в этом ее основной порок. Ему не могут простить войн с саксами, которых «расисты» считают самыми чистыми представителями «северной» (нордической) расы, а еще более ставят ему в вину то, что он вел эти войны в союзе со славянами-бодричами. В противовес ему на все лады превозносится саксонский герцог Видукинд, организовавший сопротивление саксов Карлу в 778—785 годах. Видукинду ставят памятники, ему посвящают стихотворения, в честь его пишется множество лживых и бездарных драм. В нем прославляют «истинно немецкого» героя, противопоставляя его Карлу, за которым фашисты не хотят признать имени «Великий», называя его «Карл Франкский». При этом фашистские писатели стараются забыть, что их «герой» Видукинд, с точки зрения фашистов, очень неблагоприятно закончил свою карьеру, приняв крещение, отрекшись от любезных фашистам древнегерманских богов и получив от Карла богатые дары. Видукинд ценой своей измены саксам купил у Карла его благоволение и блестящую карьеру для своего потомства. Забывают охотно и о том, что саксы в борьбе с Карлом пользовались помощью другого славянского племени — сорбов. Конечно, борьба Карла с саксами и с некоторыми славянскими племенами ничего общего ни с «расовой», ни даже с «национальной» политикой не имела, поскольку тогда еще не сложились национальности. Все эти грубые искажения, вносимые фашистскими «историками», имеют целью представить историю как борьбу «рас», чтобы затемнить ее смысл как борьбы классов. Войны Карла в действительности ставили целью захват земель для наделения франкских феодалов и подчинение людей для превращения их в крепостных этих феодалов.

Однако многие фашистские историки не хотят упустить возможности использовать славу Карла для возвеличения германской «расы», его не хотят уступить французам, которые тоже желают сделать из него своего «национального» героя. Карл привлекает некоторых фашистских историков как основатель империи, охватившей большую часть Западной Европы. Еще любезнее он им как якобы основоположник того пресловутого «натиска на Восток», в котором фашисты видят главное историческое призвание гитлеровской Германии. Группа фашистских историков выпустила в 1936 г. сборник, в котором старалась уверить почтеннейшую публику, что Карл — по всем статьям немец, а никак не француз. Весь этот спор — образец нелепой путаницы понятий у фашистских фальсификаторов истории. Что

касается роли Карла в «натиске на Восток», то совершенно ясно, что этот «натиск» производился в гораздо большей степени за счет германских—саксонских—племен, чем за счет славян. Успехи Карла в борьбе со славянами были весьма скромны. Его влияние распространилось лишь на ближайшие пограничные племена, но при его преемниках славяне вернули себе независимость от ослабшего и распавшегося франкского государства.

Проходя историю «крестовых походов», учитель должен разъяснить смысл так часто употребляющегося термина «крестовый поход против СССР», в который Гитлер хотел вовлечь народы Европы и Америки. Учитель должен сказать при этом о позорном провале гитлеровского плана, о том, что в настоящее время все свободолюбивые народы объединились в общей войне против гитлеризма. В то же время учитель пояснит, что «крестовые походы», о которых так часто твердят враги СССР, в сущности представляли собой грубейшую агрессию с целью разгрома и захвата чужих земель и являются примером войн несправедливых. Во время «крестовых походов» столкнулись восточная и западная культуры, причем первая оказалась много выше второй.

Много материала для уяснения гнилой фашистской идеологии и несостоятельности фашистских агрессивных планов дает история средневековой германской империи, так называемой «священной Римской империи». Гитлер связывает свою «третью империю» с этой «первой» (считая «второй» империю Гогенцоллернов 1871—1918 гг.). Бесславная история и жалкий конец попыток германских императоров поработить Италию и утвердить господство над Европой представляют живейшую аналогию нелепым и кровавым затеям людоеда Гитлера.

При прохождении истории Франции XII—XV веков важно остановиться на героической борьбе французского народа против агрессоров во время Столетней войны и особенно на фигуре крестьянской девушки Жанны д'Арк как наиболее яркой выразительницы патриотического подъема, охватившего тогда французский народ и особенно крестьянство. Важно отметить, что образ Жанны д'Арк жив и в настоящее время во французском народе, проданном своим изменническим правительством, но готовом стать на борьбу вместе со всеми свободолюбивыми народами мира.

При изложении истории Англии необходимо в первую очередь обратить внимание на развитие в этой стране традиций политической свободы. Уже в средние века появляются учреждения, гарантирующие эту свободу сначала для немногих. Великая хартия вольностей и происхождение парламента являются здесь центральными темами. Важно в дальнейшем показать демократизацию политического строя Англии и, в частности, ту роль, которую сыграла в этом процессе революция XVII века. Учитель должен подчеркнуть резкое различие между странами, в которых имеются элементарные демократические свободы, и

странами фашистскими, где эти свободы начисто упразднены.

Испанская реконкиста даст учителю возможность показать учащимся героическую народную борьбу за освобождение страны от иноземного ига. Но испанский народ попадает под иго феодалов, деспотического правительства, невежественного и фанатического духовенства, страшной инквизиции, напоминающей своими приемами фашистское гестапо.

Одной из центральных тем курса должна стать тема о германской агрессии на Восток в XII—XV веках. Учитель должен показать свирепые, кровавые и в то же время подло предательские методы этой агрессии и ее позорный конец в XV веке и подчеркнуть, что Гитлер связывает свои планы «натиска на Восток» с этой мрачнейшей и позорнейшей в истории Европы страницей. Много материала извлечет учитель из истории победоносной борьбы чешского народа с немцами в XV веке. Здесь особый интерес представят методы этой борьбы, являющиеся приспособлением средств партизанской, крестьянской войны к целям большой войны.

История нидерландской революции даст учителю возможность показать примеры жесточайшего угнетения подчиненных народов, террористического подавления их стремлений к национальной независимости, разнузданной жестокости солдатыни, «лично заинтересованной» в разорении и разграблении оккупированной страны. На этих примерах можно показать, как германский фашизм унаследовал от прошлого все самое гнусное, подлое и жестокое и как он еще во много раз увеличил это страшное наследие. Здесь же можно показать примеры героической борьбы Нидерландов — народов теперешних Бельгии и Голландии — за свою свободу и указать, что эта борьба стала их национальной традицией. Постоянные случаи саботажа и диверсии против свирепого угнетателя в этих странах являются порукой, что в них еще жив дух революции XVI века.

Английская революция XVII века представляет особый интерес как важнейший этап в развитии английской демократии. Особый интерес имеет военная история английской революции, история создания революционной армии, которая под руководством своего гениального вождя, великого полководца Кромвеля, идет от победы к победе и возносит международный престиж своего отечества на небывалую высоту.

Особое внимание учитель должен обратить на историю Пруссии в XVII—XVIII веках. Фашистские историки и политики восторгаются «пруссским духом» — духом палки, казармы и канцелярщины. История Пруссии покажет глубокое моральное ничтожество руководителей прусского государства, подлые и торгашеские приемы их политики, незначительность их военных успехов. Очень важно показать незаслуженность той славы, которой фашистские историки окружают ничтожную фигуру «великого» Фридриха.

Ряд этих тем разработан в помощь учителю в предлагаемом выпуске. Кроме того, в дополнение к учебнику дан очерк истории Средней Азии, причем особое внимание уделено борьбе среднеазиатских народов за свою независимость.

Е. Косминский

История нового времени

Новая история дает исключительно яркий и разносторонний материал для воспитания гитлеровского империализма и воспитания учащегося в духе патриотизма и ненависти к фашистским мракобесам и работникам. Новая история богата революционными событиями и войнами. В истории буржуазных революций XVII—XIX вв., в истории национально-освободительных, исторически-прогрессивных и справедливых войн можно найти немало весьма поучительных образцов военной и гражданской доблести, мужества и героизма. Богатейший материал в этом отношении дает также и история революционной борьбы пролетариата. Задача учителя-патриота заключается в том, чтобы, полностью используя этот материал, широко развернуть воспитательную работу в школе.

В условиях Великой отечественной войны указание товарища Сталина о том, что вся работа должна быть перестроена на военный лад, относится и к преподаванию новой истории. На уроках новой истории школьники знакомятся с историей зарубежных стран от английской буржуазной революции XVII в. до наших дней¹. Говоря о зарубежных странах в прошлом, учитель должен показать, как в одних странах (например в Англии, США) росли и крепились демократические традиции, в то время как в других господствовала военщина, развивался милитаризм (Германия, Италия) и росло угнетение народных масс².

Само собой разумеется, в военной обстановке наших дней особое внимание привлекают войны прошлого. Войны эти в одних случаях бывали захватническими, грабительскими, в других — оборонительными, справедливыми. Понятие справедливой войны изменяется в связи с изменением исторической обстановки. «С 1789 до 1871 г., — писал Ленин, — одним из типов войн были войны буржуазно-прогрессивного, национально-освободительного характера. Другими словами, главным содержанием и историческим значением этих войн было сверже-

ние абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чужденационального гнета. Поэтому то были прогрессивные войны, и все честные, революционные демократы, а также все социалисты, при таких войнах, всегда сочувствовали успеху той страны (т.-е. той буржуазии), которая содействовала свержению или подрыву самых опасных устоев феодализма, абсолютизма и угнетения чужих народов»³.

К числу справедливых войн относятся, разумеется, и революционные войны, но не всегда война справедливая бывает войной революционной. Период победы и утверждения капитализма дал ряд примеров справедливых национально-освободительных и в том числе революционных войн. Справедливыми были: война за независимость американского народа в 1775—1782 гг., героическая защита французского народа от прусско-австрийской интервенции в 1792 г. и последующие войны Франции до начала наполеоновских войн и превращения справедливых войн Франции в несправедливые и захватнические. Так, первая наполеоновская война — итальянский поход 1796 г. — началась как справедливая, оборонительная война против Австрии, под лозунгом освобождения итальянского народа от австрийского ига, а закончилась ограблением и порабощением итальянского народа и отдачей итальянской Ломбардо-Венецианской области Габсбургам в виде австрийского вице-королевства. Известен ряд случаев, когда несправедливые, захватнические войны, например Наполеона I, порождали ответные народные движения и справедливые оборонительные войны, например в Испании в 1808 г., в России в 1812 году. Или, наоборот, справедливая война Пруссии против Франции, которая препятствовала объединению Германии, превратилась в захватническую, грабительскую войну Северо-германского союза, руководимого Бисмарком⁴.

Наиболее ярким образцом превращения войны справедливой в войну несправедливую является франко-прусская война 1870—1871 годов. Начавшись как война справедливая против Наполеона III, мешавшего объединению Германии, она закончилась как война захватническая, когда Бисмарк после падения Наполеона III и провозглашения республики во Франции все же продолжал наступление на Париж с целью ограбления Франции и отторжения от нее ряда территорий.

История войн, следовательно, дает богатый и яркий материал, воспитывающий в молодежи любовь к нашему отечеству. Так поучительна война американского народа за свободу, за независимость в 70—80-х годах XVIII века. Это событие уже перестало разделять англичан и американцев: во время первой мировой войны министр иностранных дел Великобритании Бальфур возложил венок на могилу Ва-

¹ Вопросы, относящиеся к периоду от английской буржуазной революции XVII в. до французской революции XVIII в., освещены в главе о преподавании истории средних веков и начала нового времени.

² Обличение тупой реакционности прусской военщины и немецкого бюрократизма издавна велось нашими великими писателями, публицистами и поэтами. Интересный материал по этому вопросу собран в ценной антифашистской брошюре К. Зелинского «Борьба с немецкой агрессией в русской литературе». М. — Л. 1941. Изд. АН СССР.

³ Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 193—194.

⁴ Подробнее об этом см. у Энгельса в его «Заметках о войне». ИМЭЛ. М. 1940.

шингтона, главного организатора борьбы американцев против Англии, главнокомандующего армией Соединенных штатов. Глава английского военного кабинета Уинстон Черчилль недавно заявил во время своего пребывания в Америке, что война Англии против ее американских колоний в XVIII в. была самым несчастным событием в истории Англии. Таким образом, и у англичан и у американцев, совместно борющихся против кровавого гитлеризма, не осталось никакой горечи в отношении друг друга от воспоминаний о войне XVIII века. Наоборот, упорная борьба американцев, не имевших оружия и снаряжения, потерявших все крупные города, но не потерявших стойкости и веры в победу, продолжает и поныне вдохновлять все передовое человечество, самих американцев и английский народ.

Американцев вдохновляют примеры Джефферсона, поклонника французских материалистов XVIII в., отлучившего на волю своих рабов и составившего текст вдохновенной «Декларации независимости»; Томаса Пейна, автора памфлета «Здравый смысл», в котором он писал: «Дело Америки есть дело всего человечества»; президента Джэксона, при котором демократические учреждения и всеобщее образование широко распространились в Северных и Западных штатах.

Американский народ и все человечество вдохновляет образ великодушного, честного, скромного сына американского народа, 16-го президента Соединенных штатов Америки Авраама Линкольна, который 1 сентября 1863 г. подписал указ об уничтожении рабства в Южных штатах Америки и который твердой рукой довел войну против рабовладельцев до их разгрома. Недаром Ленин называл войну за независимость XVIII в. и гражданскую войну XIX в. революционной традицией американского народа.

Яркий, богатый подлинной героикой материал дает и прошлое Франции. В учебнике новой истории для средней школы учащиеся прочтут: «В эти дни якобинец Дантон, отражая настроения масс, говорил с трибуны Законодательного собрания: «Когда отечество в опасности, никто не имеет права отказаться служить ему, не рискуя покрыть себя позором и заслужить имя предателя отчизны. Чтобы победить врагов, нам нужна смелость, смелость и еще раз смелость,—и Франция будет спасена» (стр. 45).

Лозунги Робеспьера, Марата, Дантона о защите родины были подхвачены всей революционной Францией. И тогда произошло нечто совершенно неожиданное для Европы. Французские революционные войска — голодные, плохо одетые, плохо вооруженные, но охваченные революционным энтузиазмом, отогнали вымуштрованные армии феодальной коалиции.

Эту тему можно развить, используя «Хрестоматию по новой истории» для учителей, изданную в 1941 г., документ «Постановление Генерального совета Коммуны Парижа» 2 сентября 1792 г. («Хрестоматия», стр. 73—74, и др.), книгу «Вальми» Ромэн Роллана, учебник новой истории для вузов под редакцией акад. Е. В. Тарле и другие материалы.

Летом 1793 г. часть Франции снова была наводнена войсками интервентов. Враг, к которому присоединилась Англия, был теперь еще более силен. Одного энтузиазма было мало. Нужны были ружья, порох и для изготовления его селитра, нужны были пушки. Конвент призвал на помощь ученых, рабочие самоотверженно обслуживали фронт, войска мужественно бились с неприятелем, и Франция опять была спасена. Этот эпизод можно связать с вопросом о тыле и фронте, о героизме на фронте и трудовом героизме и стахановском движении среди народов Советского Союза в условиях Великой отечественной войны.

Мужественно отстаивал французский народ свою независимость в 1792, 1793 и 1794 годах. Мужественно сражались французские солдаты против гитлеровцев и во второй мировой войне, пока не оказались преданными Лавалем, Петэном и другими изменниками, помогшими Гитлеру прорвать укрепленные линии французов, захватить их крепости, танки, вооружение и обречь французский народ на жадкую участь умирания от голода в цепях рабства у немецкого фашизма.

Но великие традиции борьбы за свободу и независимость живы во французском народе: он не примирился и не примирится с позорным и тяжким уделом раба гитлеровцев. Франция — это одно из самых слабых мест фашистского тыла, это один из тех огнедышащих вулканов, которые готовы взорваться.

Новая история дает целую плеяду великих борцов за демократию, за культуру. Какое величайшее уважение к культуре и ее представителям проявлял Карл Маркс¹. Каким страстным поборником прогресса, демократии был больной, прикованный к постели Генрих Гейне! Величайшему уважению к культуре, ее представителям и носителям учит советская власть, большевистская партия, учат Ленин и Сталин. В то время как в нашей стране правительство поддерживает тех, кто обогащает культуру, создает новые, нужные народу произведения в области науки, техники и искусства, фашистские варвары разрушают в Германии памятники Гейне, сжигают его книги и книги многих других великих людей, уничтожают хранилище рукописей Балзака в Туре. В нашей стране кровавое фашистское зверье — «арийцы» — разрушили музей Чайковского в Клину, домик Чехова в Таганроге и т. д., и т. д.

В Советской стране, которая воюет не с немецким народом, а с фашистами и с интервентами, вторгшимися на нашу землю, высоко чтят всех великих деятелей человечества. Имена Гете, Канта, Гегеля, Бетхо-

¹ См. учебник новой истории для 8-х классов, стр. 126—127. «Маркс за работой».

вена чтит каждый гражданин Советского Союза, но эти имена чужды гитлеровской банде гангстеров, гитлеровской грабьярмии, гитлеровским заправилам Розенбергу, Франку, Гиммлеру, Дарре и их подручным.

В то время как фашистское зверье воспитывалось в худших традициях прусско-го конкверства и прусской военщины, в духе диничного культа насилия, в духе Бисмарка, презиравшего парламент и не считавшегося с ним, в духе Вильгельма II и его министров, нарушивших нейтралитет Бельгии и Люксембурга и считавших договоры клочками бумаги,— народы демократических стран воспитывались в духе свободолюбия и уважения к конституции и закону, уважения к международным договорам. Американская конституция 1787—1789 гг., французские конституции 1791, 1793 гг. и другие, демократизация парламента в Англии путем реформ 1832, 1867, 1884 гг., рабочее законодательство передовых европейских стран, особенно Англии и Франции, дают важный материал, который поможет понять, почему народы свободолубивых демократических стран—Англии, США, Франции—борются и будут бороться против фашистских рабовладельцев за свою независимость, за демократию.

Революция 1848 г., как и другие революции, также дает пример героики народных масс, боровшихся за демократические преобразования. С величайшей симпатией мы следим за борьбой французов и народных масс германских государств против сил контрреволюции. Гражданская война 1861—1865 гг. дает богатый материал о творческих силах народных масс, отстаивавших правое дело. Аболиционисты, рейд Шермана, демократические мероприятия Линкольна, направленные против рабства,— изучение всех этих фактов имеет глубокое воспитательное значение. При этом, разумеется, надо всемерно подчеркивать коренные различия между буржуазными революциями и великой социалистической революцией пролетариата.

В 9-м классе школы ряд тем также может быть рассмотрен в связи с актуальными вопросами сегодняшнего дня. Циничное поведение прусских интервентов во Франции в период Парижской коммуны¹ может быть увязано с характеристикой «нового порядка» в Европе. При этом следует использовать ту характеристику «нового порядка» в Европе, которая дана товарищем Сталиным: «Немецкие захватчики поработили народы европейского континента от Франции до Советской Прибалтики, от Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии и Советской Белоруссии до Балкан и Советской Украины, лишили их элементарных демократических свобод, лишили их права распоряжаться своей судьбой, отняли у них хлеб, мясо, сырье, превратили их в своих рабов, распяли на крест поляков, чехов, сербов и решили, что, добившись господства в Европе, они могут теперь строить на

этой основе мировое господство Германии. Это называется у них — «новый порядок в Европе»². Далее товарищ Сталин сравнивает «основу» этого порядка с вулканом, готовым «взорваться в любой момент и похоронить немецкий империалистический карточный домик»³.

Разумеется, никогда, даже в самых своих худших проявлениях, интервенция бисмарковских войск не имела такого ужасного, доведенного до последней черты людоедского характера, какой носит гитлеровский «новый порядок». О борьбе фашистов против славянства можно найти материал в статье акад. Е. В. Тарле «Фашистская геополитика»⁴.

При освещении вопроса о виновниках первой мировой войны следует подчеркнуть особую агрессивность германского империализма⁵.

Изучение истории первой мировой войны показывает, насколько неосновательным является миф о том, что якобы не поражение германской армии, а только политические моменты, из которых главный—начавшаяся в Германии революция,—привели Германию к капитуляции.

Документальные данные говорят нам об обратном: они устанавливают, что здесь имел место именно военный разгром германской армии, и, таким образом, миф о непобедимости германской армии в первой мировой войне рассеивается так же, как был рассеян миф о непобедимости фашистско-немецкой армии, как только она вторглась на территорию СССР и испытала на себе сокрушительную мощь ударного штыка нашей героической Красной Армии.

Прохождение курса 9-го класса может быть закончено дополнительной темой — от первой мировой войны до второй. Задача этой темы — показать, как фашисты, придя к власти в Германии, замыслили и подготавливали новую мировую войну, разьяснить всю ложь их утверждения о том, что они националисты и социалисты, и разьяснить учащимся, как сложился блок трех великих свободолубивых держав — СССР, Англии и США и их союзников.

В рамках небольшой статьи нет возможности исчерпать все темы и привести все примеры того, как преподавание курса новой истории в целом можно повестить на службу общему делу скорейшего уничтожения врага. Задачей данной статьи было наметить лишь то основное направление, в каком должно быть перестроено преподавание новой истории в условиях Великой отечественной войны Советского Союза против фашизма.

А. Ефимов

² И. Сталин. 24-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 11. Госполитиздат. 1942.

³ Там же.

⁴ Сборник «Против фашистской фальсификации истории». М. 1939.

⁵ Учебник новой истории для вузов под редакцией Е. В. Тарле. Ч. 2-я; брошюра Ф. Нотовича «Разгром германской армии в 1918 г.». М. 1941.

¹ Ценный материал имеется в книге А. Молоха «Парижская коммуна и прусская интервенция». М. 1939.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ДВА ГОДА ГЕРМАНСКОГО ГНЕТА В ЧЕХОСЛОВАКИИ

(Реферат книги)

Эта книга издана в 1941 г. отделом информации чехословацкого министерства иностранных дел в Лондоне. Книга содержит много новых фактов, иллюстрирующих стремление гитлеровцев превратить чехословацкий народ в миллионную массу бессловесных рабов.

★

Так называемая 2-я чехословацкая республика, образованная осенью 1938 г. после насильственного отрыва ряда областей в результате мюнхенского сговора, просуществовала недолго. В поисках предлога для военной оккупации республики агенты гестапо организовали в ряде чешских городов погромные выступления хулиганских элементов из местного немецкого населения. В начале марта 1939 г. в Берлине решили, что пора действовать. 14 марта президент Гаха был вызван в Берлин, к Гитлеру. Там его принудили подписать декларацию, в которой он «доверчиво отдаст судьбы чешского народа и страны в руки фюрера Германской империи».

В тот день германские войска двинулись в Чехословакию. 15 марта была оккупирована Прага. Гитлер прибыл в королевский замок — резиденцию президента Чехословакии — и там издал 16 марта указ «о протекторате над Богемией и Моравией». Этим указом все государственные функции были переданы в руки имперских властей.

«С самого начала оккупации, — говорится в книге, — немцы ввели систему массовых наказаний за проступки отдельных лиц. Это было подходящее средство, чтобы подвергать аресту и пыткам людей, которых не в чем было обвинять. Часто в качестве предлога для репрессий против чехов были использованы преступные акты, совершенные пьяными немецкими солдатами или полицейскими». Типичен случай, происшедший в Кладно, в окрестностях Праги. В июне 1939 г. немецкий полицейский был убит пьяным немецким солдатом во время драки из-за проститутки. Оккупационные власти сочли невозможным признать, что представитель «высшей» расы погиб при таких позорных обстоятельствах. Была при-

думана целая драма: убитый полицейский был объявлен жертвой политического убийства, и было назначено судебное следствие якобы с целью найти виновного. Вся чешская городская администрация вместе с несколькимистами других граждан была арестована и подвергнута самым жестоким пыткам. Городской голова Павел, измученный пытками, покончил с собой, выбросившись из окна. Другие арестованные чехи в течение ряда месяцев подвергались пыткам. Убитому полицейскому были устроены торжественные похороны, на которых присутствовало все немецкое военное и гражданское начальство. Городское самоуправление Кладно было распушено, и на город был наложен штраф в полмиллиона крон... Нет ни одного города и более или менее крупного селения в Богемии и Моравии, где не имели бы место подобные случаи насилий в последние два года... Почти во всех случаях нападения немецких солдат и полицейских на чехов виновные не донесли никакого наказания, ибо, как германские подданные, они не подлежали компетенции чешского суда. Это обеспечивало им полную безнаказанность. В городах, которые были объявлены германскими — а это имело место всюду, где имелось немецкое меньшинство, — жизнь чешских жителей была превращена в ад... Начало войны с Польшей ознаменовалось новой волной арестов — тысячи граждан из всех слоев общества были захвачены в качестве заложников... Особенно много было арестовано представителей интеллигенции. Оккупанты как бы задалась целью уничтожить всякие следы общественной жизни чешского народа.

Немецко-фашистская система кровавых провокаций особенно ярко проявилась в диких репрессиях, последовавших в связи с похоронами чешского студента Яна Оплетала. За полгода, прошедшие со времени оккупации, поясняется в книге, немцам не удалось создать чешское нацистское движение, чтобы заставить чехов примириться с потерей национальной независимости, ни запугать или привлечь на свою сторону интеллигенцию, в частности университеты.

В германских кругах назревало решение сломить сопротивление чехословаков любой ценой. Быстрый захват Польши германскими войсками придавал особую силу требованиям тех германских правительственных кругов, которые высказывались за принятие самых строгих мер против упорствующего чешского народа... Уже с сентября поднялась широкая волна арестов студентов, юристов, служителей культа и т. д. Статс-секретарь Франк не скрывал своего намерения нанести сильный удар по чехословацкой народной и средней школе при первом благоприятном случае.

«Случай» представился, когда происходили похороны (15 ноября 1939 г.) Оплетала, умершего в результате пыток в фашистском застенке. Во время демонстративных шествий немецкие провокаторы пытались вызвать беспорядки. Особенно отличился шофер статс-секретаря Франка, который поносил студентов и вступал с ними в драку. Тем не менее порядок в Праге почти нигде не был нарушен, и все обошлось бы благополучно, если бы германские власти добивались порядка и спокойствия. Но они добивались как раз обратного.

На следующий день, 16 ноября, Нейрат, Франк и шофер последнего вылетели в Берлин. Гитлер вызвал представителя протектората в Берлине Хвалковского. В присутствии Гитлера Франк разразился потоком ругательств по адресу Богемии, крича, что его шофер является жертвой чешских насилий против невинных немцев, и требовал принятия драконовских мер против чехов. «Фюрер», со своей стороны, неистовствовал. Он ударял кулаками по столу, произносил угрозы и в бешенстве кричал, что жалеет, что относился к чехам с такой снисходительностью, что с ними надо обращаться так, как с поляками. Вне себя от бешенства он заявил, что если беспорядки и бунты не прекратятся, то отдаст немцам приказ тайно покинуть Прагу, а затем он уничтожит город вместе с чешским населением, подвергая его артиллерийской и воздушной бомбардировке зажигательными снарядами. Гиммлер даже боялся, как бы с негодующим Гитлером не случился апоплексический удар. В течение того же дня сильные отряды штурмовиков и СС, которым были приданы Монополии, в полном вооружении были отправлены в Прагу. Эти формирования достигли Праги в четверг, ночью. Войск было очень много. Прохождение их по одному кварталу Высоганы продолжалось больше двух часов. Солдаты шли с провокационно-угрожающим видом, держа ружья наизготовку.

В ночь на 17 ноября германские части заняли все перекрестки и большое число зданий. В полной тишине часа в три ночи все университетские здания, колледжи и институты, а также все студенческие общежития и другие учебные заведения высшего типа в Праге были окружены войсками, на окна были направлены пулеметы. Ровно в 3 часа 30 минут была пущена сигнальная ракета. Это был приказ совершить нападение на студентов, которые спали,

ничего не подозревая. Атака носила характер рейда гангстеров. Привратники научных учреждений были разбужжены ударами в двери или пулеметными очередями. Без всяких объяснений их хватали и запирали в подземелья. Тем временем германские вооруженные варвары проникли в комнаты, угрожая раздетым студентам оружием. Известное общежитие имени Швеглы было окружено войсками уже в 2 часа ночи. Перед зданием расставили пушки, пулеметы и несколько танков. Часом позже солдаты ворвались в здание. Десятки людей были убиты. Еще более гнусный характер носил рейд на общежитие имени Масарика. Здесь германцы застрелили привратника и стали расстреливать студентов, которые не знали, что происходит, и пытались бежать. Некоторые выскакивали из окон, но внизу их встречали выстрелы немцев. Много студентов было убито здесь. Те, которые еще были в постели, подверглись бесчеловечным истязаниям. Особенно жестоко расправлялись с теми, у которых на стене висели «нежелательные» изображения, т. е. портреты Масарика, Бенеша или Штефаника, или хотя бы карта Чехословацкой республики до мюнхенскогоговора. (В книге приводится список убитых студентов.)

На всей территории университетского городка происходили кошмарные сцены, не поддающиеся описанию. Много студентов было расстреляно якобы при попытке к бегству. Затем студентов на 31 автобусе отвезли в авиационные казармы в Рызине. Во время ареста студентов и по пути в Рызин немецкие полицейские и солдаты обкрадывали их, забирая себе деньги, нижнее белье и т. д. В Рызине гитлеровские садисты подвергли арестованных самым мучительным пыткам. Их раздевали догола, погружали в ледяную воду и затем заставляли лежать на голом полу до утра. Других заставляли обегать по многу раз манеж, подгоняя измученных студентов ударами нагаек и увесистых палок. Связывая арестованных по-трое, истязали их, отрывали им мочки ушей, выбивали глаза ударами нагаек. Присутствовавшие при этих истязаниях немецкие служащие выражали свое одобрение. К физическим пыткам мучители добавили издевку: пыземых заставляли возглашать хором: «Благодарим вас».

Немцы привезли также в Рызин некоторое число студенток, забранных из женского студенческого общежития «Будеч» во время этого же ночного нападения. Многих из этих девушек потащили на открытые площадки и там насильовали на глазах у связанных студентов. Солдаты при этом тушили свои папиросы о груди насильюемых. Других девушек понуждали пить из плевательниц налитую туда мочу; девушки падали в обморок. Студенты, которые каким-либо жестом или словом выражали свое возмущение этими ужасами, немедленно подвергались новым истязаниям; при этом одного застрелили, а другому раздробили бедро штыком. Жертвами диких

истязаний стали также студенты-теологи Большой семинарии в Праге и богословы католического университета имени архиепископа Эрнеста Пардубицкого.

В то же время происходили аресты студентов, которые жили на частных квартирах. Агенты гестапо врываются в дома, вытаскивали ни в чем неповинных молодых людей из кроватей и увозили их в Панкратскую тюрьму. Пытавшихся оказывать сопротивление расстреливали на месте. Были случаи, когда убивали родителей, которые осмеливались выступать в защиту своих детей. Утром были заняты германскими военными частями несколько научных учреждений. Профессора, их ассистенты, доценты и другие научные работники, а также и студенты подвергались здесь допросу по принятому в гестапо образцу: лицом к стене, с руками, связанными на спине, под потоком издевательств и ударов — в таком виде они давали ответ на вопросы гестаповцев. Большинство студентов было увезено в Рызин. В тот же день были расстреляны без суда и следствия 9 руководителей чешских студенческих организаций. Большинство казенных даже не участвовало в демонстрациях в связи с похоронами Яна Оплетала. Это — простое массовое убийство без намека на судебное разбирательство. Для того чтобы помешать какому-либо выступлению протеста против этой расправы, высшие германские полицейские власти вызвали управляющих чешских промышленных предприятий и членов фабрично-заводских комитетов; им было заявлено, что они все будут расстреляны, если будет сделана малейшая попытка к объявлению забастовки протеста. Их заставили подписать следующее заявление: «Принимаю к сведению, что я подвергнусь немедленному расстрелу, если работа на нашем заводе будет прекращена без достаточных оснований».

В ночь на субботу арестованные студенты были погружены в 36 автобусов городского транспорта и увезены в северном направлении. Неопишуемые сцены происходили в пути. Сваленные кучей друг на друга, изнемогая от голода и жажды, студенты подвергались избиению по всякому поводу, а частью и без повода. Вечером студентов пересадили на германские грузовики. Все они заключены теперь в концентрационные лагеря Бухенвальда, Ораниенбурга и Дахау.

Подобные же насилия были совершены над чешскими студентами в других городах, хотя они не имели никакого отношения к пражским демонстрациям по случаю похорон Яна Оплетала. Так, в Брно подверглись нападению германских военных отрядов студенты университета и политехникума, проживавшие в общежитии имени Куника. Их подвергли ужасающим пыткам, студенток изнасиловали в присутствии их товарищей-мужчин. Всего было арестовано и отправлено в концлагери 470 студентов. Той же участи подверглась студентка горной академии в Пржибраме. На другой день

после этих массовых убийств чешские власти обратились к оккупантам с просьбой дать список казенных студентов, для того чтобы семьи тех, которые остались в живых, не переносили излишних страхов. Франк в этой просьбе отказал, ибо немцы, наоборот, хотели, чтобы родные арестованных переживали все муки неизвестности.

Захватив университетские помещения, немцы стали грабить и уничтожать их своими обычными способами. Во всех научных учреждениях или школах, которые ими были заняты, они немедленно захватили научные приборы и пособия. Особенно сильно грабили они политехнический институт, институт естественной истории, медицинский факультет. Научные книги и фильмы были изорваны или унесены, архивы ученого совета университета были порваны или сожжены, картотеки уничтожены или разбросаны. Были также расхищены личные вещи профессоров и их ассистентов. Некоторые университетские учреждения были превращены в казармы для германских солдат. После этого статс-секретарь Франк отдал приказ о закрытии на три года чешских высших учебных заведений. Этот запрет коснулся следующих учреждений: пражского университета имени Карла IV, политехнических институтов в Праге и Брно, университета в Брно, коммерческого института в Праге, горного института в Пржибраме, сельскохозяйственного и ветеринарного института в Брно, католического факультета теологии в Оломоуце и протестантского факультета теологии имени Яна Гуса в Праге.

В пятницу 17 ноября были захвачены столь же насильственным и диким образом университетские клиники; клиники были заняты германскими войсками, больные выгнаны безотносительно к их состоянию и в беспорядке растасованы по разным больницам. Были выброшены даже больные хирургической клиники; один из них только что перенес операцию мозга; некоторые были на смертном одре. Директор хирургической клиники, пытавшийся протестовать против этого варварского образа действий, был выброшен из клиники; вместе с ним было выгнано большое число студентов и ассистентов.

Оккупантам пришлось официально признать, что казнено 12 человек. Но совершенно точно доказано, что в авиационных казармах в Рызине в пятницу 17 ноября было расстреляно 34 студента и что в субботу той же участи подверглись в Шаркапарке, на окраине столицы, 27 человек. К этим расстрелянным следует еще добавить студентов, убитых в общежитиях и в помещениях учебных заведений, а также большое число людей, убитых во время уличных демонстраций. Насколько удалось установить до настоящего времени, число казенных студентов и молодых интеллигентов составляет 150 человек, около 4 тыс. было заключено в тюрьму. Общее число убитых за 3 недели, между 28 октября и 20 ноября, гораздо более значительно и, несомненно, превосходит тысячу человек.

После казни первых 9 жертв германские власти выпустили следующее официальное сообщение: «В течение некоторого времени группа чешских интеллигентов, связанных с бежавшим президентом Бенешем, пыталась разного рода мятежными действиями нарушить общественный порядок и мир в протекторате Богемия и Моравия. Удалось установить, что подстрекателей к этим актам сопротивления следует искать главным образом в чешских университетах и других высших учебных заведениях. Так как эти элементы совершили в октябре и ноябре акты агрессии против некоторых германцев, то решено закрыть чешские высшие учебные заведения на срок в 3 года. 9 человек, виновных в актах этого рода, подвергнуты расстрелу. Арестовано большое число лиц, замешанных в этом деле...»

Студентам, которые не были арестованы, было запрещено заниматься умственным трудом, или же продолжать свою учебу в другом университете в пределах Германской империи или за границей. Им было предложено в течение двух суток прискочить себе физическую работу, угрожая в противном случае выслать их в трудовые лагеря в Германию. Некоторые студенты-медики пожелали использовать свои вынужденные вакации для работы в больницах Праги в качестве ассистентов или санитаров. Это было запрещено особым приказом Франка. Заявляя, что это является косвенным средством обхода германских законов, он отдал приказ о немедленном удалении студентов из больниц, где они работали. Одновременно с закрытием высших учебных заведений были закрыты большие научные библиотеки и все учреждения, которые могли бы оказать интеллектуальную поддержку студентам, изгнанным из высших учебных заведений. Библиотека Пражского университета осталась открытой для одних только немцев; полубезграмотному немецкому чиновнику было поручено подвергнуть библиотеку «чистке» в 6-месячный срок.

Какова была судьба профессоров чешских университетов и других высших учебных заведений во время этих событий и после них? Преподаватели вели себя безупречно. Солидаризируясь со своими студентами, они оказывали германским жестокостям и провокациям сопротивление, полное достоинства и твердости. Они также приняли на себя удары, которые посыпались на головы порученной их воспитанию молодежи. Они подвергались варварским допросам в тюрьмах гестапо. Некоторые были убиты, другие покончили жизнь самоубийством, многие были заключены в тюрьму; другие чешские ученые находятся под полицейским надзором и не могут ступить ни шагу без сопровождения или слежки германских полицейских агентов. Фактически нет ни одного чешского научного деятеля профессорского ранга, который не подвергся бы преследованиям со стороны германских властей.

Вскоре стало очевидным, что закрытие

чешских высших учебных заведений является первым шагом к полному уничтожению всей чешской научной жизни. Чешские профессора были либо переведены на пенсию либо направлены на работу, не имеющую ничего общего с научными занятиями. Помещения научных учреждений были переданы либо германским университетам либо германским военным и гражданским властям. Научные коллекции также были переданы германским учреждениям, поскольку они не были до этого разграблены. Указом, изданным протектором 23 октября 1940 г., были ликвидированы учебные советы закрытых университетов и политехникумов. Ректоры и деканы были уволены, собственность высших учебных заведений была конфискована. С этого дня чешские высшие учебные заведения окончательно прекратили свое существование.

Так поступили даже с государственным институтом народного здоровья — крупнейшим и активнейшим учреждением этого рода в Европе, основанным чехословацким правительством при помощи рокфеллерского фонда. Директора этого института, все ученые с мировым именем, получили образование в Англии и Америке и поддерживали научный контакт с англо-саксонским миром. Все они оказались уволенными; их заменили германскими чиновниками без всякой научной квалификации. Сам государственный секретарь Франк открыто подтвердил, что все эти меры носят характер обструкции культуре чешского народа. Когда к нему явилась чешская делегация и потребовала открытия чешских высших учебных заведений, он цинично ответил: «Если войну выиграет Англия, вы сами снова откроете свои школы, если же Германия выиграет, — с вас хватит низшего, 5-классного училища».

Однако со времени начала войны и в особенности после германских побед летом 1940 г. низшие и средние школы также подвергались гонениям и под угрозой находилось даже самое элементарное образование на чешском языке. По приказу Франка к концу 1940 г. были закрыты все чешские школы, оставшиеся на территории, изъятой из протектората, т. е. в районах, отрезанных от Чехословацкой республики после мюнхенского соглашения. Проживающие на этой территории 800 тыс. чехов лишены всякой возможности получить образование на родном языке. Ограблено также крупное чешское меньшинство в Вене, которое еще и сейчас превосходит 100 тыс. человек. У венских чехов забрали школы, которыми они так гордились. В самом протекторате низшая школа находится в шатком положении. Так, запрещено строить новые чешские элементарные училища даже в районах, где в них ощущается острая нужда; существующие училища закрываются под всякими предлогами, превращаются либо в немецкие школы либо отводятся под немецкие казармы и госпитали, а также под конторы и другие учрежде-

ния. Разрешения к открытию параллельных классов выдаются крайне редко. В результате к концу 1940 г. целая треть чешских народных учителей—больше 6 тыс. из 20 тыс.—была без работы, а десятки тысяч детей остались без элементарного школьного образования. В чешских школах число учеников в классе составляет 70, а в немецких—30. Безработным учителям не разрешается давать частные уроки, и им предлагают заняться физическим трудом. Оккупанты сокращают число народных учителей и другим способом: многих заключают в тюрьму. Так, за один лишь 1940 г. было арестовано больше 500 народных учителей, в то время как в первый год существования протектората было заключено в тюрьмы несколько сот народных учителей.

Учителя низшей школы встречают в своей деятельности почти непреодолимые затруднения. Им приходится вести занятия почти без учебников, так как все учебники, изданные при Чехословацкой республике, были конфискованы, а издание новых учебников не разрешается. Учебных дней очень мало, ибо германские власти пользуются любым предлогом, чтобы объявить день, свободный от занятий. Зимой занятия прекращаются на том основании, что школы не имеют угля для отопления; летом школьные помещения передаются в распоряжение немецких экскурсантов, которые приезжают под флагом пресловутой организации Лея «Сила через радость». В настоящее время школы часто закрываются на целую неделю по случаю празднования той или иной победы германского оружия. Со времени вторжения германских войск в протекторат до июля 1940 г. школьные библиотеки подвергались ревизии 5 раз. В таких случаях агентов гестапо сопровождают судетские немцы, знающие чешский язык. В результате ряда ревизий библиотечные полки опустели.

В средней школе положение еще хуже. Немцы считают, что всякая учеба, выходящая из рамок чтения и письма, является недопустимой роскошью для народа, осужденного на рабство. Нет сомнения в том, что немцы носятся с планом закрыть все чешские средние школы. План закрытия средних учебных заведений осуществляется постепенно. Так, чешские средние учебные заведения закрываются во всех городах, которые объявляются немецкими, а таковыми объявляются и чисто чешские города. Той же участи подвергаются все те чешские средние школы, которые были переведены на чешскую территорию из районов, отошедших к Германии после мюнхенского сговора. Затем закрываются чешские средние школы в городах, расположенных вблизи старой германской границы. Закрыта, например, гимназия в Индржихув Градце, существовавшая с XVI века. Наконец, в Праге, Пльзене и в других больших городах по меньшей мере половина существующих средних учебных заведений закрыта германскими властями; в ближайшем будущем наступит

очередь других учебных заведений. Чешскому министерству просвещения не предоставлено никаких прав в этом отношении. Печатному органу протектора достаточно заявить, что то или другое чешское среднее учебное заведение излишне. Из оставшихся средних чешских школ в 1941 г. предполагается закрыть еще 29.

Нормальному функционированию средних учебных заведений ставится еще больше препон, чем низшим школам. Например вступительные экзамены так трудны, что большинство экзаменуемых проваливается. Число параллельных классов ограничено одним для каждого основного класса; до Мюнхена в некоторых крупных средних учебных заведениях при каждом основном классе имелось до 5 параллельных классов. Крайне строг надзор за работой средних учебных заведений. Заведующие школами и классные надзиратели отвечают перед германскими властями за поведение учеников даже вне стен школы. Многие из преподавателей были арестованы, когда их ученики попадались, читая запрещенные книги или выводя антигерманские лозунги на стенах. Как известно, нацисты недолюбливают среднюю школу и в самой Германии. В Чехии же они преследуют ее всевозможными способами.

В главе «Гонения на чехословацкую культурную жизнь» приводится ряд фактов, показывающих, как нацистское «тевтонское неистовство» уничтожало чешскую культуру в период с 15 марта 1939 г. до провокации в связи с похоронами Яна Оплетала, когда фашисты перешли к физическому уничтожению чешской интеллигенции. За этот полугодовой период варварами было сделано следующее: произведения давно умерших художников были подвергнуты цензуре не менее свирепой, чем произведения современных авторов. Все, что в литературе, музыке и в пластических искусствах последнего столетия дышало волей пробужденного к жизни народа жить своей собственной, независимой жизнью—а этой идеей были проникнуты все крупные произведения чешского искусства, — подверглось запрету. Немцы дошли до того, что устранили из репертуара Государственной оперы некоторые произведения Сметаны, которые являются воплощением в музыке самой души народной, а из репертуара инструментальных концертов—славянские танцы Дворжака; эти танцы оказались подозрительными вдвойне—как по самому своему названию, так и вследствие их воспитательного ритма. В деревнях было подвергнуто запрету пение чешских народных песен и национального гимна «Кде домов муй». Произведения величайших поэтов и романистов были подвергнуты «обследованию» экспертами гестапо с целью удостовериться, не содержится ли в них чего-либо опасного для Германской империи. Произведения иностранных авторов—французских, английских, русских—были изъяты на территории Богемии—Моравии с еще большей строгостью, чем в самой Германии.

Из репертуара Национального театра исчезли наиболее выдающиеся драматические произведения как чешских, так французских и английских авторов; образовавшуюся брешь пришлось закрыть пошлыми произведениями. Во многих городах надзор над чешскими театрами был передан германским оккупационным властям. Цензура над кинокартинами была передана немцам. В октябре 1939 г. число чешских запрещенных фильмов дошло до 240 — это, по существу, весь выпуск чешской звуковой кинопромышленности. Переодетые агенты гестапо присутствуют на всех кинопредставлениях и немедленно арестовывают всякого, кто посмеет хотя бы самым робким образом выразить протест против нацистского режима. Киностудии в Баррендове, где выпускалось так много иностранных фильмов, подверглись конфискации и переданы агенту гестапо, барону фон Грегори — главному надзирателю за чешской кинопромышленностью.

Одновременно началось разграбление чехословацких сокровищниц науки и искусства. За ночным визитом Гитлера в королевский замок в Праге последовала отправка в Берлин 10 ценных гобеленов, украшавших залы замка. Из музеев Праги, в особенности из чехословацкого национального музея и из музея национальной революции, исчезли все документы, которые почему-либо могли быть неудобны новым властителям. Чешский университет в Праге был лишен всех документов, которые доказывали его прямое происхождение от Пражского университета, основанного в XIV веке королем Карлом II. Все эти документы, свидетельствующие о славном и далеком прошлом чешской духовной жизни, были переданы немецкому университету в Праге. Знаменитый государственный театр, основанный богемским дворянством в конце XVIII в. и дорогой сердцу народа как место зарождения национального театрального искусства, был забран у чехов и объявлен немецким театром. Незначительное немецкое меньшинство в Праге — 4% населения столицы — уже обладало 2 театрами, из которых один субсидируется казной; теперь оно имеет целых 3 театра, в то время как чешскому населению столицы предоставлены только 2 театра. В некоторых крупных городах, как Чешске Будеювице, Оломуц, Моравска Острава, ставить пьесы стало невозможным вследствие частичного или полного занятия помещений театров оккупационными учреждениями. В Брно, столице Моравии, чешский театр просто-напросто забран немцами; чехам разрешается дать 4 представления в месяц, а они составляют 85% населения города. Во многих городах Дома имени Масарика, где обычно помещаются библиотеки, залы для показа научно-воспитательных фильмов, для театральных представлений, концертов и т. д., конфискованы и превращены в казармы или в помещения для гестапо. Памятники и статуи, часто большой художественной ценности, имевшиеся в этих домах, сняты с подножий и

разбиты, в частности это относится к изображениям Масарика или к тем, которые посвящены героическим актам чехословацких добровольцев во время мировой войны 1914—1918 годов.

В нескольких словах автор касается судьбы чешской культуры в областях, переданных Германии в результате мюнхенского сговора: «Для чехов, составляющих в этих областях около миллиона душ, всякая культурная жизнь прекратилась сразу. Из сотен народных школ осталось несколько десятков; закрыты все средние учебные заведения, все чешские научные учреждения, некоторые крупные библиотеки и т. д. Все чехословацкие культурные организации, которых было особенно много в этих отторгнутых районах, были немедленно распущены, и все их имущество передано местным отделам нацистской партии. Библиотеки этих организаций были разграблены и разбросаны. В культурном и политическом отношении отторгнутые районы немедленно превратились в голую пустыню».

Идеи, которые положены в основу этого варварского похода на культуру чешского народа, подчеркивается в книге, с достаточной откровенностью изложены в органе Нейрата «Дер нейе таг». Эта газета заявила через несколько недель после вступления германских войск в Прагу: «Чешскому народу остается одно: работать и рожать детей». «Фелькишер беобахтер», со своей стороны, заявляла: «У чехов слишком многочисленная интеллигенция. Надо признать, что слишком много молодых чехов училось в университетах; пусть они займутся торговлей и ремеслами». И, наконец, согласно автору корреспонденций, появившихся в «Таймсе» в ноябре 1939 г. под общим заглавием «Истязуемые чехи», один из нацистских вожakov в Судетах определил германскую политику в отношении чехов следующими словами: «Мы должны вырвать у них мозги, мы должны уничтожить культурный слой, срывающий желательные отношения, которые прежде существовали между немецким работодателем и чешским работником».

Подведем итоги: университеты и другие высшие учебные заведения закрыты, студенты заключены в тюрьму, подвергаются пыткам и убийству, профессора находятся в тюрьме или пребывают под постоянной угрозой провокаций, научные коллекции уничтожены или забраны, предметы искусства раскрадены или разбросаны, памятники разрушены, научные и общеобразовательные библиотеки закрыты, произведения величайших поэтов и романистов запрещены цензурой, всякая свободная научная и исследовательская работа стала невозможной, всякий контакт с культурными кругами за границей воспрещен. Такова мрачная картина, которую представляет чехословацкая культура по прошествии неполных 2 лет со времени вступления немцев в Прагу. Мы показали здесь, что все те жестокости, которые оккупанты совершили против чешской культуры и ее наиболее

выдающихся представителей, не являются актами произвола подчиненных нацистских органов власти. Наоборот, они являются частью плана, разработанного во всех деталях в высших политических кругах нацистской иерархии, и естественным результатом основных идей гитлеровского движения. В соответствии с этими идеями чехословацкая нация должна быть полностью и окончательно лишена своей интеллигенции; она должна превратиться исключительно в резервуар рабочей силы, выполняющей веления народа господ. Это есть рабство в самом полном, самом систематическом, самом отвратительном смысле; такое рабство нацистская Германия готовит для народа св. Венцеслава, Яна Гуса, Комениуса и Масарыка.

В главе «Атака на чешскую прессу» дается подробное описание насилия над чешской прессой: «После оккупации Праги германскими войсками сразу исчезли последние остатки свободы печати. Немедленно было учреждено бюро контроля над печатью. Во главе этого бюро был поставлен фон Грегори, бывший пресс-атташе при германском посольстве в Чехословакии. Грегори уже имел определенную репутацию; ему было поручено убить германского политэмигранта инженера Формиса, который устроил на чехословацкой территории секретную радиостанцию, дававшую сообщения на немецком языке. Помощником Грегори был назначен Анзорге. Это профессиональный агент-provocateur, который по поручению Берлина организовывал в Судетской области «демонстрации недовольства и отчаяния угнетенного немецкого меньшинства». Грегори и его помощники установили чрезвычайно сложную систему контроля. К 1 сентября 1939 г. цензура была установлена в следующем трехступенном виде: 1. В каждую чешскую редакцию был назначен чешский цензор. Его задача состоит в том, чтобы изъять из рукописей все, что может быть неприятно оккупантам. Эти цензоры, набранные в большинстве среди служащих ликвидированных министерств (иностранное ведомство, военное министерство и т. д.), несут персональную ответственность за лояльное отношение соответствующих органов печати к Германии. Малейшего отклонения от инструкций, полученных из бюро Грегори, достаточно, чтобы цензора упрятали в тюрьму или отправили в концлагерь. 2. После этой цензуры первой ступени вступает в действие «центр по обслуживанию прессы». Это бывший отдел печати при премьер-министре в совершенно новом виде. В этом центре подвергается отдельному просмотру материал, прошедший через первого цензора. Здесь берутся под лупу пропущенные рукописи с целью изъять те неудобные для оккупантов места, которые могли просочиться незамеченными. 3. Последнее слово остается за цензурой третьей ступени. Здесь распоряжается сам Грегори. Цензоры при нем состоят исключительно из чиновников, присланных из Германии. К ним добавляют несколько переводчиков

из среды судетских немцев, владеющих чешским языком. (К этой цензурной иерархии с начала войны добавлена еще 4-я инстанция — военная. Последняя рассматривает печатаемый материал со своей точки зрения; она берет под лупу не только тексты и фотоснимки, но и объявления, помещаемые в чешской печати.) В бюро Грегори решается, что не должно появиться в чешской прессе и что чешская пресса обязана печатать. В функции бюро Грегори входит изъятие всех статей политического характера, которые не отклоняют принципов демократии, человечности и свободы; выбираются также статьи, которые не восхваляют гитлеровских принципов и не выражают признательность подзащитного Германии чешского народа за великодушие, с которым германский народ оказывает ему покровительство.

Цензура третьей ступени снимает все статьи экономического характера, даже те, которые написаны на основании официальной статистики государственного банка, торговых палат, министерства финансов и т. д., если в них не вставлено указание на материальные выгоды, которые извлекаются чехами в результате включения в германскую хозяйственную систему. Снимается всякая информация социального характера, всякие сведения о ценах, заработной плате, о пособиях больным и т. п., ибо подобные сведения могли бы служить доказательством обеднения страны под гитлеровским режимом. Далее, бюро Грегори не пропускает статей исторического характера, где трактуется о великих эпохах истории чешского народа. Не разрешается упоминать о прежних отношениях Чехии с Германией, ибо читателю чешской газеты не дозволено узнать, что были такие периоды, когда чехословацкий народ имел свою собственную историю, независимую от Германии. На этом основании выбрасываются из статей чисто научного характера даже всякие упоминания о фактах, свидетельствующих о существовании независимой чехословацкой культуры. Далее, изымаются все статьи внешнеполитического характера. Не допускается также любое цитирование из чешских литературных произведений, даже из таких, которые не имеют никакого отношения к политике, ибо всякое упоминание о величии чешской национальной литературы в прошлые времена может, по мнению Грегори, нанести ущерб интересам Германии. Не разрешается воспроизводство фотографий, выявляющих индивидуальные черты чешского народа. Не допускается опубликование официальных заявлений так называемого автономного чешского правительства, если в них не выражается с достаточной ясностью полное подчинение этого правительства властям протектората. Часто даже запрещается точный перевод статей, уже опубликованных в германской печати, ибо то, что подобает знать читателю избранного народа, не всегда можно позволить читать рабам. Горе газете, которая между строк пытается привлечь внимание своих читателей к тому,

что нельзя читать открыто. «Мы умеем читать и сквозь строки, — писал орган протектора «Дер шейне таг» в июле 1939 г., — чешская пресса мало что выигрывает, если она станет предаваться иллюзии, что времена старой Австрии вернулись». В другой раз та же газета писала: «Мы должны следить за тем, как иные чешские газеты пытаются прокрасться между настроением народа и цензурой, жонглируя словами. Они, очевидно, не умеют пользоваться той широкой свободой, которую предоставила им германская сторона».

Но и этого недостаточно для фашистских насильников. Они навязывают чешскому народу свои собственные мерзкие словоизлияния. Автор главы «Атака на чешскую прессу» заявляет: «Деятельность германской цензуры проявляется еще в том, что чешскую прессу принуждают печатать статьи, посылаемые бюро Грегори в газеты чаще всего через голову редакторов, причем запрещается вносить в текст какие-либо изменения. В этих статьях содержатся нападки на союзные страны, на народы и государственных деятелей этих стран; пишутся статьи в самой грубой и оскорбительной форме. В других подобных статьях содержатся нападки на чехословацкую пропаганду за границей, на членов чехословацкого временного правительства, на независимую чехословацкую армию, которая ведет борьбу за границей. Одним словом, подвергается нападкам все то, что позволяет угнетенному чешскому народу надеяться на возможность освобождения от гитлеровского ига. Не довольствуясь тем, что оно принуждает чешскую прессу печатать подобные статьи, бюро Грегори предписывает еще место, которое они должны занимать в номере, размеры шрифтов. В случае передачи заявлений Гитлера или его ближайших единомышленников печатание на первой странице и самым крупным шрифтом является обязательным».

В редакции газет идет нескончаемый поток приказов и запретов, они издаются по телефону и в письменной форме. Время от времени Грегори вызывает к себе 3—4 из наиболее известных журналистов Праги. Он дает им приказ напечатать за своими подписями статьи, направленные против Бенеша; эти статьи часто написаны в самых отвратительных выражениях. Одну газету подвергли наказанию за то, что она не напечатала в статье против Бенеша следующую фразу, продиктованную лично Грегори: «Жулик Бенеш напоминает негуса, который продает в Лондоне украденные серебряные ложки, для того чтобы покрыть свои необычайные личные расходы». Если газета отказывается напечатать подобного рода статью, ей присылают другую, написанную в еще более грубом тоне, которую она вынуждена опубликовать без малейших изменений; в противном случае всему персоналу редакции грозит концлагерь. С особым садистским сладострастием Грегори требует, чтобы подобные статьи подписывались выдающимися журналистами, которых он сам выбирает для этого.

Репрессии сыплются не только на газеты, но и больно бьют по самим журналистам. По меньшей мере половина чешских журналистов уже подвергалась обыску, аресту или заключению в тюрьму. Малейшего указания на поведение германских войск в протекторате или на некорректные действия немцев по отношению к чешскому населению достаточно, для того чтобы закрыть газету и подвергнуть тюремному заключению как автора статьи, так и владельца газеты. В результате газеты, повседневно оскверняемые печатанием статей, которые по форме и содержанию являются оскорблением чехословацкого народа и противными его интересам, лишались всякого доверия у читающей публики; последняя доверяет только подпольной печати и иностранным радиосообщениям. Чешская пресса существует только в изгнании; та, которая печатается в протекторате, является германской, плохо переведенной на чешский язык».

В главе «Преследование отдельных лиц» приводятся некоторые подробности о гонениях на командный состав бывшей чехословацкой армии.

После роспуска регулярной армии властям протектората было разрешено содержать «армию» в 7 тыс. человек; это своего рода жандармерия, к тому же плохо снаряженная. Тем не менее оккупанты не чувствуют себя спокойно. В течение 2 лет они не перестают искать скрытое оружие. Самым простым средством, чтобы найти это оружие, оккупанты считают арест бывших офицеров. Многие из них были замучены насмерть в застенках гестапо. Пыткам, часто оканчивавшимся смертью, подвергались также бывшие офицеры и солдаты, от которых требовали указать потайные места, где скрыты запасы бензина и нефти бывшей чехословацкой армии. Затем, когда после начала войны, по соглашению с Англией и Францией, за границей была организована чехословацкая армия и много молодых людей и офицеров бежали из протектората, чтобы вступить в эту армию, поднялась новая волна преследования бывших офицеров.

Автор обзора выделяет из длинного списка офицеров, замученных по подозрению в пособничестве в бегстве, следующих лиц: бывшего военного атташе в Будапеште майора генштаба Богумила Клейна, подполковника генштаба Томаша Гушка, полковника пехоты Иозефа Моравека, бригадир-генерала Кареля Клубала, подполковника генштаба Яна Гржебицкого, врача в чине подполковника Людвика Музлека и майора пехоты Ярослава Рышави. Клейн был замучен до смерти в середине октября 1939 года. Гушка подвергали в течение четырех дней самым ужасным пыткам и, наконец, выбросили из окна четвертого этажа. Доктор зарегистрировал «самоубийство». Это произошло 8 декабря. Моравека арестовали в начале декабря, а 23-го того же месяца, в канун рождества,

послали его жене урну с его пеплом. Кубаль умер в результате пыток в начале февраля 1940 года. Яна Тржебицкого пытали тем, что его погружали то в горячую, то в ледяную воду. Он умер в госпитале 25 марта 1940 года. Музлека несколько раз арестовывали и, наконец, убили в концлагере. Его жене прислали урну с пеплом в начале января 1940 года. Майор Рышави был также замучен насмерть. Автор добавляет, что сотни бывших чешских офицеров заключены в тюрьму.

В главе «Преследование христианской церкви» описываются фашистские гнусности по отношению к церковным деятелям. Автор рассказывает, как оккупанты, появляясь где-нибудь, немедленно берутся за чешские церкви, запрещая богослужение и оскверняя церковные помещения.

Касаясь первоначального «мягкого» периода оккупации, он пишет: «Сотни священников вызывались в гестапо, допрашивались, причем подвергались обычным для фашистов издевательствам и пыткам. Во время допроса священник стоит лицом к стене в течение 3—4 часов. За малейшим движением следует угроза револьвером. Многие священники после допроса не возвращались домой». В начале июня 1939 г. были запрещены всякие религиозные процессии, причем арестовывались церковные проповедники, которых подвергали жестоким пыткам.

Но все эти мучения и издевательства, продолжает автор, являются мелочью по сравнению с широкой волной гонений, которая разлилась по протекторату после объявления войны. Уже 1 сентября гестапо арестовало 487 священников в Богемии и Моравии; их перевели в тюрьму или, как, например, в Моравская Острава и в Штепанов в округе Оломуца, в пустующие фабричные помещения; здесь были устроены распределительные арестные дома, откуда священников переводили в концлагери. Аресты происходили всюду: в Праге, Чешске, Буденовиче, Индржихув, Градец, Брно, Оломук Простежов, Моравская Острава, Липних, Границе, Литовеле и в других местах.

Среди арестованных были такие высокочтимые церковные деятели, как каноник Вышеградский, монсеньор Сташек из Праги, председатель консистории в Брно 80-летний старик, монсеньор Тенора. Сташека продержали в тюрьме до середины февраля 1940 г., а затем перевели в концлагерь Дахау, где несмотря на его болезненное состояние его заставили работать в каменоломне. Вместе с Тенора были арестованы все члены консистории в Брно и переведены в пользующуюся особенно дурной славой тюрьму форта Шпильберг. Их держали в подвале вместе с уголовниками. Когда они жаловались, что нечем дышать, их в издевку поместили в часовню, лишая самых элементарных удобств, и оставили спать на голом каменном полу.

Хуже всего гестаповцы обращались с известным проповедником из Брно — Карелем Фанфрда. Он был арестован еще до

начала войны, после того как выступил с проповедью перед 40-тысячной толпой. На допросе агент гестапо издевательски спросил его, знает ли он, за что арестован. Фанфрда смело ответил: «За то, что я чех и священнослужитель». Агент бил его по лицу, требуя другого ответа, но несмотря на избивание Фанфрда стойко держался своего ответа.

Особенно свирепствовали фашистские оккупанты против церковных деятелей в Оломуце. Генеральный викарий Мартину умер в тюрьме от последствий перенесенных пыток. Каждое утро штурмовики выгоняли арестованных священников из арестного помещения, заставляя бегать по двору; это «упражнение» продолжалось без передышки полчаса. Священников, которые выбивались из сил и падали от изнеможения, гнали чистить уборные. Многие заболели. Большинство было переведено сперва в Шпильберг, где их подвергали кошмарным пыткам; оставшиеся в живых были отправлены в известные своим ужасным режимом концлагери Дахау и Бухенвальд. «Здесь, — писал потом один из спасшихся, — священников заставляли выполнять такие работы, которые обычно выпадают на долю вьючных животных. У обочин дорог обычно можно было видеть исхудалых, оборванных священнослужителей преклонных лет; они надрывались, волоча за собой тележку с камнем или песком; возле них расхаживал детина из штурмовиков, заматывающийся кнутом».

Отмечая далее, что оккупанты закрывают все духовные семинарии и школы, автор статьи особо останавливается на цензуре над псалмами. Из песнопений изгоняется все, что хоть отдаленно может быть понято как протест против фашистского гнета над чешским народом. Запрещено также творить молитву за родину и т. д. Запрещено упоминать в проповедях о Яне Гусе, о религиозных войнах, последовавших за его мученической смертью. Школьников заставляют вырывать из учебников страницы, посвященные легенде о богатырях-рыцарях из Бланика, которые в самый тяжелый момент для своего народа спустились с гор, чтобы поспешить на выручку своим угнетенным братьям во Христе. Священников заставляют «чистить» катехизисы как бы от своего собственного имени. Это делается с определенной целью: посеять вражду между ними и прихожанами.

В заключение отмечается, что наряду с мирскими высшими учебными заведениями закрыты на 3 года и духовные семинарии. Особенно свирепствовали оккупанты против профессуры и студенчества теологического факультета имени Яна Гуса. Согласно указу Нейрата от 9 апреля 1940 г., чехословацкая церковь переименована в чехоморавскую.

В главе «Вторжение и преследования» говорится: «Как только гестаповцы прибыли в Прагу, они устроили свой центр во

дворце банкира Печека. Десятки тысяч арестованных прошли через помещения дворца, который был превращен в застенок. Здесь применяются пытки самого разнообразного характера. Из дворца Печека арестованных обычно направляют в тюрьму или в концлагерь, где ужасная процедура допроса начинается сызнова. Арестованных ограбляют до нитки. Тех, которых временно освобождают, заставляют подписать заявление, что с ними обходились прилично и что все отобранные при аресте вещи возвращены. Общее число арестованных не поддается даже приблизительному учету. В середине 1940 г. в чешских кругах считали, что число чехов, содержащихся в концлагерях в Германии, в частности в Дахау и в Ораниенбурге, а также в тюрьмах, составляло примерно 70 тысяч. Но, по последним данным, эта цифра значительно уже превышена».

Со свойственной им варварской фразеологией гитлеровцы называют свою политику истребления населения оккупированных ими стран «кровь и земля».

Одной из первых административных мер, принятых Нейратом в качестве протектора, был указ от 24 июня 1939 года.

Этим указом односторонне регулируется вопрос о языке в государственных и общественных учреждениях протектората. Немецкий язык как язык «покровительствующей» нации занимает во всех областях жизни первенствующее место. Всякий немец имеет право обращаться к властям на немецком языке и требовать ответа — устного или письменного — на немецком языке. Со своей стороны, германские власти в протекторате пользуются исключительно немецким языком во всех своих сношениях с чехами. Только в некоторых специальных случаях к чехам обращаются на двух языках, но и то — сперва на немецком. В отношениях чешских властей между собой должны употребляться оба языка, причем чешский и здесь находится на втором месте. Если, скажем, городской служащий в чисто чешском городе Таборе обращается с документом к городскому служащему чисто чешского города Чаславе, то он должен писать сперва по-немецки, а затем по-чешски либо только по-немецки. В дальнейшем предполагается отменить чешский язык и в сношениях чешских учреждений между собой.

С самого первого дня оккупации германские власти всячески подчеркивают свое пренебрежительное отношение к чешским «автономным властям». Так, вышеуказанный декрет о языках был послан Франком «главе» государства Гаха с краткой припиской: «Прошу незамедлительно провести в жизнь эти мероприятия». Что касается самого протектора фон Нейрата, то он даже не считал нужным лично вступать в переговоры с президентом государства, а в самой безапелляционной и оскорбительной форме ставил его в известность о своих решениях через своих подчиненных. Специальным указом рейхспротектора было объявлено, что некоторые официальные

формулировки не должны быть переведены даже в официальных чешских текстах. Так, следует писать только по-немецки: «Фюрер и рейхсканцлер», «рейхспротектор Богемии и Моравии», «протекторат Богемия и Моравия» и т. д. Пользуются всяким предлогом, для того чтобы онемечивать чешские города. Распускаются городские самоуправления, и вместо них назначаются немецкие чиновники. К концу августа 1940 г. уже 114 городов и селений с примерно 10% населения протектората были под властью германских комиссаров. Пример города Часлава характерен для циничных методов оккупантов. В декабре 1940 г. были арестованы мэр и руководящие члены городского совета. Их отправили в концлагерь в Германию, городской совет распущен и заменен административной комиссией из 7 человек, среди них 3 немца и онемеченный чех. Этот город чисто чешский; здесь даже никогда не выставлялась кандидатура немца. И вот вновь назначенная комиссия немедленно приступает к онемечиванию города. Спешно переименовываются улицы, выбрасываются чешские городские служащие и заменяются немцами, приехавшими издалека. Отдается приказ, чтобы подписи всюду были на двух языках и т. д.

Особенно гнусно ведут себя оккупанты в самой Праге. В этом городе в 1938 г. на более чем миллионное население насчитывалось около 40 тыс. выходцев из Германии (и то половина из них состояла из евреев). Оба мэра Праги: профессор Цепкль и д-р Клапка — были постепенно лишены своих прав, а затем вместе с другими чешскими членами пражского муниципалитета отправлены в концлагерь Бухенвальд. В середине 1940 г. мелкий чиновник был назначен мэром и вся власть сосредоточена в руках вице-мэра Пфиднера, профессора немецкого университета и местного вожака фашистов. В 14 отделах городской управы имеется только 4 чеха на руководящих постах начальников отделов; остальные 10 — немцы. Из городского управления спешно удаляются все чехи, которые заменяются немцами. Улицы столицы носят имена самых больших ненавистников всего чешского (Нэгель, Донгейзер, Шенерер и др.).

Германизация проводится особенно жестко посредством насильственной передачи немцам недвижимой собственности чехов. В настоящее время проводится план разрыва чешской территории на две половины, путем создания полосы заселения немцами. Клином должна явиться Центральная Моравия — там, где чешская территория наиболее узка. На этом основании наиболее беспощадная германизация проводится в районе следующих городов: Оломуц, Пржеров, Вышков, Брно, Жиглаве. В 1941 г. предполагается выселить 20 509 чешских крестьян. (В книге приводится подробное перечисление общин, подлежащих выселению.) Помимо того специально созданное германское колонизационное об-

щество, пользуясь поддержкой оккупационных властей, насильно заставляет чешских крестьян и собственников мелких пригородных усадеб продавать за ничтожную сумму свою недвижимость.

Ариинизация, т. е. уничтожение экономических прав евреев, является особенно сильным средством к захвату выходцами из Германии экономических позиций. Конфискованное еврейское имущество и еврейские предприятия переходят исключительно в распоряжение немцев из Германии. Для того чтобы освободить место для переселяемых немцев, в конце июля 1939 г. было издано категорическое распоряжение о выселении ежедневно 300 евреев из протектората. Потом этот приказ был «смягчен»— 200 евреев ежедневно, т. е. 60 тыс., должны выехать в течение года (всего в Богемии и Моравии проживает около 100 тыс. евреев). Их выселяют на вымирание в так называемый Люблинский резерват, куда, согласно приказу Гитлера, должны быть выслены все евреи из «расширенной Германской империи».

В книге приводятся некоторые детали, характеризующие чисто разбойничьи методы, к которым прибегает германское колониционное общество. Вся земельная собственность, принадлежащая государству и городским общинам, в частности обширные казенные лесные угодья и имения, были объявлены конфискованными немедленно после оккупации. По чехословацким законам, для передачи земельной собственности нужно определение судебной инстанции. Что же делает колониционное общество? Оно рассылает по всем соответствующим судебным учреждениям своих агентов,—по существу, гестаповцев. С револьвером в руках они приказывают судебным регистраторам перечеркнуть все акты, удостоверяющие принадлежность соответствующей земельной недвижимости государству, и перевести эти угодья в собственность колониционного общества. При этом они не упускают из виду и того, чтобы передаточные записи были сделаны красными чернилами, как того требует закон.

Другим звеном в гитлеровской системе грабежа является так называемый «пересмотр земельной реформы». Этот «пересмотр» оправдывается якобы тем, что благодаря земельной реформе, проведенной в первые годы существования Чехословацкой республики, земля была забрана у немецких крупных помещиков и передана чешскому мелкому крестьянству.

Далее отмечается, что на территориях, отторженных от Чехословакии в послевоенный период, пересмотр земельной реформы в ущерб чехам и немцам, относящимся отрицательно к гитлеровцам, был проведен еще более бесцеремонно. Владельцы земель были просто выгнаны, а их собственность передана назначенным оккупантами управляющим. Последние же вели хозяйство так, что оно оказывалось дефицитным; и тогда владельцев заставляли продавать имущество по самой низкой цене.

Для экспроприации чешской земельной собственности немцы пользуются также чехословацким законом о защите государства, изданным в 1936 году. Ссылаясь на этот закон, оккупанты объявляют конфискованной любую недвижимость, которая им приглянется. К этому добавляется еще указ рейхспротектора от 21 июня 1939 г., согласно которому любая собственность может быть передана в принудительное управление, если это соответствует «особым интересам Германской империи». Этот «закон» служит также легальной базой для экспроприации собственности евреев.

После неоднократных отсрочек таможенный «союз» протектората с Германской империей был окончательно оформлен 1 октября 1940 года. Введение режима таможенного союза позволило оккупантам покончить с жалкими остатками чешской автономии. Протекторат перестал существовать как автономная экономическая единица. Правительство протектората не имеет больше права строить свою собственную экономическую политику. Существуют только Германская империя и ее интересы.

Например до введения таможенного союза на чехословацких фабричных изделиях наряду со штампом «сделано в Германии» ставилось в скобках также «Богемия и Моравия», либо «Богемия» или «Моравия», либо же «товары чешского происхождения». Теперь же эти добавочные упоминания исчезли вовсе... Исчезла всякая возможность балансировать бюджет или устанавливать какое-либо соотношение между промышленностью и сельским хозяйством. Все это исчезло. Есть только германская «военная экономика». Протекторат превратился в один из источников доходов Германской империи. Всем распоряжается германский верховный комиссар по государственным доходам в Праге; напротив же, местное министерство финансов лишено всякого значения. Все мероприятия, связанные с введением и функционированием таможенного союза, проводятся исключительно по распоряжениям, исходящим из германского министерства финансов. В случае нужды имперский министр финансов совещается с рейхспротектором, но не с соответствующей инстанцией протектората. В указе о введении таможенного союза чешское министерство финансов даже не упоминается. Чехословацкая налоговая система, за исключением спичечного сбора, заменена германской налоговой системой. Дела о нарушении законов рассматриваются германскими, а не чешскими судебными инстанциями.

Автор отмечает еще следующие меры, характеризующие «новый порядок» Гитлера: с 1 января 1941 г. чешский государственный банк лишен права денежной эмиссии, а чешская монетная система превратилась лишь в дополнительную валюту к германской; ликвидируется независимость протектората в транспортных делах; вводится германская система железнодоро-

рожных тарифов без всякого учета хозяйственных интересов населения протектората.

Подводя итоги германских мероприятий с целью ограбления чехословацкого народа и его территории, автор главы «Экономическое порабощение и грабеж» пишет: «Мы здесь не упоминаем особо об ущербе, который германский оккупационный режим наносит чешским лесам; они беспощадно вырубаются, потому что германской армии нужен лес. Мы лишь вскользь отметим здесь необычайно жестокую реквизицию чешского хлеба, чешского скота, чешского масла и чешских фруктов. Все это конфискуется прямо в хозяйствах и вывозится в Германию. Этот вид оккупации теперь знаком всем оккупированным странам. За Чехословакией осталась привилегия — ознакомиться первой с этим режимом. В результате последовало самое губельное снижение уровня жизни в стране. Чехословацкий народ экспроприруется в полном смысле слова. Нет возможности привести точные статистические данные, но, согласно имеющейся у нас информации, экономический ущерб, нанесенный чехословацкому народу за два несчастных года германского режима, может быть исчислен в одну треть национальной собственности, оставленной в результате мюнхенского сговора. Никакая военная катастрофа не могла бы оказать столь опустошительного действия».

Весьма показательна для единодушия, с которым чехословацкий народ ненавидит оккупантов, судьба «Организации национальной солидарности». Эта организация была создана после 15 марта по инструкциям из Берлина как политический суррогат, который должен был заменить уничтоженные политические партии. Этим также имелось в виду показать всему миру, что политическая деятельность чехам не воспрещена. В действительности же деятельность этой организации была ничтожна; центральный комитет новой организации должен был явиться чем-то вроде совещательного органа при президенте протектората, но так как президент сам не обладал никакой властью, то ему не о чем было совещаться с комитетом. В своих различных секциях, главным образом в секциях культуры и народного образования, организация стремилась кое-как замедлить стремительность, с которой германские оккупанты уничтожали все чешские культурные учреждения, и как-нибудь исправить вред, нанесенный чешскому народу закрытием университетов и других школ. В эту деятельность иногда входили такие действия, как обращение к германским властям с бумажными протестами. Так например в мае 1939 г. организация протестовала против запрещения продажи произведений поэта Виктора Дика, против запрещения концерта, в программу которого была включена кантата «Молитва св. Венцеславу не забывать свой чешский народ», были заявлены протесты и против «чистки» библиотек и т. д. При этом протектору напомнили о торжествен-

ном обещании Гитлера гарантировать чехам их культурную автономию и свободное умственное развитие. Помимо этих незначительных выступлений «Организация национальной солидарности» ничего не предпринимала. Тем не менее самый факт существования этой организации превращал ее в символ чешской национальной индивидуальности, а этого было достаточно, чтобы оккупанты смотрели на нее как на преступное сообщество.

Впротивовес этой организации оккупантами была создана «Влайка», куда вошли всякие отбросы, в большинстве своем люди с уголовным прошлым. Но эта группа несмотря на огромную материальную и политическую поддержку оккупантов осталась изолированной. Так, ее печать подвергалась полному бойкоту, и ее приходилось закрывать из-за отсутствия читателей. При поддержке германской полиции «Влайка» перешла к террористическим методам борьбы; совершала нападения на руководящих членов «Организации национальной солидарности», срывала силою ее собрания и т. д. Гахе пришлось несколько раз реорганизовать центральный комитет этой организации и под давлением оккупантов назначать туда людей, связанных с «Влайкой». Наконец, в июне 1940 г., после побед германских войск на западе, были распущены отделы «Организации национальной солидарности» в Пражском районе.

Недовольны оккупанты и «Лигой сотрудничества с германцами», созданной по прямому приказу фон Нейрата. Оккупанты обвиняют ее в том, что она «относится прохладно» к идее «нового порядка» в Европе.

Заключительная глава книги посвящена описанию факторов сопротивления гнусным гитлеровским оккупантам. Относительно положения страны говорится: «На территории протектората Германия содержит по меньшей мере 250 тысяч человек — войсковые части, полицию и т. д., — которые могли бы быть использованы на фронте. Против своей воли протекторат превратился в один из центров производства боеприпасов для Германии, но в то же время он является и одним из центров саботажа в пределах «расширенной Германии». Казни и приговоры к длительному тюремному заключению доказывают, как дает себя чувствовать Германии этот саботаж ее промышленности и транспорта. При нынешнем соотношении сил не приходится говорить об открытом массовом восстании против врага. Внутренние действия в настоящее время ограничиваются нанесением систематического ущерба интересам Германии. В остальном народ, вполне объединенный, хорошо организованный, систематически осведомляемый подпольными информационными средствами о деятельности его свободных братьев за границей и готовый на все, ждет первой возможности превратить свое глухое, но твердое сопротивление в активное вмешательство в

войну. Географическое положение, занимаемое Чехословакией внутри территории, которую германский режим называет своим «жизненным пространством», даст чехословакам возможность наносить германцам тяжелые удары изнутри.

Вполне определенные организационные формы приобрело движение за освобождение заграницей. Уже в апреле 1939 г. чехословацкие эмигранты в Соединенных Штатах, создавшие единую организацию, признали Бенеша «носителем наследия Масарика и Штефаника и вождем всемирной кампании чехословаков». (Всего чехословаков заграницей считается немногим больше 1,5 млн.; они проживают главным образом в Соединенных Штатах, Канаде, Франции и Югославии.) «К началу войны, — говорится в книге, — большинство живущих заграницей чехословаков считало Бенеша своим вождем. За президентом Бенешем шла также с самого начала вся нация, за исключением кучки предателей, оплачиваемых немцами; это подтверждается письменными отчетами, получаемыми из Чехословакии, а также представителями подпольного движения на родине». Сперва политическая центральная организация функционировала только как «чехословацкий национальный комитет» с целью создать вооруженную силу. Этот комитет, в который входили Бенеш, Шрабек, Осуцкий, генерал Ингер, генерал Вист, Оутрата, Рипка и Славик, был признан Францией 17 февраля 1939 г., а Англией — 20 декабря того же года.

23 июля 1940 г. было создано с согласия Англии временное правительство. Оно состояло из 8 чехов и 5 словаков во главе со Шрабеком в качестве премьера и Бенешем в качестве президента, избранного еще в декабре 1935 года. Опирается это правительство на чехословацкий государственный совет, состоящий из 40 членов, включая правительство. Это совещательный орган, в который входят бывшие депутаты парламента и представители подпольного движения, находящиеся заграницей. Общая для них платформа — борьба за восстановление демократической, домюнхенской Чехословакии. Политическая задача, стоящая перед чехословацкими органами власти заграницей, определена Бенешем в письме к премьеру Шрабеку следующим образом: «Все наше внимание в первую очередь будет направлено в сторону войны. Войну против наших угнетателей и врагов мы будем вести сообща со всеми нашими союзниками и со всяким другим, который присоединится к ним в ходе войны, со всеми вытекающими отсюда последствиями без компромиссов и до конечной победы».

Переходя к проблемам организации чехословацких вооруженных сил заграницей, составители книги «Два года угнетения» пишут: «В войне 1914—1918 гг. в результате чехословацкой революционной кампании в России, Франции и Италии была создана армия в 150 тыс. человек; почти все

они перешли из австрийской армии на другую сторону фронта. Было ясно, что Германия не поступит так же неосторожно, как поступила Австрия, посылая чехословаков на фронт. Им теперь предоставлена роль рабов на германских заводах. Из этого явствует, что на этот раз чехословацкая армия заграницей будет количественно менее значительной, ибо можно рассчитывать только на эмигрантов и на тех, которые придут из Чехословакии. Так как большинство этих эмигрантов живет в Соединенных Штатах и Югославии, которые являются нейтральными (книга издана в начале 1941 г.), то основной расчет строился на прибытии добровольцев из Чехословакии; среди них много профессионалов-военных».

Далее дается краткий очерк об участии чехословацких сил в нынешней войне: «В Польше был создан чехословацкий легион, которому, однако, вследствие быстрого развертывания военных событий не удалось принять надлежащего участия в военных действиях. Члены легиона отчасти попали в плен к советским войскам; часть из них была освобождена и мало-помалу перебравшись в Румынию, а оттуда — во Францию. Во Франции с самых первых дней войны стала организовываться независимая чехословацкая армия, составленная в первую очередь из добровольцев, прибывавших из Чехословакии и из проживающих во Франции чехословаков». Чехословацкие части, обучение которых продвигалось слишком медленно и которые безуспешно добивались, чтобы их снаряжали достаточным количеством современных видов оружия, после первых неудач французов были немедленно отправлены на учебное поле в районе Монтиньи — сюр л'об. Эти войска были брошены на фронт еще до окончания обучения, сперва на Марну (10 июня 1940 г.), а после отступления с Марны на Луару в окрестностях города Гьена. В обоих этих секторах фронта чехословацкие войска успешно отразили попытку противника форсировать реку и отступили только по получении соответствующего приказа, когда крупное французское подразделение, в составе которого чехословацкие части сражались, получило приказ отступить.

За несколько недель незначительное число чехословацких воздушных соединений подбило больше 100 германских машин. Высоко расценивая боевую мощь этих соединений, французское военное руководство 5 июня 1940 г. заключило с национальным комитетом соглашение относительно концентрации чехословацких летчиков, разбросанных по различным французским войсковым частям, в единый автономный чехословацкий воздушный корпус. Это признание пришло в момент, когда во Франции все уже шло к концу.

При помощи Англии из Франции удалось эвакуировать чехословацкие пехотные и воздушные части в Англию. Это было в середине июля. 27 октября 1940 г., накануне чехословацкого национального праздника, было заключено соглашение с

Англией, по которому наземные чехословацкие силы образуют независимую административную единицу со своим собственным чехословацким командным составом. Чехословацкие воздушные силы являются частью английских воздушных сил, но они автономны в административном отношении и образуют собственные отдельные эскадрильи бомбардировщиков и истребителей. Чехословацкие летчики приняли весьма активное участие в обороне Великобрита-

нии от германских налетов осенью 1940 г.; с такой же активностью они в настоящее время участвуют совместно с английскими летчиками в рейдах над Германией и оккупированными странами. Около 50 германских самолетов уничтожено чехословацкими летчиками. Что касается чехословацких сухопутных частей, то они частью распределены по учебным лагерям в Англии, частью находятся в гарнизонах, расположенных в средневосточных районах.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ О ЯПОНСКОЙ АГРЕССИИ В КИТАЕ

Японская агрессия и Лига наций. 1937. Т. I, II, III, IV, V, VI. Отдел печати китайской делегации. Женева.

L'aggression japonaise et la société des nations. 1937. I, II, III, IV, V, VI. Publiés par le bureau de presse de la délégation chinoise. Genève.

ШУСИ СЮ. Краткое описание действий японской армии. Шанхай. 1939. Издание совета по иностранным делам китайского правительства. Чунцин.

SHUHSI HSÜ. A digest of Japanese war conduct. Shanghai. 1939. 102 p. Prepared under the auspices of the Council of International relations. Chungking.

АЛЕРС Д. Япония закрывает „открытые двери“ в Китае. Шанхай. 1940. Издание совета по иностранным делам китайского правительства. Чунцин. Серия политических и экономических этюдов.

ALERS J. Japan closing the „open door“ in China. Shanghai. 1940. 140 p. Prepared under the auspices of the Council of International relations. Chungking. Political and economic studies.

КАРЛСОН Э. Китайская армия. Ее организация и военная эффективность. Нью-Йорк. Тихоокеанский институт. 1940.

CARLSON E. F. The chinese Army. Its organisation and military efficiency. New York. Institute of Pacific relations. Inquiry series. 1940.

Перед нами группа книг, освещающих различные аспекты японо-китайской войны: серия «Японская агрессия и Лига наций», издаваемая бюро печати китайской делегации в Женеве; содержит официальную документацию китайского правительства, его обращения к Лиге наций и мировому общественному мнению и излагает отдельные этапы японской агрессии в Китае; книга Алерса раскрывает экономическую политику Японии в Китае; майор Карлсон рисует военные силы Китайской республики и ее материальные ресурсы в затяжной и тяжелой борьбе за самостоятельное национальное существование; наконец, книжка Шуси Сю описывает методы японских оккупантов в завоеванных районах Китая, зверства и бесчинства японской военщины. В целом эта группа книг дает ценный и необходимый материал о положении на Дальнем Востоке (все книги этой группы вышли еще до начала войны в Тихом океане).

Серия книг «Японская агрессия и Лига наций» представляет собой сборник материалов, абсолютно необходимый для всякого, кто занимается историей японо-китайской войны, а также международно-

дипломатической историей этой войны. Здесь помещены документы, опубликованные китайским правительством: ноты, обращения, выступления китайских делегатов. Эти документы, а также речи делегатов отдельных стран, резолюции и протоколы заседаний Лиги наций и ее комиссий рисуют фазы дипломатической истории дальневосточного конфликта.

В сборниках помещены многочисленные обращения китайского правительства в Лигу наций — сообщения китайского правительства от 30 августа и 12 сентября 1937 г. и др., сопровождаемые официальными экспозе о происхождении инцидента в Люкоуцзяо, о поведении японских войск и ходе войны, — а также ряд речей первого китайского делегата в Лиге наций Веллингтона Ку. В официальных сообщениях в речах Веллингтона Ку китайское правительство систематически и документально разоблачает японскую агрессию, ее захватнический характер и рисует беспримерные методы поведения японской военщины: бомбардировку мирных городов, научных учреждений, применение отрав-

ляющих веществ, грабежи и бесчинства японских войск.

Так, во время японской оккупации Нанкина, по данным беспристрастного обследования, проведенного комиссией Красного Креста, общее число жертв среди гражданского населения оценивалось в 20 тысяч человек. Что касается разрушений, причиненных городу, то лишь 2% явилось результатом военных действий; 63% разрушений было причинено грабежами и бесчинствами японских солдат («Японская агрессия». Т. V, стр. 21). За период в 10 месяцев, с августа 1937 до мая 1938 г. (включительно), японская авиация совершила не менее 2204 налетов на мирные и незащищенные города; число жертв среди гражданского населения исчислялось в 10 482 убитыми и 13 319 ранеными. Эти и подобные факты являются тяжелым обвинительным актом против японского агрессора.

В сборниках даны также речи делегатов держав при обсуждении вопроса о японской агрессии на заседаниях совета Лиги, резолюции последней, переписка Лиги с Японией (приглашение Совета Лиги от 19 сентября 1938 г., обращенное к Японии, и ответ последней от 22 сентября 1938 г., содержащий отказ явиться в Женеву) и т. д. В виде приложения к шестому сборнику даны следующие ноты: ноты правительства США, направленные Японии 6 октября и 31 декабря 1938 г., о режиме «открытых дверей» в Китае, английская нота по адресу Японии от 14 января 1939 г. и французская нота по тому же адресу от 17 января 1939 года. В сборниках помещены также многочисленные речи Веллингтона Ку и других китайских делегатов в Лиге наций и ее комиссиях, по радио и т. д.; в этих речах подчеркивается международное значение японо-китайской войны, вскрывается характер и цели японской захватнической политики в Китае, рисуется деятельность китайского правительства в области защиты страны и т. д.

В этих документах с абсолютной наглядностью вскрываются фальшь и опасность позиции, занятой руководящими капиталистическими державами перед лицом японской агрессии на Дальнем Востоке. С большим трудом пленум Лиги наций 6 октября 1937 г. решился на «смелый» шаг: в резолюции пленум «заверяет Китай в своей моральной поддержке и рекомендует членам Лиги наций воздержаться от всяких действий, которые могли бы ослабить силу сопротивления этой страны и таким образом увеличить ее трудности в этой войне, а также рассмотреть в индивидуальном порядке, в какой мере они могли бы помочь Китаю» («Aggression japonaise». Т. II, р. 58). Словесное заявление симпатий — вот все, на что решились державы; дальше этого Лига наций в своих решениях так и не пошла. Напрасно настаивали китайские делегаты на исполнении обещания — помощи в индивидуальном порядке; напрасно Веллингтон Ку на 104-й сессии съезда Лиги 17 января 1939 г. доказывал на примерах, как японцы, нарушив основные

принципы Вашингтонского договора, без стеснения изгоняют иностранцев из Китая. «Цель гегемонных всемогущих военных хозяев Японии — не более не менее как завоевание Китая, подчинение Азии и господство в мире», — говорил Ку («Японская агрессия». Т. II, стр. 58).

Хорошо дополняют эту документацию две небольшие книги: книга Шуси Сю, рисующая зверские методы японского ведения войны в Китае, и книга Алерса, дающая картину того, что обещает Япония в Китае иностранцам. Эти книги содержат большой материал, лишь бегло намеченный в выступлениях китайских делегатов в Лиге наций. В книге Шуси Сю, изданной Советом по иностранным делам китайского правительства, имеется документальный материал, описания очевидцев, записи пострадавших и обследования специальных комиссий и организаций. Часть материала была в свое время помещена в периодической печати — китайской и европейской. «Деятельность» японцев описывается по разделам: систематические расстрелы беженцев, убийства военнопленных, грабежи японской военной оккупированных городов и сел, бомбардировка мирных и незащищенных городов, нападения на рыбацкие лодки и уничтожение их. Особая глава отведена японской торговле наркотиками: общеизвестен факт, что японская оккупация обычно сопровождается появлением опиума (китайское правительство в свое время запретило продажу и употребление этого яда). Японские купцы открывают опиумокурильни, возрождая тысячелетнее бедствие китайского народа. Это приносит громадные барыши торговцам опиумом, а потому японское командование смотрит на эту практику сквозь пальцы.

Книжка Джонса Алерса «Япония закрывает «открытые двери» в Китае» так же, как и предыдущая, издана Советом по иностранным делам китайского правительства. Она целиком посвящена описанию методов, применяемых японцами в оккупированных ими районах Китая по вытеснению европейцев и американцев из Китая. Овладев раньше всего Манчжурией, японцы показали, что они не собираются особенно церемониться с иностранцами: в июле 1939 г. последний представитель американских деловых интересов покинул Мушкен. Вся торговля в Манчжурии, как внешняя, так и внутренняя, монополизирована японцами. К этому последние стремятся и в остальном Китае. Автор в своей книге шаг за шагом прослеживает усилия японцев в этом направлении в отдельных отраслях народного хозяйства Китая: судоходстве, железных дорогах, промышленности, финансах и торговле, — приводя ряд весьма убедительных и красноречивых данных. Вывод автора: все иностранцы в Китае (кроме японцев, конечно) находятся в одинаковом положении; японцы уже фактически монопольно владеют оккупированным Китаем. Любопытно в этом отношении отметить, что «сердечность» японо-германских отношений не помогла немцам, и их доля в китайском ввозе падала даже, быстрее, чем

доля США! В общем, по вычислениям автора, в 1940 г. японцам принадлежало не менее 70% всей внешней торговли Китая: огромный рост, если учесть, что до японо-китайской войны доля Японии не превышала 20%. Так же обстоит дело с иностранными вложениями в промышленные, железорудные предприятия в Китае, в китайские железные дороги и т. д. Там, где не удаются «обычные» методы, японцы широко применяют конфискации; обычно это делается под предлогом ликвидации «антияпонской деятельности». Японская валютная и банковская монополия, а также контроль над внешними сделками дополняют картину японского хозяйничанья в Китае. Вывод автора—Япония уже закрыла иностранцам двери в Китай—подкреплен рядом фактов.

Таким образом, то, о чем предупреждал Веллингтон Ку еще в 1939 г., произошло в действительности. Иностранцам уже нечего делать в Китае, если не считать то немногое, что у них осталось в селтльментах. Это вытеснение иностранцев японским штыком происходило (невероятно, но факт) не только на глазах держав, но и прямо при их попустительстве: достаточно напомнить о громадных поставках нефти и железного лома в Японию из США за последние годы.

Несколько особо от книжек, охарактеризованных выше, стоит книга майора Карлсона о китайской армии, изданная нью-йоркской секцией Тихоокеанского института. Эта книга представляет большой интерес, несмотря на то что данные, приводимые автором, относятся к 1940 г. и отчасти даже к 1939 году. Автор давно уже, в 1927 г., имел близкое отношение к китайским делам и в течение некоторого времени (около трех лет) был связан с деятельностью китайской армии. Его данные об армиях Китая заслуживают внимания.

После краткого очерка военной географии Китая и беглого исторического очерка китайской армии автор последовательно описывает организацию последней, численность, размещение и рассматривает боеспособность отдельных частей; особые главы отведены гоминдановским армиям и 8-й народно-революционной армии (теперь переименованной в 18-ю армейскую группу). Автор очень высоко оценивает руководство этой армии, моральный дух и боеспособность ее частей. Отдельные главы уделены, далее, авиации, медицинской службе в армии и партизанам Манчжурии. В последних главах книги автор подробно исследует вопросы финансирования войны и снабжения армии и дает описание экономических ресурсов Китайской республики. По мнению автора, эти ресурсы весьма значительны. Он дает следующие данные: на тер-

ритории китайского правительства имеется 15 500 млн. т каменного угля и 90% всех китайских запасов марганца; ежегодная добыча меди исчисляется в 480 т, свинца — 6 600 т, цинка — 13 тыс. т, вольфрама — 300 т, олова — 7400 тонн. Добыча этих металлов может быть значительно увеличена, ибо запасы их огромны. Опромы также залежи золота, серебра и драгоценных камней.

Отмечая зависимость Китая в отношении снабжения военными материалами от поставок из-за границы, автор, однако, предостерегает от переоценки их значения для способности Китая вести войну. Прекращение этих поставок несколько затруднит положение китайской армии. Однако, пишет автор, «китайцы — народ инициативный и изобретательный и выйдут из положения» (стр. 57). В общем, по мнению автора, «прекращение всякой помощи из-за границы затянет войну, но ни в какой степени не обеспечит японцам победу над Китаем» (стр. 58).

В одной из последних глав книги автор дает сжатый и ясный очерк истории японо-китайской войны с июля 1937 г. до первых месяцев 1940 года. Автор периодизирует войну по трем этапам: период первых оборонительных боев китайских войск, партизанская война и наступление китайских войск. Осень 1938 г. автор считает началом второго этапа войны. В эпиталоге, написанном уже в начале 1940 г., автор отмечает некоторые новые факты войны — неоднократные контратаки китайских войск (Чанша в сентябре 1939 г.) и неудачи японцев в Шанси. Констатируя, что японское наступление выдохлось, автор пишет, оценивая перспективы борьбы: «Война по всей видимости достигла периода равновесия сил, и поэтому моральное состояние народов, участвующих в войне, является фактором все растущего значения в определении окончательного исхода войны» (стр. 82).

В виде приложения в книге Карлсона дается доклад молодого китайского историка Ван Ю-чуана об организации партизанского движения в южном Шандуне; этот доклад был представлен автором его в секретариат Тихоокеанского института. Ван Ю-чуан сам в течение нескольких месяцев принимал участие в партизанской борьбе южного Шандуня. Автор описывает предательство прежнего губернатора Шандуня, генерала Хань Фуцю, без выстрела отдавшего Шандунь японцам, рисует социальную структуру провинции, классовый состав партизанских отрядов и деятельность 8-й народно-революционной армии (18-й армейской группы) по организации, сплочению и политическому воспитанию партизан.

Н. Ерофеев

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Bisson T. A. *American Policy in the Far-East, 1931—1940*. New York. International secretariat of the Institute of Pacific relations. 1940. XII, 162 p. I. A. P. Inquiry series.

Биссон Т. *Американская политика на Дальнем Востоке, 1931—1940*.

Книга сотрудника американской секции Тихоокеанского института принадлежит к серии «Исследований», издаваемых институтом по основным вопросам Дальнего Востока, главным образом японо-китайской войны. Автор, опираясь на документальный материал — решения конгресса США, выступления Рузвельта и членов его правительства, рисует вкратце американской политики за последние десять лет и излагает японо-американские отношения главным образом за период с 1934 года. Отдельная глава посвящена Филиппинам. В приложении даны особые документы о дальневосточной политике США.

Willard J. F. and Morris W. A. ed. *The English Government at Work, 1327—1336*. Vol. I. Central and Prerogative Administration Cambridge. 1940. XX, 467 p.

Виллард Дж. и Моррис В., ред. *Английское правительство в действии. 1327—1336*. Т. I.

Первый том большого издания об организации и правительственной системе в Англии в средние века. Десятилетний период (1327—1336) избран в качестве типичного и богатого документами. В настоящем томе рассматривается деятельность парламента, королевского совета, казначейства, армии и флота; дипломатические отношения с другими странами в некоторые другие отрасли. Финансам будет посвящен второй том, суду и местному самоуправлению — третий. Каждый отдел тома принадлежит перу специалиста.

Wolfers A. *Britain and France between two wars. Conflicting strategics of peace since Versailles*. New York. 1940. 467 p.

Волферс Э. *Британия и Франция между двумя войнами. Противоречивая стратегия мира после Версаля*.

Автор ставит своей задачей вскрыть причину «распадения» международной си-

стемы отношений, созданной в Версале, и установить, в какой мере в этом повинна версальская система. Основным фактором автор считает политику двух держав — Франции и Англии; каждой из них он посвящает половину книги. Книга основана на изучении большого курса первоисточников. В конце книги дана хронология важнейших событий международной жизни за период 1919—1939 годов. В тексте несколько карт.

Woodward E. L. *The origins of the war*. Oxford. 1940. 32 p. *Oxford pamphlets on World affairs*. № 41.

Вудворд И. *Причины войны*.

Дипломатическая история войны и изложение фактов, предшествовавших ее объявлению, по английским официальным источникам. Автор придерживается английской официальной точки зрения и отвергает утверждения о том, что Англия воюет за сохранение ее привилегий и монополии.

Lufft H. *Japans strategische Stellung*. Berlin. 1940. 300 S. *Forschungen des Deutschen Auslandswissenschaftlichen Instituts*.

Луффт Г. *Стратегическое положение Японии*.

В книге дается общий обзор географических факторов, определяющих морскую и военную политику Японии, очерк японской экспансии за период с 1894 до 1937 г., исследуется военно-экономическое положение Японии и дается история японской внешней торговли за последние десятки лет. Особое внимание уделяется географическим факторам. Автор указывает основные линии японской экспансии на материке и в Тихом океане, исходя из позиций пресловутой школы «геополитиков».

Langer W. L. ed. *An encyclopaedia of World history, ancient, medieval and modern, chronologically arranged*. Boston. 1940. XXXII, 1155 p.

Лангер В., ред. *Энциклопедия всемирной истории, древней, средней и новой, в хронологической последовательности*.

Полностью переработанное издание известного исторического справочника

К. Плетца (Auszug aus der alten, mittlereu und neueren Geschichte), вышедшего более 70 лет назад. Весь план издания, соотношение и расположение частей изменены. «Доисторический» период занимает всего 19 страниц; древней истории отведены страницы 20—140, средним векам — страницы 141—375. Основное место занимает новая история, причем большая часть отводится XIX и XX векам. Освещается не только история Европы, но и всего мира. В составлении справочника и редактировании отделов приняли участие крупные специалисты различных отраслей исторической науки. Много карт в тексте и вне текста, частью цветных.

Michell H. *The Economics of Ancient Greece*. Cambridge. University press. 1940. 415 p.

Мичелл Г. *Экономика древней Греции*.

Исследование, посвященное общей экономической истории древней Греции за период с древнейших времен до походов Александра Македонского. Отдельные главы книги посвящены различным отраслям экономики: сельскому хозяйству, промышленности и ремеслу, торговле, денежной системе, финансам и т. д. На основании внимательного чтения источников автор подтверждает вывод ряда ученых о рабовладельческом характере «Республики» Платона.

Snow E. *The battle for Asia*. New York. 1941, XII, 431 p.

Сноу И. *Битва за Азию*.

Новая книга известного американского журналиста, корреспондента ряда американских газет, посвящена, как и прежние его книги, Китаю и его борьбе с японской агрессией. Книга излагает главным образом наблюдения автора, сделанные во время его поездок по Китаю, и содержит материал о ходе японо-китайской войны, партизанского движения, характеристики отдельных деятелей и т. д.

Fisher H. A. L., Lindsay A. D. and others. *The background and issues of the war*. Oxford. Clarendon press. 1940. VI, 141 p.

Фишер, Г. Линдсей Э. и др. *Подоплека и перспективы войны*.

В книге дан текст шести лекций, прочитанных в Оксфорде в конце 1939 года. Тематика лекций различна: две лекции о происхождении войны (Фишер и Г. Никольсон); перспективы войны и будущего мира (Линдсей); Лига наций (Д. Меррей). Эпзор дает краткую характеристику и биографию Гитлера; Брайли излагает существующие нормы международного права по вопросу о методах ведения войны.

Fuller J. F. C. *Decisive battles: their influence upon history and civilization*. New York. 1940. XVII, 1060 p.

Фуллер Дж. *Решающие битвы, их влияние на историю и цивилизацию*.

Новая книга известного военного писателя генерал-майора Фуллера имеет целью дать общую историю войны. Автор рисует основные исторически известные битвы, концентрируя внимание на личности полководца и основных военных идеях. Автор устанавливает свою собственную периодизацию военной истории: период морской, или александрийский (338 г. до н. э. — 1453 г. н. э.), океанический период (1454—1763 г.) и наполеоновский, или континентальный (после 1764 г.). Изложение доводится до 1938 года.

Horrabin J. F. *An atlas-history of the second Great War*. New York. 1940. IX, 99 p.

Хоррабин Дж. *Атлас-история второй мировой войны*.

Новый выпуск карт Хоррабина, известного прежними изданиями этого рода (Атлас мировой политики, Атлас европейской истории, Атлас Британской империи). В книге помещены 51 карта и таблица, иллюстрирующие ход войны на суше и на море, в Европе и вне ее, проблемы блокады и торговли, экономические ресурсы воюющих держав и т. д. Каждая карта и диаграмма сопровождается кратким пояснительным текстом.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Советские историки в дни отечественной войны

Отечественная война против германского фашизма не только не приостановила работу историков, но дала дополнительный толчок к разработке ряда новых исторических проблем. Война заставила перестроить планы научной работы как исторических учреждений, так и отдельных ученых-историков. Последние, развернув большую общественную, научно-популяризаторскую работу среди широких масс трудящихся, в частях Красной Армии, среди учащихся и учащихся, одновременно продолжают вести исследовательскую работу. Лучшей иллюстрацией этого являются отчеты академиков и членов-корреспондентов Академии наук о работе за время отечественной войны¹.

Акад. Б. Д. Греков за время с июля 1941 г. подготовил следующие работы: 1) «Военный строй Киевской Руси» — глава в 3 печ. листа для нового издания книги «Киевская Русь»; 2) «Иностранцы о славяно-русском войске» — статья опубликована в «Историческом журнале» № 9 за 1941 г.; 3) «Борьба Руси за создание своего государства» — 4 печ. листа. Статья на эту же тему будет помещена в «Историческом журнале»; 4) «Роль и место славян в образовании средневековых европейских государств» — будет опубликована в «Историческом журнале»; 5) «Народы Поволжья под властью Золотой Орды» — глава для вузовского учебника по истории Татарии; 6) «О закупах Русской Правды» — опубликована в сборнике ученых трудов Казанского пединститута; 7) «Войский конь Русской Правды» — будет опубликована в «Исторических записках» Института истории Академии наук СССР.

За это же время Б. Д. Грековым велась работа по созданию капитального труда «Крестьяне на Руси» и начата новая работа на тему «Происхождение календаря у народов СССР».

В плане работ Б. Д. Грекова на 1942 г. стоит: 1) продолжение работы над трудом «Крестьяне на Руси», 2) завершение работы «Происхождение календаря у народов СССР» и 3) начало работы по составлению историко-терминологического словаря. Кроме того им будет написана глава «Распад Золотой Орды» для вузовского

учебника по истории Узбекистана и подготовлен доклад «Работа Жебелева по изучению истории Причерноморья» для заседания Академии наук, посвященного памяти акад. Жебелева. Б. Д. Греков рассчитывает также дать несколько статей для «Исторического журнала» на темы, связанные с обороной страны.

Всю эту плодотворную научную работу Б. Д. Греков сочетает с большой общественной и педагогической работой. Он часто выступает с докладами, особенно для учителей и в частях Красной Армии.

Акад. Ю. В. Готье за время с июля 1941 г. подготовил следующие работы: 1) «Россия в Семилетней войне и взятие Берлина в 1760 г.» — брошюра; 2) «Культурные и политические связи России и Англии в XVI—XVII веках» — опубликована в «Историческом журнале» № 12 за 1941 г. как часть совместной с С. В. Бахрушинным статьи; 3) «К вопросу об этногенезе славян»; 4) «Советская археология за 1917—1941 гг.» — будет опубликована в «Историческом журнале»; 5) «Славяноведение за 1917—1941 гг.» — будет опубликована в «Историческом журнале»; 6) «Восточные корни трипольской культуры»; 7) «Суворов» — очерк. Кроме того начаты и будут закончены в 1942 г. работы: 1) «Германская колонизация в России как агентура» — будет опубликована в «Историческом журнале»; 2) «Культурные связи России и Англии в XVIII в.» (эта работа выполняется совместно с С. В. Бахрушинным); 3) «Германская опасность в прошлом нашей страны»; 4) «Русское завоевание Средней Азии» — глава для вузовского учебника по истории Узбекистана.

Акад. В. В. Струве, помимо организационной работы по руководству Институтом востоковедения Академии наук СССР, участвовал в работах Узбекстанского филиала Академии наук и занимался редактированием ряда изданий Академии наук («История народов Узбекистана», «Всемирная история» и др.). Кроме того В. В. Струве написал работу «Антисемитизм фашистов — первоисток каннибализма», опубликованную брошюрой, и подготовил работу «Корни гитлеровского «Drang nach Osten» — 2 печ. листа. В 1942 г. В. В. Струве заканчивает свое исследование «Социальный строй Ирана эпохи Ахеменидов» — 3—4 печ. листа.

¹ Редакция, к сожалению, не располагает всеми отчетами.

В. В. Струве ведет также большую общественную работу, часто выступает с докладами и публичными лекциями перед широкой аудиторией.

Член-корреспондент Академии наук СССР И. И. Мянц с первых дней великой отечественной войны работает над вопросами партизанского движения советского народа, опубликовал брошюру «Партизанская борьба против фашистских людоедов»—3 печ. листа. В 1942 г. закончил книгу о партизанской войне (15—18 печ. листов), а также брошюру «Оборона Подмосковья»—7—8 печ. листов. Таким образом, И. И. Мянц полностью переключился на тематику, связанную с великой отечественной войной. Он написал ряд статей в «Правде», «Известиях», «Красной звезде» и опубликовал две брошюры: «Разгром Гитлера неминуем» (4 печ. листа) и «Красная Армия в борьбе с немцами в 1918 г.». И. И. Мянц ведет большую организационную работу в комиссии Академии наук по подготовке материалов по истории великой отечественной войны и агитационно-пропагандистскую работу как лектор МК и ЦК ВКП(б).

Член-корреспондент Академии наук СССР А. М. Панкратова также работает над темами, посвященными великой отечественной войне. Она готовит книгу «Освободительные войны в истории русского народа». Под ее руководством было разработано и напечатано методическое пособие для учителей «Преподавание истории в условиях великой отечественной войны», 4 выпуска: по древней, средней, новой истории и истории СССР—объемом в 30 печ. листов. В этой коллективной работе А. Панкратова, помимо вводной статьи, написала ряд разработок, посвященных освободительным войнам в истории русского народа. Тов. Панкратова редактирует ряд работ, подготовленных к 25-летию Октябрьской социалистической революции, и пишет большую статью в 5 печ. листов для сборника Академии наук СССР на тему «Советская историческая наука за 25 лет».

За время войны А. М. Панкратова написала большое количество статей в газетах и журналах, а также подготовила брошюру «Как гитлеровская Германия готовила разбойное нападение на СССР».

Как и другие историки, А. М. Панкратова ведет большую организационную и агитационно-массовую работу, выступает с докладами на фронте, в частях Красной Армии и т. д.

Член-корреспондент Академии наук С. К. Богоявленский подготовил две работы: 1) «Борьба сербов с немецкой агрессией» и 2) «Две отечественные войны» (исторические параллели). Одновременно С. К. Богоявленский продолжает работать над монографией «Московская Мещанская слобода в первые годы ее существования», составляющей часть большой коллективной работы для юбилейного издания «Истории Москвы» (выяснение количества и состава населения, слободского устройства, разви-

тия ремесленного труда и др.). В порядке помощи местным историкам С. К. Богоявленский составил развернутый план коллективной работы по истории Казани с древнейших времен и приступил к составлению такого же плана по истории Ташкента.

Член-корреспондент Академии наук СССР А. Д. Удадьцов основное свое внимание уделил сбору материала по вопросам этногенеза и особенно этногенеза германцев. На основании собранного материала им подготовлены следующие работы: 1) «Миф об исконном превосходстве немецкого народа над другими народами»; 2) «К вопросу о происхождении славянских народов»; 3) «Этногенез германцев и кимврская проблема».

В текущем 1942 году А. Д. Удадьцов заканчивает работу над монографией «Единство происхождения и развития народов мира и фашистское извращение истории», им также подготовлен доклад на тему «Дофеодалное (варварское) государство в Западной Европе».

Кроме исследовательской А. Д. Удадьцов ведет также организационную работу и принимает участие в редактировании выпускаемых Институтом истории «Антифашистского сборника» и сборника «История германского фашизма». В помощь учителю средней школы А. Д. Удадьцов написал методические разработки на темы: «Древние германцы, древние славяне и падение Римской империи» и «Славянские государства в раннее средневековье».

Член-корреспондент Академии наук СССР С. Б. Веселовский закончил две работы: 1) «Феодалное землевладение в северо-восточной Руси» (издается Соцэкизом) и 2) «Подмосковье в эпоху феодализма». Кроме того он продолжает работу по составлению учебных стенных карт и подготавливает материал для учебного атласа по истории СССР.

В Ташкенте С. Б. Веселовский начал обследование и разработку архивов и извлечение материалов по истории Узбекистана. В целях помощи местным кадрам историков С. Б. Веселовский предполагает в 1942 г. провести архивоведческие и практические занятия с работниками архива. В свой план на 1942 г. С. Б. Веселовский включил оформление и окончательную обработку большого труда «Образование Великорусского национального государства при великих князьях Иване III, Василии Ивановиче и при царе Иване IV». Этой работой он занят в настоящее время.

Член-корреспондент Академии наук СССР Е. А. Космянский подготовил следующие работы: 1) «Фашистская фальсификация истории средних веков», 2) «Английская деревня в XIII в.» (переработка книги, вышедшей в 1935 г.), внесены три новых главы. Кроме того в помощь учителю средней школы им написаны методические разработки к ряду глав программы: «Англия в XI—XV вв.», «Борьба чехов с немцами в средние века», «Жанна д'Арк», «Нидерландская революция», «Английская революция».

По этим же темам для учителей Ташкента прочтено несколько лекций. В 1942 г. Е. А. Косминский будет продолжать начатую в 1941 г. большую работу «Культурные связи России и Англии». Одна из глав этого труда — «Роль русских историков в разработке истории Англии» — опубликована в «Историческом журнале» № 10—11 за 1941 год. Им подготовлен и будет читаться в Среднеазиатском государственном университете специальный курс по истории демократических учреждений Англии.

Член-корреспондент Академии наук СССР С. В. Бахрушин подготовил следующие работы: 1) «Героическое прошлое славян» — издана ПУР РККА; 2) «Дмитрий Донской»; 3) «Минин и Пожарский». Последние 2 работы будут изданы Узбекским филиалом Академии наук; 4) «Военная доблесть славян» — опубликована в журнале «Пропагандист РККА» № 16 за 1941 г.; 5) «Москва в 1812 и 1941 гг.» — опубликована в журнале «Большевик» № 18 за 1941 г.; 6) «Разгром немецкого ордена в Прибалтике Иваном IV» — опубликована в «Историческом журнале» № 10—11 за 1941 г.; 7) «Великие предки и славные потомки» — опубликована ТАСС; 8) «Юрий Крижанич» — опубликована в «Историческом журнале» № 1—2 за 1942 г.; 9) «Культурные и политические связи России и Англии в XVI—XVII веках» — работа выполнена совместно с акад. Готье и опубликована в «Историческом журнале» № 12 за

1941 г.; 10) «Иван Грозный» — научно-популярный очерк — работа принята Партиздатом для печати.

Кроме того С. В. Бахрушиным прочтено значительное количество лекций для студентов, преподавателей, партийного актива, в частях Красной Армии.

В 1942 г. С. В. Бахрушин будет писать главу «Русская колонизация Средней Азии» для II тома учебника для вузов по истории Узбекистана. Он же руководит составлением этого тома. Наряду с этим он разрабатывает тему «Героическое прошлое узбекского народа». Для «Исторического журнала» С. В. Бахрушин готовит две работы: «Культура Узбекистана в средние века» и «Роль русских в деле открытия и изучения Сибири и Средней Азии».

Проф. Р. Ю. Виппер в Институте истории Академии наук СССР подготовил и прочитал доклад на тему «Фашизм и возврат к крепостничеству и рабству»; доклад сдан для напечатания. Написана работа «Подвиги и катастрофы в жизни народов Средней Азии». Сейчас Р. Ю. Виппер занят работой над книгой «История народов Средней Азии в связи со всемирной историей» и подготовкой к печати второго, дополненного издания своей книги «Иван Грозный», вышедшей в 1922 г. в Москве первым изданием. Р. Ю. Виппер кроме того ведет педагогическую работу.

И. К.

Московская группа Института истории Академии наук СССР

Московская группа Института истории Академии наук СССР насчитывает 16 научных сотрудников. Тематика их научно-исследовательской работы охватывает довольно широкий круг вопросов. Часть сотрудников работает по Летописи великой отечественной войны. Работа эта, начатая Институтом с первого же дня войны, проводится систематически и непрерывно.

Ведется работа над монографиями на темы «1905 год в Латвии», «Холодство и холопы Московского государства XVIII века», подготавливаются документы по истории земледельческих классов России XVI—XVIII вв. и по истории Белоруссии периода 1890—1917 годов.

Сотрудники работают также над темами «Башкирия в отечественной войне», «Зверства немецких баронов в Прибалтике», «Финляндия под игом фашизма»; они принимают также участие в работе Опиза по выпуску серии брошюр «Борцы за русскую землю».

В группе Института развернута большая работа по таким актуальным вопросам, как тихоокеанские проблемы и фашистская агрессия. Работниками колониального сектора подготовлен к печати ряд брошюр под ред. Г. Войтинского на темы: «Экономические ресурсы Японии», «Что такое новый порядок в Азии», «Как началась и куда ведет война на Тихом океане», «Национально-

освободительная война китайского народа», «Германский империализм на Дальнем Востоке», «Япония и Индокитай», «Индонезия и Индостан». Подготавливается также сборник «Война на Тихом океане» и брошюра на тему «Фашистская Германия и страны Латинской Америки».

В ближайшее время работа московской группы Института истории будет развертываться в двух направлениях: 1) изучения международных отношений в период между первой и второй империалистическими войнами и 2) дальнейшего ведения Летописи великой отечественной войны.

При изучении истории международных отношений особое внимание будет уделено проблемам, связанным с войной на Тихом океане.

Летопись великой отечественной войны, начатая Институтом в сравнительно скромных размерах, в настоящее время превращается в крупное научно-политическое мероприятие, вокруг которого будет сконцентрировано внимание не только Института истории АН СССР, но и других академических учреждений и научных и общественных организаций Москвы. К 25-й годовщине Октябрьской социалистической революции подготовленные материалы Летописи будут систематизированы и изданы отдельными частями.

П. О.

Выставка, посвященная семисотлетию Ледового побоища

5 апреля 1242 г., ровно 700 лет назад, русское народное ополчение во главе с Александром Невским нанесло на льду Чудского озера сокрушающий удар немецким псам-рыцарям, пытавшимся захватить русские земли и поработить русский народ. Этому знаменательному событию в истории борьбы русского народа за свою независимость посвящена книжная выставка, открывшаяся 5 апреля 1942 г. в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

Основные высказывания классиков марксизма-ленинизма об этой героической борьбе русского народа с полчищами германских рыцарей, цитаты из «Хронологических выписок» Маркса, выдержки из выступлений товарища Сталина 6 и 7 ноября 1941 г. размещены на стенде выставки. Здесь же приведены и слова самого Александра Невского, выдержки из первоисточников с описанием событий, гравюры и миниатюры того времени. Центральное место на стенде занимает карта района боевых действий на Чудском озере и графическое изображение двух тактик в этом бою: немецкой «свиньи» и русских «клещей».

На выставке около 100 книг. Здесь и монографии советских и дореволюционных русских историков, учебные пособия, массовые брошюры, журнальные статьи, а также источники, относящиеся к XII—XIII векам. Труды и исследования советских историков занимают видное место среди выставленных книг. Из них следует отметить такие работы, как труд акад. Б. Д. Грекова «План части Новгорода XVII в.», книжку Мавродина «Образование русского национального государства», работу Преснякова «Образование великорусского государства», Грекова и Якубовского «Золотая Орда», Насонова «Монголы и Русь», работу С. А. Таракановой-Белкиной «Боярские и монастырские землевладения в Новгородских пятнах и домосковское время», представляющую собой анализ Новгородских писцовых книг конца XV в.; Бернадского «Господин Великий Новгород» и ряд других. Все они дают возможность глубокого ознакомления с Новгородом и Псковом, с Русью того времени, к которому относятся интересующие нас события.

По вопросам истории самой немецкой агрессии XII—XIII вв. русская историография в монографиях представлена значительно слабее. Отметим здесь «Источниковедение» Тихомирова и «Историю средних веков» под редакцией А. Удальцова, Е. Косминского, О. Вайнштейна. Кроме того по этому вопросу выставлено значительное количество советских журналов со статьями на эту тему. Литература непосредственно о Ледовом побоище представляет собой главным образом популярные брошюры, из которых многие вышли уже во время войны. Среди них довольно обстоятельная работа Козаченко «Ледовое побоище», брошюры Подорожного, Лурье и др.

Большой интерес представляют и работы русских дореволюционных историков, таких, как Никитский, книжки которого «История экономического быта Новгорода», «Очерки внутренней истории Пскова», хотя и явно непригодны с точки зрения методологии, продолжают оставаться ценными в части разработки конкретного материала. Критического отношения требует и работа Костомарова «Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей», в которой глава VIII посвящена князю Александру Ярославичу Невскому. Труды Соловьева и Ключевского также нашли себе место на выставке. С интересом посетитель выставки остановит свое внимание и на такой книге, как «Живописный Карамзин, или Русская история в картинках», изданной Андреем Прево в 1836 году. Это предназначенный для юношества альбом картин, «сочинение» которых было поручено «воспитатнику императорской академии наук» Чорикову, а описание и составление текста — В. В. Строеву. Составленная на основе первоисточников, изданная тщательно и добротной, эта книга содержит ряд страниц, посвященных Александру Невскому и, в частности, Ледовому побоищу.

Особенно интересен отдел источников. Первое место среди них занимает «Полное собрание русских летописей», изданное Государственной археографической комиссией Российской академии наук. В 1-й Софийской летописи, 4-й и 5-й Новгородских летописях содержатся под датой 6750 год записи о бое на льду Чудского озера. Псковская летопись, переизданная уже при советской власти (подготовлена к печати Насоновым), в следующих словах повествует о нем: «В лето 6750 пришед князь Александр и побил немец во граде Пскове, и град Псков избави от безбожных немец, помощию святых Троица. И биаша с ними на льду, и пособи бог князю Александру и мужем новгородцем и псковичам; овы и изби и овы связав босы поведе по льду. Сии бои бысть месяца апреля в 1 день; и бысть во граде Пскове радость велия...» В других летописях эти же события передаются в несколько других вариантах с рядом подробностей. Большой труд Б. Мансики «Житие Александра Невского» (представляющий собой тщательный разбор всех редакций и текста «Жития», составленного еще современником Александра), также выставленный на витрине, является одним из источников по истории княжения Александра Невского. К числу ценных источников должна быть отнесена и «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского. По летописным записям и по другим источникам видно, какое сильное впечатление на современников произвела победа русских над немцами на Чудском озере и какой глубокий след она оставила в памяти последующих поколений.

Особое место среди источников занимают три книжки на немецком языке, издан-

ные в 1817, 1848 и 1876 годах. Это различные издания юдного и того же произведения — написанной в стихах Хроника Лифляндии. Автором ее считается живший в XIII в. «благородный» Дитлиб фон Альнлеке. Эта Хроника, написанная одним из немецких «братьев», изображающая их разбой и бесчинства как «угодную богу борьбу с язычниками во имя торжества христианства», переиздавалась не менее «благородными» холуями немецких баронов, посвящавшими свои издания «благородному и высокоблагородному рыцарству». При всем желании составителя, Хроника не могла обойти молчанием такое крупнейшее событие, как позорное поражение «братьев», нанесенное им русскими под водительством Александра Невского. Около трех страниц уделено этой борьбе. Правда, хронист всячески пытается уменьшить размеры поражения, количество убитых, пытается говорить о громадном якобы численном превосходстве русских, — тем не менее даже в этом искаженном зеркале выступает фигура сильного и умелого полководца Александра и его войска,

сражавшегося за свои земли, за свою свободу, а рыцари выглядят отнюдь не героями. Интересно, с какой яростью автор подчеркивает, что обратное завоевание Пскова русскими — величайшее бедствие для всего крестоносного воинства. «Псков в руках славян будет бедствием до конца мира», — восклицает он. «Благородные» прохвосты XIII в. завещали своим потомкам — извергам XX в. германским фашистам — захват Пскова, Новгорода, захват русских земель. Следуя этим заветам, германские фашисты, эти самые оголтелые из оголтелых империалистов, двинули свои орды по пути своих предков на наши священные земли, забыв при этом тот урок, который в свое время от русского народа получили их предки. Русский народ напомнит им этот урок. Немцы будут с еще большим позором изгнаны из русских земель, чем 700 лет назад. Героическое прошлое нашего народа является этому порукой.

Выставка интересна и полезна. С ней следует ознакомиться всякому, кто изучает героическое прошлое нашей родины.

О. В.

Редкие культурно-исторические памятники Государственного музея восточных культур

Музей собирает, изучает и экспонирует произведения всех видов изобразительного искусства стран советского и зарубежного Востока.

По Китаю имеются экспонаты начиная с эпохи династии Чжоу (1122—256 г. до н. э.) и кончая современностью; по Ирану — с XII по XIX в.; по Средней Азии представлена керамика доисторических периодов, эпохи парфянского господства (III в. до н. э. — III в. н. э.) и далее, кончая произведениями современного искусства.

Среди экспонатов древних периодов особенно интересна китайская живопись на шелку, начиная с VIII в. династии Тан (618—907), погребальная терракота той же эпохи и др. В отделе Ближнего Востока замечательны фарфоровая посуда XIII в. из городов Рея и Кашана, рукописные книги на персидском языке с миниатюрами XV—XVII вв. и т. д. По Средней Азии выделяются керамика из Афрасиаба раннемусульманской эпохи, буддийские памятники из древнего Гермеза и детали местной архитектурной декорации XI—XII вв., наконец, большое собрание туркменских ковров и др.

Коллекции пополняются экспедициями музея, приобретениями и поступлениями из государственных музейных фондов и других музеев.

I

Одним из ценных памятников музея является персидская рукопись произведений великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви (1141—1203). Книга датирована 1491 годом и содержит 56 миниатюр-иллюстраций. По числу миниатюр, их высокому художественному достоинству и хорошей сохранности рукопись может считаться прекрасным и редким образцом среди мировых собраний произведений Низами тимуридской эпохи. Рукопись является одной из ранних копий персидского текста пяти поэм Низами, называемых «Пятерица», «Хамсэ». Из них первое произведение, «Сокровищница лайн» («Махзен-эль-эсрар»), носит философско-нравоучительный характер с суфийской окраской и иллюстрировано расказами на темы поучения о справедливости, трудолюбии и воздержанности. Остальные четыре произведения «Пятерицы» — поэмы: «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» («Хефт пейкер») и «Книга об Александре» (Македонском) — «Искендер-Наме».

Имена художников и каллиграфа неизвестны. Переплет рукописи XIX в. картонный с росписью, покрытой лаком.

Рукопись происходит из собрания П. И. Щукина. Она была приобретена в Иране французским послом в Тегеране графом

Гобино и продана с аукциона его вещей в Париже.

Гениальный поэт Шейх Низам-уд-дин Абу-Мухаммед Элиас бен Юсуф Низами прожил всю жизнь в Гяндже. В ту эпоху Азербайджан достиг небывалого расцвета, а его культура и искусство — большой высоты. С распадом государства Сельджукидов, после смерти Мелик-шаха, южный Азербайджан, Нахичевань, Гянджа и Берда находились под властью азербайджанских атабеков Ильдегизидов, фактически независимых от Сельджукидов. По соседству Ширванское государство объединяло феодальные княжества части Азербайджана и управлялось при Низами Ширван-шахом Ахситаном.

Рано потеряв отца, Низами был воспитан своим дядей Ходжа-Омаром и получил прекрасное образование. Поэт был женат три раза и имел одного сына. Низами жил скромно, не искал почета и известности. Посвящая, согласно общепринятому обычаю, свои произведения правителям, Низами не только не заискивал перед ними, но неоднократно обличал в своих произведениях притеснение народа сильными мира и несправедливость правителей. Все его произведения проникнуты духом человечности, искания истины и уважения к труду.

Славу Низами как поэту доставили пять его крупных произведений, составляющих «Хамсе». В них он явился основоположником романтизма в ближневосточной поэзии, хотя был также и лириком. Низами — не только выдающийся поэт, но и великий гуманист. В трех из своих поэм он изображает прошлое Ирана, описывая героев не с исторической, а с общечеловеческой стороны.

Художники всех стран, где были распространены копии «Хамсе» Низами, иллюстрировали текст рукописей миниатюрами. Особенно известна на Ближнем Востоке тимуридская школа миниатюрной живописи, процветавшая в Герате и достигшая апогея блеска в период правления Байсункар-Мирзы (1397—1433) и еще более при его правнучке Султан-Хусейн-Мирзе (1468—1506). Главным министром последнего и тоже великим строителем и покровителем искусств и наук был знаменитый узбекский поэт Мир Алишер Навои. Султан-Хусейн-Мирза, называемый Байкара, и его везир поэт Навои немало способствовали славе Герата как культурнейшего города мира в ту эпоху. Байсункар-Мирза основал в Герате академию и библиотеку, где работали 40 художников и каллиграфов, вывезенных им из Западного Ирана. В Герате создавались великолепные иллюстрации таких рукописей, как «Хамсе» Низами, «Бустан» («Плодовый сад») и «Гюлистан» («Сад роз») Саади, «Шах-Наме» Фердоуси и других прославленных произведений. Мир Алишер — выдающийся человек своей эпохи — сам был не только поэтом, но и музыкантом, композитором и живописцем. Процветание гератской школы миниатюрной живописи было значительно обязано его заботам. Рукопись «Хамсе» была создана при жизни Навои.

Слава Герата распространялась далеко в других странах. Султан Бабуур, основатель династии Великих Моголов в Индии, был поклонником гератской культуры и вел переписку с Навои. Он выразился об эпохе Султан-Хусейн-Мирзы, что она была удивительным временем и что Герату не было равного города во всем мире.

Тимуридская школа живописи, сложившаяся на рубеже XIV и XV вв. в Ширазе, получила известность в Герате после переселения туда между 1397 и 1420 гг. части ширазских мастеров. Ее живопись отличается общим декоративизмом, тщательной законченностью, техническим мастерством, необычайным блеском и гармонией красочной гаммы, изяществом и выразительностью линейных контуров и оттенком романтизма. Отдельные живописные элементы миниатюры подчиняются композиции и организуются ею с целью декоративного эффекта. Общая условность и плоскостность живописи, невыразительность и однообразие типов сочетаются с чарующей красочной прелестью, изяществом и выразительностью рисунка, мастерством централизованной композиции, завершенностью и реализмом деталей.

Отдельные миниатюры рукописи музея интересны не только чисто живописной стороной, но и практикой сюжетов, в особенности в изображении быта незнатного люда, сравнительно редко встречающегося в отличие от многочисленных сцен придворного быта.

Подобных иллюстраций встречается больше в первом произведении «Хамсе» — «Сокровищнице пайн».

Поэма «Хосров и Ширин», созданная в 1180 г., повествует о любви царя Ирана Хосрова II Первиза династии Сасанидов к красавице Ширин. Поэма отличается необычайной глубиной, изяществом замысла и тонким пониманием душевных переживаний. Историческое имя Хосрова было сильно опозитивировано в Иране и у Низами. В рукописи музея поэма иллюстрирована 23 миниатюрами.

Поэма «Лейли и Меджнун» написана в 1188 г. на сюжет популярнейшего старинного предания о самоубвенной любви араба Кейса, прозванного Меджнуном, к другу его детства Лейли. Интересна миниатюра, изображающая школу, где среди детей сидят юные Меджнун и Лейли.

Поэма «Семь красавиц» окончена в 1197 г. и представляет собой собрание семи изящных новелл, объединенных целью приключений сасанидского царя Бахрама II Гюра (420—438), сына Иездигерда. Бахрам Гур тоже был опозитивирован в Иране и превращен в народного героя, легендарного по мастерству охотника, победоносного завоевателя, храброго богатыря и красавца, а также справедливого правителя. Бахрам познакомился в числе прочих своих походов с семью царевнами, жившими в семи балнях, посвященных семи планетам. Миниатюры изображают его посещения красавиц, рассказавших ему каждая по истории. Одна миниатюра иллюстрирует пребывание

Бахрама в красной башне Марса, у славянской царевны.

Последняя поэма — «Повесть об Александре» — была отделана после 1197 года. Ее содержание тоже не исторично. Александр Македонский, превращенный на Ближнем Востоке в легендарного героя, опоэтизирован Низами не только как завоеватель, но как философ, пророк и мудрейший правитель. Две миниатюры посвящены изображению сражения Александра с иранским царем Дарием Ахеменидом, затем сцена свидания Александра с умирающим Дарием. Изображается также бой армии Александра с воинами «русского царя Кайтала», вышедшего навстречу Александру, когда он вступил в пределы России. Интересна сцена беседы Александра с семью мудрецами: Платоном, Аристотелем, Фалесом, Аполлоном, Тианским, Сократом, Порфирием и Гермесом. Имеется ряд миниатур к тексту путешествия Александра на Восток, в Индию, Китай и др.

Эта превосходная рукопись была обработана Музеем и стоит в плане издательства в связи с 800-летним юбилеем со дня рождения Низами (1141—1941).

II

Другим уникальным памятником является серия миниатур из рукописи «Мемуаров» султана Бабура. Захир-уд-Дин-Мухаммед, прозванный Бабуром (1483—1530), эмир из Ферганы, потомок Тимура, завоевал в 1526 г. Северную Индию и основал там династию Бабуридов, называемых европейцами Великими Моголами («Моголы» — от испорченного слова монгол). Бабур был выдающимся человеком своего времени: талантливый полководец, администратор, всесторонний знаток современных ему народов, государств и знаменитых людей, он в своей бурной, полной приключений и тревог походной жизни умел уделять время наукам, литературе и искусствам. Бабур и сам был классическим поэтом и прозаиком Средней Азии, оставив крупнейший вклад в поэзию XV—XVII вв. своим собранием лирических стихотворений. Его «Мемуары» — лучший образец прозы в чагтайской (восточнотюркской) литературе периода ее расцвета. В них отразился весь огромный жизненный опыт Бабура как человека, полководца и государственного деятеля, его превосходная осведомленность во всей современности и его крупнейший литературный талант. Со свойственной ему разносторонностью и трезвым практическим взглядом Бабур, подобно Цезарю в его комментариях о галлах, сообщает массу самых разнообразных и интересных сведений по вопросам политики, истории, экономики, быта и природы Средней Азии, Афганистана и Индии. Личные, интимные переживания, любовные похождения и увеселения талантливо изложены в «Мемуарах», читающихся как увлекательнейшая повесть.

«Мемуары» представляют собой автобиографию Бабура и запись характера дневника, ведущегося почти весь сознательный период жизни на чагтайском языке. Под-

линчик «Мемуаров» был утрачен, и не сохранилось ни одной копии без крупных пробелов. Из 47 лет жизни Бабура наиболее полные рукописи охватывают только 18 лет; пробелы в 6, 16, 18 месяцев, 5 лет 10 месяцев и в 11 лет (всего в 20 лет и 2 месяца) произошли, вероятно, вследствие утраты соответствующих листов оригинала, уничтоженных ураганом в Бенгалии, сорвавшим палатку Бабура.

Одной из копий, наиболее близких к оригиналу, является турецкая рукопись в Гайдерабаде, переписанная около 1700 г. в Индии при Моголе Аурангзебе. Другая копия была приобретена Эльфитстоном в Пешавере в 1810 году. Гайдерабадская рукопись озаглавлена «Бабур-Намэ», т. е. «История» или «Повесть о Бабуре», подлинного же названия труда не сохранилось. Перевод «Мемуаров» с чагтайского на персидский язык, распространенный на мусульманском востоке среди образованных слоев населения как язык литературы, науки и двора, был сделан Абдур Рахимом в Индии в 1589 г. по приказанию императора Акбара, внука Бабура. Персидские списки Акбара были иллюстрированы в его придворных мастерских в Агре, или в Дели, в последнем десятилетии XVI века.

В музее имеется 57 листов с 69 миниатюрами на них и с текстом на обороте, вся же персидская рукопись, происходящая, без сомнения, из Индии, с миниатюрами времен Акбара до нас не дошла. Листы с миниатюрами были приобретены А. В. Морозовым на нижегородской ярмарке у иранских купцов, привезших их из Ирана, и от него перешли к П. И. Щукину.

По стилю миниатюры являются типичным и прекрасным образцом раннемогольской живописи, когда при Акбаре она только что сложилась, и по своему количеству, качеству и сохранности могут считаться первыми среди мировых собраний иллюстраций из рукописей «Бабур-Намэ».

19 миниатюр из числа находящихся в музее иллюстрируют эпизоды «Мемуаров», связанные со Средней Азией, 10 относятся к Афганистану и 40 — к Индии, причем из последних 28 изображают флору и фауну Индии.

Хотя миниатюры данной серии были исполнены в Индии и все детали и окружающая обстановка были заимствованы из индийской современности, художники-индийцы, без сомнения, пытались как можно точнее иллюстрировать текст.

У большинства миниатюр на обороте листа имеется персидский текст прекрасного почерка, причем содержание обычно совпадает с изображенным сюжетом миниатюры.

В «Мемуарах» Бабур дает с исключительной пунктуальностью сведения о природе неизвестной дотоле ему Индии, отмечая качества и особенности даже отдельных видов плодов и растений. В музейной серии имеется ряд превосходных миниатюр, изображающих флору и фауну Индии на фоне отдельных частей пейзажа.

С. Толяев

Работа Государственного исторического музея в условиях Великой отечественной войны

С начала Великой отечественной войны работа Московского государственного исторического музея (ГИМ) протекала без перерывов и не только не была сужена, но во многих частях значительно выросла. Коллектив научных работников сумел быстро и серьезно откликнуться на актуальные вопросы, выдвигаемые военным временем, и сейчас вся тематика массовой, экспозиционной, собирательской и научной работы идет в ногу с запросами нашей сложной, часто суровой, но великой и героической действительности.

Естественно, что первое место и по размерам и по значению занимает сейчас в ГИМ массовая работа. ГИМ организовал лекции на тему «Героическое прошлое русского народа» — сначала по собственной инициативе в обеденный перерыв на предприятных, а вскоре и по вызову организаций (МОГЭС, «Красный пролетарий», общежития ополченцев, казармы частей Красной Армии и войск МПВО). Следуя принципу музея, словесное изложение дополнялось выставкой-передвижкой на ту же тему. Как показывают многочисленные отзывы, просмотр ее одинаково интересен и бойцам и командирам.

Следующую тему для своей работы научные сотрудники ГИМ почерпнули в речах товарища Сталина 6 и 7 ноября 1941 года. Они разработали лекцию с выставкой-передвижкой на тему «Великие русские полководцы» (Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Суворов и Кутузов).

В январе 1942 г. была готова новая тема с выставкой-передвижкой — «Героическая оборона Москвы в прошлом и настоящем и разгром немецких войск под Москвой в 1941 году».

Необходимо отметить, что в 1942 г. деятельность лекторов ГИМ территориально значительно расширилась. Они не раз выезжали на оборонительные рубежи и в прифронтовую полосу. В связи с этим ударными темпами была проведена работа по подбору и изготовлению так называемого портфеля лектора — комплекса наглядных пособий по темам лекций, специально оформленных для использования в госпитальных палатах с лежащими больными и для дальних переездов. Отзывы и прямые просьбы бойцов и командиров заставили научных работников ГИМ в течение февраля и начала марта обеспечить все разработанные темы выставками-передвижками и отправить непосредственно на фронт две такие выставки в сопровождении научного работника ГИМ (теперь бойца Красной Армии) Е. И. Крупнова, который получил несколько дней отпуска в Москву для защиты кандидатской диссертации и затем снова возвратился в строй. Передвижки обеспечили тов. Крупнову необходимый

вспомогательный материал для его занятий по истории СССР с бойцами на фронте. Теперь готовы следующие темы передвижек: «Ледовое побоище», «Семилетняя война», «Отечественная война 1812 г.», «Брусиловский прорыв». Начато изготовление тем «Разгром немецких оккупантов на Украине» и «История гвардии и боевые подвиги РККА».

Но массовая работа ГИМ не ограничивается выездами лекторов. Не прерывается работа и в стенах музея. Не забывает ГИМ и своих постоянных клиентов — школьников; в залах музея для школьников IV—V классов проведен ряд массовок, организованных Городской детской экскурсионной станцией по районам Москвы. Первая такая массовка состоялась 10 марта с. г. для ребят Куйбышевского и Ростокинского районов на тему «Суворов — Кутузов». После массовки было ее обсуждение и беседа ребят с участником Великой отечественной войны тов. Панченко. С февраля этого года ведутся лекции и в районных домах пионера.

Однако основное количество групповых посетителей и одиночек составляют бойцы Красной Армии, настолько заполняющие иногда залы музея, что не хватает наличного числа лекторов-руководителей (14 человек). Общая посещаемость ГИМ в январе 1942 г. — 4382 человека.

Другие разделы работы ГИМ не меньше, чем раздел массовой работы, связаны с переживаемыми нашей страной событиями. Экспозиция основных зал музея расширяется и перестраивается согласно запросам настоящего времени. В августе 1941 г. в девяти залах музея была открыта «Антифашистская выставка», в устройстве которой совместно с ГИМ принимали участие и другие музеи Москвы. В течение осени была подготовлена и теперь открыта выставка, посвященная личности и деятельности А. В. Суворова; она занимает два зала. Давая интересный материал, выставка привлекает и своеобразием художественных экспонатов, например портрет отца полководца, его рано умершего сына и, наконец, редкий портрет самого Александра Васильевича в молодые годы.

В настоящий момент экспозиционные работники музея заканчивают перестройку выставки, посвященной Отечественной войне 1812 года. На выставке будет экспонирован новый материал, освещающий роль Кутузова в борьбе с Наполеоном.

На ближайшие месяцы намечены: работа по подготовке в десяти залах музея экспозиции по Великой отечественной войне 1941—1942 гг. (в частности героическая оборона Москвы), выезд бригады сотрудников-экспозиционеров с антифашистской выставкой в глубокий тыл для обслуживания населения, госпиталей и резервных частей Красной Армии.

Интенсивно идет работа по разделу собирания исторических материалов Великой отечественной войны. По плану раздела намечены: собирание документального и вещевого материала; составление актов о состоянии исторических памятников в местностях, побывавших в руках фашистских оккупантов; опросы участников борьбы с интервентами и свидетелей их зверств, помощь местным музеям по их восстановлению.

Выполнение этого плана начато частично совместно с Институтом истории материальной культуры (ИИМК). В январе 1942 г. сотрудниками музея сделано уже три выезда:

а) в Истру, где составлен акт о разрушении собора и состоянии территории музея, проведен опрос ряда свидетелей из сотрудников Истринского музея и жителей города, оказана помощь в организации местной выставки трофеев и сделана передвижная выставка на тему «Немцы в Истринском районе» (4 щипка);

б) в Волоколамск, где составлены акты о состоянии музея-монастыря и музея А. С. Пушкина в доме Гончаровых в селе Яропольцах, собран трофейный материал и документы (для ГИМ), проведены опросы участников партизанского движения в районе;

в) в Можайск, где намечено, кроме работ по собирательству материалов, еще

чтение лекций для местного населения. В музей (уже поступают новые вещевые материалы, и проводится их инвентаризация). При помощи соответствующих военных организаций научные сотрудники ГИМ отобрали для музея наиболее характерные трофейные материалы.

Научно-исследовательская работа сотрудников ГИМ также органически связана с современностью. Здесь интересны коллективные работы: подготовка к печати (почти законченная уже) сборника статей и материалов, связанных с немецкой оккупацией г. Истры и Истринского района, а также работы по историческим памятникам, разрушенным фашистами. Не менее ценны для нашего времени и индивидуальные работы научных сотрудников (статьи, доклады, диссертации), тематика которых объединена положением: «Раскрыть и закрепить новыми доказательствами еще не исследованных или малоизвестных материалов все богатство исканий, достижений и совершенного творчества русской национальной культуры в материальных памятниках». Такковы, например, работы «Из истории русского национального оружия», «Художественные русские ткани», «Русские мастера-серебряники по неизданным клеймам» и др.

Большая и ценная работа, проводимая коллективом ГИМ, заслуживает одобрения со стороны советской общественности.

З. Базилева

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ Не прекращая своей научной работы, ряд видных английских историков принимает активное участие в издании пропагандистской литературы («Оксфордская серия брошюр о мировой политике» и др.). К такого вида литературе принадлежит книга Мак Иннса «Британская империя в войне», разошедшаяся в большом количестве экземпляров. По инициативе Английской ассоциации подготовлена к изданию книга «Нападение на Англию»; автор ее, адмирал Ричмонд, исследует историю нападений на Англию с моря и попыток нападений за всю историю Англии после римского завоевания.

◆ Английская историческая ассоциация, несколько свернувшая свою работу в первые полтора года войны, в 1941 г. начала снова оживать. В начале лета 1941 г. состоялось заседание совета Ассоциации; по некоторым причинам заседание пришлось провести не в Лондоне, как обычно, а в Оксфорде. На заседании наряду с организационными и финансовыми вопросами был заслушан доклад на тему «Загадка Германии».

Одним из признаков оживления деятельности Ассоциации явилось установление контакта с историческим институтом уни-

верситета в г. Коимбра (Португалия). Последний взял на себя инициативу публикации информационных материалов о научно-исследовательской работе историков различных стран. За получением подобной информации университет обратился к Английской исторической ассоциации.

◆ В результате воздушных налетов германской авиации на Лондон сильно пострадала Центральная национальная библиотека — одна из крупнейших в Англии. Значительная часть книжного фонда была спасена, в том числе каталоги и библиография. В здании библиотеки произведен необходимый ремонт, и она продолжает вести работу как по обслуживанию индивидуальных читателей, так и по книгообмену с другими библиотеками и передвижками.

◆ Появление в Англии несмотря на войну нового журнала по медиэвистике вызвало значительный интерес. Новый журнал под названием «Этюды по средним векам и Ренессансу» («Medieval and Renaissance Studies») выходит в Лондоне. Редакторы журнала — Ричард Хент и Реймонд Клибански. В первом номере помещены главным образом исследования по средневековой истории Англии, в частности статьи Саутер-

на «Святой Ансельм и его английские ученики», «Спиноза и квакеры в 1657», «Неизвестная переписка Лейбница с английскими учеными и литераторами». Предполагается выход журнала два раза в год.

◆ Известное английское издание «Университетская библиотека надому» («Home University Library») перешло в руки издательства Оксфордского университета. Это издание было начато по инициативе издательства Вильямс и Норвуд и выходит с 1910 года. За время существования в сериях этого издания вышло большое количество весьма ценных книг, в том числе много книг по истории; каждая книга, как обязательное правило, принадлежит перу виднейшего специалиста в данной области. Издательство Оксфордского университета намерено продолжать издание далее, не изменяя его характера.

◆ Руководящий орган Американской исторической ассоциации — ее Совет — назначил специальную комиссию, которой поручено изучить возможности переиздания протоколов английской палаты общин за период 1801—1900 годов. Это громадное печатное издание, насчитывающее в общей сложности до 4 млн. страниц, в свое время выпускалось в ограниченном числе экземпляров. В настоящее время отдельные выпуски протоколов палаты можно найти почти во всех книгохранилищах мира, однако ни в одном, если не считать библиотеки Лондонского музея, нет полного сборника всех выпусков. Между тем нужда в таком издании огромна: ни один историк как международных отношений, так и экономической и политической истории Англии не может обойтись без этого источника. Поскольку, однако, переиздание серии протоколов палаты, ввиду их колоссального размера, связано с огромными финансовыми затратами, Американская историческая ассоциация изыскивает способы более дешевой репродукции этого издания. Комиссия, назначенная для этой цели, должна вскоре сделать доклад Совету.

◆ В конце декабря 1940 г. состоялась очередная годовая (36-я) сессия Тихоокеанского отделения Американской исторической ассоциации. На сессии были, между прочим, заслушаны следующие доклады: «Военное поражение Франции в 1870—1871 гг.» (Оливер); «Гавайи и проникновение США в северо-восточную часть Тихого океана» (Бредли); «Некоторые аспекты социального расслоения в Англии XV века» (Зрупп); «Проблема заселения Канады» (Уоллес) и др. Три доклада были посвящены обороне США и Западного полушария: проф. Сэйдж из университета Британской Колумбии читал доклад на тему «Исторические особенности Канады в отношении обороны Западного полушария»; доклад проф. Голта из Вашингтонского университета озаглавлен: «США и оборона полушария за период 1915—1940 гг.»; О. Перейра, ректор Панамского университета, сделал доклад на тему «Значение латиноамериканской обороны континента». На сес-

сии был также заслушан историографический доклад об английской истории и английских историках и ряд других докладов по вопросам истории Дальнего Запада и Тихого океана.

◆ Весной 1941 г. в г. Остине (штат Техас, США) состоялось очередное годовое (45-е) заседание Исторической ассоциации штата Техас. На заседании, посвященном в основном проблемам истории Техаса, подвергся обсуждению также вопрос о способах и методах сохранения ценных исторических сооружений штата. Этот вопрос приобрел особую остроту в связи с запущенностью ряда зданий этого рода; недостаточные ассигнования на ремонт и поддержание этих зданий ставят под угрозу их сохранение.

◆ Весной 1941 г. в Мильвоки (штат Висконсин, США) состоялось очередное годовое (94-е) заседание «Исторической ассоциации бассейна Миссисипи». Основной темой докладов явилась разработка идеи о влиянии границы на историю штатов бассейна Миссисипи: церковь и граница, биография Брайема Юнга (известного основателя общины мормонов на Соленых озерах) и т. д. Отдельные доклады были посвящены проблеме собирания рукописей и вопросу о том, в какой мере художественная литература Старого Света на протяжении последних десятилетий занималась темой Америки.

◆ Изданный недавно 6-й годичный доклад архивариуса Соединенных Штатов Северной Америки излагает деятельность национальных архивов США за период 1939—1940 годов. В частности в докладе указана помощь, какую оказывают архивы в осуществлении правительственной программы обороны, предоставляя правительственным комиссиям и отдельным министерствам различные материалы, относящиеся к участию США в предшествующей войне. В докладе архивариуса также перечисляются особые приобретения национальных архивов, открытые для исследователей, в частности новые материалы по земельному вопросу (распродажа земель, переписи и статистические обследования) в Западных штатах за период 1803—1833 гг., а также по некоторым другим штатам (Арканзас, Калифорния, Айдахо, Луизиана и Охайо) за период 1829—1920 гг., архивные материалы — служебная переписка и др. Бюро сельскохозяйственной экономики за период 1926—1931 гг. и др.

◆ Стремясь к укреплению связей между США и республиками Латинской Америки, правительство США установило постоянную систему предоставления мест в высших учебных заведениях США для студентов Латинской Америки. В истекающем 1941/42 учебном году в колледжах и университетах США учится 43 студента Латинской Америки, из них: 15 — из Бразилии, 4 — из Аргентины, 11 — из Чили, 3 — из Колумбии, 1 — из Коста-Рики, 1 — из Эквадора, 1 — из Гаити, 1 — из Гондураса,

3 — из Перу и 3 — из Уругвая. Места, с которыми связано денежное поощрение, предоставляются отличившимся студентам. Есть вакансии по различным специальностям: истории, филологии, журналистике, музыке и техническим наукам. Отбор кандидатов производится через отдел культурных связей государственного департамента США (министерство иностранных дел).

◆ В июне 1941 г. в связи с 50-летним юбилеем Станфордского университета (штат Калифорния, США) состоялась торжественная сессия кафедр университета, длившаяся 6 дней (15—20 июня). Сессия была посвящена теме «Университет и будущность Америки». В работах сессии наряду с профессурой университета приняли участие прибывшие гости, в том числе бывший президент США Герберт Гувер, известные историки Чарльз Сеймур (Йельский университет), Сидней Фей (Гарвардский университет) и др. 20 июня было открыто новое здание библиотеки университета, которая носит название Библиотеки Гувера, по вопросам войны, революции и мира. Новая библиотека уже давно начала подбирать литературу по всем вопросам послевоенной истории, истории войны и революции. В настоящее время отдел архивных материалов библиотеки представляет собою одно из крупнейших собраний этого рода в мире.

◆ Как сообщает журнал «Pacific Historical Review», сотрудник Станфордского университета профессор Лютц и архивариус Библиотеки Гувера по неопублико-

ванным архивным материалам этой библиотеки подготовили к печати документальный сборник по истории союзнической блокады и ее влияния на Германию, главным образом в период 1918—1919 годов. Основным материалом послужили неопубликованные бумаги Верховного экономического совета союзных держав и других межсоюзнических организаций.

◆ Как сообщает журнал «Pacific Historical Review», за период 1938—1940 гг. провинциальные архивы Британской Колумбии (Канада) пополнились рядом ценных материалов, главным образом по вопросу о морской торговле в этой части американского материка.

В числе приобретений имеется несколько документов, относящихся к истории Компании Гудзонова залива.

◆ Январский выпуск журнала Исторического общества Британской Колумбии «Исторический журнал Британской Колумбии» (выходит поквартально) опубликовал несколько интересных статей, относящихся к истории Русско-американской компании. Статья Дональда Дэвидсона посвящена вопросу о взаимоотношениях Компании Гудзонова залива с Русско-американской компанией на северозападном побережье Америки за период с 1829 по 1867 г.; в журнале публикуется также несколько архивных документов, относящихся к истории деятельности Русско-американской компании на американском материке.

Н. Е.

СОДЕРЖАНИЕ

Панкратова А. — Двадцатипятилетняя годовщина свержения самодержавия 3

СТАТЬИ

Колосов М. — Боевой путь дивизии 16
Кубиков И. — Идея патриотизма в русской литературе 25
Авдиев В. — Фашистская фальсификация древневосточной истории 41
Гельбрас Г. — Крах фашистской авантюры в Иране 54
Войтинский Г. — Война на Тихом океане 68

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Стрельский В. — Отечественная война 1812 г. в Сибирь 82
Дулов В. — К участию Сибири в Отечественной войне 1812 года 87
Стальной В. — Утопия Джерарда Уинстэлла 89

ДОКУМЕНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 99

КОНСУЛЬТАЦИЯ

Бочкарев В. — Александр Невский 113
Авдиев В., Косминский Е., Ефимов А. — Преподавание всеобщей истории в средней школе в дни отечественной войны против германского фашизма 122

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Два года германского гнета в Чехословакии 130
Ерфеев Н. — Документы и материалы о японской агрессии в Китае 143

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ 146

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР 148
Историческая наука за рубежом 156

ИСПРАВЛЕНИЯ, КОТОРЫЕ СЛЕДУЕТ ВНЕСТИ В № 1—2 «ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» ЗА 1942 ГОД:

В статье Н. Коробкова «Крушение империи Наполеона» на стр. 87, строка 24 сверху, напечатано: «Россия настаивала на гарантиях нападения», — должно быть: «Россия настаивала на гарантиях ненападения».

В статье А. Яковлева «Четыре встречи с В. И. Лениным» на стр. 160, второй столбец, строки 16—17 сверху, напечатано: «В декабре 1896 г.», — должно быть: «В декабре 1895 г.».

В статье Д. Зандберг «По американским журналам» на стр. 177, второй столбец, 8—9 строки сверху, напечатано: «координацию без субординации», — должно быть: «координацию без субординации».

CONTENTS:

Pankratova A. Twenty-five year's anniversary of overthrow of Autocracy.
ARTICLES: Kolosov M. The way of battle of one division. Kubikov J. The patriotic Idea in Russian literature. Avdiev V. Fascist falsification of ancient East history. Gelbras G. The Crash of fascist adventure in Iran. Voitinsky G. The War on Pacific Ocean. COMMUNICATIONS AND PUBLICATIONS: Strelsky V. The national War 1812 and Siberia. Dulov V. The Contribution of Siberia to the national War of 1812. Stalny V. The Utopia of Gerard Winstenly. DOCUMENTS ANENT THE GREAT NATIONAL WAR. CONSULTATION: Bochkarev V. Alexander Nevsky. Avdiev V., Kosminsky E., Efimov A. A teaching of universal history in secondary school in the days of national War against German fascism. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY. BIBLIOGRAPHICAL NOTES. CHRONICLE.

SOMMAIRE:

Pankratova A. Vingt-cinquième anniversaire de l'absolutisme. ARTICLES. Kolossoff M. Le chemin vigoureux d'une division. Koubikoff J. L'idée patriotique dans la littérature russe. Avdiev V. La falsification fasciste de l'histoire de l'Orient antique. Guelbras G. La faillite de l'aventure fasciste en Iran. Voitinsky G. La guerre en Pacifique. COMMUNICATIONS ET PUBLICATIONS: Strelsky V. Guerre nationale de 1812 et Sibérie. Douloff V. Participation de Sibérie à la guerre nationale de 1812. Stalny V. L'utopie de Gerard Winstenly. DOCUMENTS DE LA GRANDE GUERRE NATIONALE. CONSULTATION: Botchkareff V. Alexander Nievsky. Avdiev V., Kosminsky E., Efimoff A. L'enseignement de l'histoire universelle à l'école secondaire pendant la guerre nationale contre le fascisme allemand. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. NOTES BIBLIOGRAPHIQUES. CHRONIQUE.

INHALT:

Pankratowa A. Der fünf und zwanzigste Jahrestag des Sturzes der Selbstherrschaft. ARTIKEL: Kolossoff M. Der Kampfweg einer Division. Kubikoff I. Die patriotische Idee in der russischen Literatur. Awdiew W. Faschistische Falsifikation der altorientalischen Geschichte. Gelbras G. Das Scheitern des faschistischen Abenteurers in Iran. Woitinsky G. Krieg auf dem Pazifik. MITTEILUNGEN UND PUBLIKATIONEN: Strelsky W. Vaterländischer Krieg 1812 und Sibirien. Duloff W. Zur Sibiriens Teilnahme im vaterländischen Kriege 1812. Stalniy W. Die Utopie von Gerard Winstenly. DOKUMENTE DES GROSSEN VATERLÄNDISCHEN KRIEGES. KONSULTATION: Botschkareff W. Alexander Newsky. Awdiew W., Kosminski E., Efimoff A. Unterricht der Weltgeschichte in der Mittelschule während des vaterländischen Kriegs gegen den deutschen Faschismus. KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE. BIBLIOGRAPHISCHE NOTIZEN. CHRONIK.

Редакционная коллегия:

Ем. Ярославский
Б. М. Волин
И. И. Минц
А. М. Панкратова
И. А. Кудрявцев
С. И. Гопнер

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239. Тел. Д 3-31-04 и Д 3-36-50.

А 50890. Изд. № 291. Зак. № 731. Тираж 30.000.

Подписано к печати 23/IV, 1942 г. 68.000 п. зн. в п. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Цена в руб.

589